

М. С. Лазарев ИМПЕРИАЛИЗМ И КУРДСКИЙ ВОПРОС

М. С. Лазарев

ИМПЕРИАЛИЗМ И КУРДСКИЙ ВОПРОС

(1917-1923)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. С. Лазарев

**ИМПЕРИАЛИЗМ
и курдский вопрос**
(1917-1923)

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

Рецензенты

А. С. АВЕЛЯН, Б. М. ПОЦХВЕРИЯ

Ответственный редактор

Г. И. МИРСКИЙ

Утверждено к печати

Институтом востоковедения АН СССР

Лазарев М. С.

Л 17 Империализм и курдский вопрос (1917—1923).—
М.: Наука. Главная редакция восточной литерату-
ры, 1989.— 325 с., ил.

ISBN 5-02-016440-2

В монографии продолжается тема, впервые разработанная автором в книге «Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в.— 1917 г.)», которая вышла в 1964 г. и в переработанном и дополненном виде переиздана в 1972 г. под названием «Курдский вопрос (1891—1917)». В данной книге освещается непродолжительный, но чрезвычайно насыщенный событиями период, ставший этапным в истории курдов и Курдистана в течение всего новейшего времени. В ней рассказывается о послеоктябрьском подъеме национального движения курдов, о новом разделе Курдистана и планах его колониального порабощения, о дипломатической афере Лондона с проектом создания «независимого» Курдистана, о принципиальной позиции молодого Советского государства в курдском вопросе.

Л 0503000000-081
013(02)-89 148-89

ББК 63.3 (5)

ISBN 5-02-016440-2

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

«Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решении партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляют права свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о форме государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, то есть захватом и насилием».

В. И. Ленин. Декрет о мире. Принят II Всероссийским Съездом Советов 26.X(8.XI).1917 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курдский вопрос возник в ближневосточном регионе в первые десятилетия XIX в. и не теряет своей остроты до наших дней. В основе этого вопроса находится освободительная борьба порабощенного курдского народа, знавшая взлеты и падения, но никогда не прекращавшаяся. Курдам не удалось добиться решающего успеха ни в Курдистане в целом, ни в отдельных его частях. Но и врагам курдской свободы никогда не удавалось окончательно подавить курдское национальное движение. Остаются в наличии все фундаментальные причины, питающие это движение и делающие курдский вопрос одним из постоянных и самых болезненных факторов внутри- и внешнеполитической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

В своем историческом развитии курдский вопрос прошел ряд этапов. Их хронологические рамки определяются, с одной стороны, социально-экономическими, политическими и идеологическими процессами как в самом Курдистане, в курдском обществе, так и в странах проживания курдов, а с другой стороны, — формационными сдвигами во всем мире (особенно в странах, имеющих интересы на Ближнем и Среднем Востоке), сопровождавшимися изменениями в международных отношениях, в том числе на ближневосточной арене. В соответствии с этими критериями курдский вопрос с момента своего возникновения прошел уже три этапа и в настоящее время находится на четвертом.

Первый этап завершился в 80-е годы XIX в. Возникновение курдского вопроса было обусловлено такими взаимосвязанными историческими процессами, как прогрессирующее ослабление Османской империи и шахского Ирана и неспособность правящих кругов этих отсталых государств встать на путь решительного обновления, а также их экономическое закабаление за-

падным капиталом и, как следствие этого, — частичная утрата ими и своего политического суверенитета, т. е. превращение этих стран в полуколонии. Одновременно возникла и обострилась конкурентная борьба великих держав того времени — России, Англии, Франции, Австро-Венгрии — за территориальные приобретения и сферы влияния на Ближнем Востоке, за долю участия в эксплуатации природных богатств Турции и Ирана. В этой борьбе территория расселения курдов в Восточной Анатолии, Северном Ираке и Западном Иране приобретала важное стратегическое значение. Сами же курды, воспользовавшись заметным ослаблением центральной власти и военно-политическим вмешательством держав, вступили на путь освободительной борьбы против гнета турецких султанов и иранских шахов. То были выступления феодально-сепаратистского характера, соответствовавшие тогдашнему весьма невысокому уровню развития курдского общества.

Второй этап наступил на рубеже 80—90-х годов прошлого века под воздействием крупных сдвигов внешнего и внутреннего характера. В этот период мировой капитализм вступил в империалистическую стадию. Это привело к существенным изменениям на Ближнем Востоке. Превращенные в полуколонии капиталистических держав Европы Османская империя и Иран подверглись еще большей эксплуатации и унижению. Прибавилось число участников грабежа: вслед за Германией и Италией с притязаниями на свою долю выступили и Соединенные Штаты Америки.

Готовился окончательный раздел этих отсталых, полуфеодальных, раздиравшихся внутренними противоречиями и центробежными силами стран. К фактическому разделу Ирана державы (Россия и Англия) уже приступили. Но одновременно в Турции и Иране на почве происходивших в этих странах социально-экономических и идейно-политических процессов и под непосредственным влиянием революционных событий в соседней России возникли и окрепли силы сопротивления империализму, колониализму и местной монархической, феодально-компрадорской и клерикальной реакции, проявившие себя в таких ярких событиях эпохи «пробуждения Азии», как младотурецкая революция 1908—1909 гг. и Иранская революция 1905—1912 гг. То было время зарождения и первых шагов курдского национализма как идейно-политического течения, впервые вышедшего на историческую арену и провозгласившего свою конечную цель — создание на территории этнического Курдистана курдского национального государства.

Следующий — *третий* — этап наступил после Великого Октября и окончания первой мировой войны. Начиналась эпоха кризиса и распада колониальной системы империализма; кризисные явления прежде всего и с наибольшей силой сказались именно на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе, конечно, и в Курдистане. Наибольший урон империализм понес в «севе-

рном ярусе» ближневосточного региона, где на путь независимого развития встали Турция, Иран, Афганистан, впервые в своей истории установившие прочные добрососедские и равноправные отношения с Советским Союзом. Однако империалистические державы, стремясь сохранить и укрепить свои позиции в регионе, значение которого в мировой экономике и политике после открытия там огромных запасов нефти и начала ее добычи заметно возросло, прибегли к политическим маневрам крупных масштабов и далеко идущих замыслов.

В соответствии с духом времени была модифицирована традиционная колониальная система: на Арабском Востоке возникли подмандатные государства и территории (Ирак, Сирия, Палестина), а также формально независимые, но находившиеся под полным военным, политическим и экономическим контролем Англии государства (Трансиордания, Египет). В состав Ирака и Сирии вошли Южный и Юго-Западный Курдистан. Кроме того, занимавшие наиболее сильные позиции на ближневосточной арене британские империалисты в период послевоенного мирного урегулирования пытались сделать непосредственную ставку на курдов, официально провозгласив лозунг независимого (или автономного) Курдистана. Этот этап характеризовался наивысшим подъемом курдского национализма, под знаменами которого проходили освободительные движения народных масс во всех частях Курдистана.

Последний этап наступил после окончания второй мировой войны и продолжается до сих пор. Сложившаяся в послевоенный период расстановка сил на мировой арене оказала непосредственное воздействие на ситуацию в Курдистане, на курдский вопрос в целом. С одной стороны, в результате победы над германским фашизмом и японским милитаризмом прогрессивных сил неизмеримо выросла их мощь, в том числе на Ближнем Востоке. С другой стороны, в регионе резко возросла активность империализма, особенно американского, из-за чего Ближний Восток стал главным очагом международной напряженности, самым взрывоопасным местом на Земле. Это намного осложнило положение курдов, которым пришлось бороться против объединенных сил империализма и региональной реакции. И хотя послевоенное курдское движение в целом преодолело рамки буржуазного национализма, перейдя на более высокую стадию революционного демократизма, оно не добилось решающих успехов в справедливой борьбе за национальное самоопределение курдского народа. Не преодолены еще серьезнейшие препятствия как внутреннего, так и внешнего порядка.

Каждый из перечисленных этапов, разумеется, имеет свою внутреннюю периодизацию, соответствующую приливам и отливам курдского национального движения и конъюнктурным изменениям на международной арене. Современный этап, например, делится на периоды 1945—1958 гг., 1958—1975 гг. и современный период — после 1975 г. Предыдущий, третий, этап также

может быть расчленен. Для судеб курдского национального движения, для всего курдского вопроса особое значение имеет послеоктябрьский период, начавшийся в конце 1917 г. и завершившийся в середине 1923 г. подписанием Лозаннского мирного договора, окончательно покончившего со знаменитым Восточным вопросом. Именно этот период, непродолжительный по времени, но чрезвычайно насыщенный важными событиями военной, политической и дипломатической истории, является предметом настоящей монографии.

Исследование предпринято, можно сказать, в порядке последовательной очередности. Курдский вопрос в XIX — начале XX в. уже подвергся всестороннему изучению в трудах Н. А. Халфина, Д. Д. Джалиле и автора этих строк¹. За рубежом подобных работ не появлялось, советское востоковедение в этом безусловно является пионером.

Что касается последующего периода истории курдского вопроса, которому посвящена настоящая книга, то здесь ситуация с изученностью выглядит иначе. В свое время злободневность курдской проблемы и выдвинутые Антантой планы создания «независимого Курдистана» породили обширную литературу у нас и за границей — большей частью публицистического характера. Написанная по горячим следам событий, она была *конъюнктурна* в подлинном смысле этого понятия, т. е. обладала соответствующими и положительными, и отрицательными чертами. Была свежесть восприятия сиюминутных фактов, многие из которых благодаря этому и сохранились для истории, но была и преднамеренная тенденциозность, порожденная не только субъективными, но и объективными обстоятельствами. Во всяком случае, истина терпела ущерб. Кроме того, многие побуждения и тайные пружины, двигавшие событиями, вообще, по понятным причинам, были скрыты от современников, а фундаментальные исследования, проникающие вглубь, еще не были написаны.

Они не появились и позже, может быть, потому, что с 30-х годов напряженность в Курдистане надолго спала (за исключением ее кратковременного подъема в иракской и иранской частях в конце второй мировой войны и сразу после ее окончания). Проблема «независимого Курдистана», по крайней мере в ее международном аспекте, была снята с повестки дня. Лишь 30 лет спустя, на рубеже 50—60-х годов, когда после иракской революции 1958 г. курдская национальная проблема вновь резко актуализировалась, возникла настоящая потребность фундаментального освещения узловых моментов новой и особенно новейшей истории курдов и всего курдского вопроса вообще. Эта потребность диктовалась, понятно, не только научными, но и политическими интересами всех сторон, затронутых конфликтом.

На Западе вышло большое количество монографии и сборников статей по курдскому вопросу, посвященных, как правило, его современному состоянию в отдельных странах обитания кур-

дов. На Востоке же нет и таких работ, ибо последовательно шовинистический курс правящих кругов ближневосточных государств в национальном вопросе препятствует развитию там курдоведения (представители курдской национальной историографии, в частности, имеют возможность работать только в эмиграции). Что касается советского курдоведения, то здесь обратная картина. Фундаментальных трудов по современности мало, но историей курдской проблемы, в особенности национального движения, у нас занимаются основательно. О периоде до 1917 г. уже говорилось. Новейший же период представлен трудами главным образом по курдским движениям в Ираке, Турции и Иране. Однако комплексно курдская проблема в послеоктябрьский период в советском востоковедении не изучалась. Настоящая монография является первой попыткой в этом направлении.

Особое значение исследуемого периода в курдской истории определяется главным образом тем, что он совпал с переломной эпохой в истории всего человечества. Октябрьская революция в России и последующие события прямо и непосредственно затронули Ближний Восток, в том числе Курдистан, существенно изменили условия дальнейшего существования курдского народа. Именно в первые послевоенные годы произошел новый раздел (точнее, передел) Курдистана. Коренным образом изменилось внутри- и внешнеполитическое положение стран, в которых обитали курды. В послеоктябрьский период были посеяны новые конфликты, всходы которых появляются до сих пор, и завязаны узлы новых противоречий, разрешение которых не под силу и нашим современникам. В общем, тогда были заложены основы всего последующего развития курдского вопроса, и это делает изучение курдской проблемы в обозначенных хронологических рамках задачей не только чрезвычайно актуальной с научной и политической точек зрения, но и весьма трудной.

В поле зрения исследователя сразу попадает множество разнотемных тем. Это события военной, политической и дипломатической истории, затрагивавшие курдов не только прямо, но и косвенно. Синхронизировать их — нелегкая задача. Другая трудность — из всего комплекса противоречивых фактов выделить именно те, которые имеют отношение к теме. Здесь изучающий курдскую проблему не может опираться на какую-либо прочную научную традицию. Прежде историки интересовались преимущественно курдскими восстаниями, которых было много. Международный же аспект курдского вопроса фактически не признавался. В лучшем случае он рассматривался как часть армянской проблемы. Выдвижение его на авансцену международных отношений в ближневосточном регионе после первой мировой войны было новостью для своего времени, которая до сих пор не получила сколько-нибудь исчерпывающего и удовлетворительного освещения в научной литературе. Настоящая работа является попыткой восполнить этот пробел.

Автор отдает себе отчет в том, что он не в состоянии в пол-

ном объеме осветить избранный им сюжет. Это невозможно в отношении к любой исторической теме, ибо никакой исследователь не гарантирован от того, что вне его поля зрения по разным причинам не остаются те или иные факты, могущие повлиять, иногда решающим образом, на ее всестороннее изучение и объективную оценку. В данном же случае приходится сталкиваться с ощутимой нехваткой достоверных материалов.

Прежде всего, не все архивы, особенно зарубежные, доступны и не во всех из них созданы условия для плодотворной работы. Публикации дипломатических и иных документов страдают тенденциозностью и неполнотой; публикаторы, как правило, мало были заинтересованы в освещении курдского вопроса, явно считая его маловажным. Документы по курдскому вопросу турецкого и иранского и арабского происхождения вообще не публиковались.

Что касается литературы, то она большей частью тенденциозна и полна искажений. Отчасти это объясняется низким уровнем знаний о курдах и курдской проблеме, характерным для изучаемой эпохи и в значительной мере сохранившимся и в наши дни, отчасти — политическими мотивами самого разнообразного свойства, от националистических страстей и предрассудков до прямого социального заказа различных классов и групп. Особенно это характерно для прессы того времени, содержащей по поводу ситуации в Курдистане и вокруг него пеструю смесь из подлинных фактов, вымыслов, домыслов, слухов и т. п.

Таким образом, источниковая и литературная база предлагаемого исследования имеет серьезные изъяны. Однако они не таковы, чтобы опустить руки. Они усложняют поиски фактического материала по теме, но не делают их безнадежными. Даже при нынешнем состоянии доступных источников и литературы можно мобилизовать достаточное количество фактов и суждений, позволяющих создать более или менее адекватное представление о состоянии курдской проблемы в конце первой мировой войны и в первые послевоенные годы. И хотя из-за указанных особенностей источников и литературы определенные искажения, видимо, неизбежны, цель создания относительно достоверной картины вполне достижима. Именно такую задачу поставил перед собой автор.

Поиски материалов для данной работы шли в разных направлениях. Наиболее плодотворным было обращение к Национальному архиву Индии, фонды которого в виде микрофильмов хранятся ныне в Архиве внешней политики России в Москве. Документы этого архива являются настоящими первоисточниками по истории британской колониальной политики во всем ближневосточном регионе, включая Курдистан. В них сосредоточены данные, поступавшие британскому вице-королю в Индии непосредственно с Ближнего Востока² и из Лондона и всесторонне характеризовавшие политическую обстановку во всех частях Курдистана (лучше и полнее всего — в Южном и Во-

сточном Курдистане), а также дипломатическую борьбу вокруг курдского вопроса. Информаторами обычно выступали знатоки своего дела — сотрудники британских разведывательно-политических служб, нередко профессиональные востоковеды, владеющие местными языками. Поэтому их донесения, как правило, вызывают доверие в части содержащихся в них конкретных фактов. Конфиденциальный характер этих донесений в значительной степени гарантировал их от сознательных искажений. Поступавшая из Лондона в Дели внешнеполитическая информация существенно дополняет ту, которую можно разыскать в официальных публикациях дипломатических документов.

Индийский архив является, пожалуй, единственным местом, где находится сплошной массив материалов по курдской тематике. Дальнейшие поиски производились по разным публикациям, главным образом дипломатических документов, в прессе, в общей и специальной литературе. Сведения по курдской проблематике в них не так многочисленны, порой их приходилось буквально выуживать.

Этим же отличаются известные советские, английские и американские издания внешнеполитической переписки³. По курдскому вопросу в них говорится фрагментарно, большей частью в связи с обсуждением всего «турецкого вопроса» на различных послевоенных международных конференциях и встречах. Здесь же можно почерпнуть отдельные факты, характеризующие внутриполитическую ситуацию в Курдистане и сопредельных землях.

Аналогичное значение для данной темы имеют и мемуары тогдашних политических деятелей (Ллойд Джорджа, Черчилля, Пуанкаре, Хауза и др.): курдский вопрос их сам по себе мало занимал, разве что в связи с армянским или арабским вопросами. Лишь Мустафа Кемаль (Ататюрк) в своей многочасовой речи историко-мемуарного жанра на съезде Народно-Республиканской партии в 1927 г. более подробно коснулся курдского вопроса в Турции во время национально-освободительной борьбы. Однако из всех мемуаристов он по отношению к курдам наиболее пристрастен, ибо выступал с позиции ярого турецкого националиста, прикрывавшего свой шовинизм в национальном вопросе личиной бескомпромиссного патриота-антиимпериалиста.

Трудоемким, хотя и благодарным, делом оказались поиски фактического материала в прессе. С возникновением курдского вопроса на международной арене журналисты, естественно, заинтересовались этим феноменом; в газетах и журналах как общего, так и специального направления появилась информация о курдах с первыми попытками анализа этого нового для широкой публики общественного движения.

Среди органов западной печати наиболее полезными были английские и французские журналы общеполитического и специально «азиатского» (особенно ближневосточного) профиля, такие, как английский «Нир Ист энд Индия» (несколько раз

менял название), французский «Корреспонданс д'Ориан») и др. Ни один исследователь межвоенного периода не может пройти мимо итальянского реферативного журнала «Ориенте модерно», в котором воспроизводился не только журнальный, но и газетный материал, сам по себе далеко не всегда доступный и представляющий прессу всей Европы, стран Ближнего Востока и США.

Разумеется, в западной прессе преобладает тенденциозная интерпретация курдского вопроса, причем в пользу «своего» правительства (что также небезынтересно), но многие содержащиеся в ней факты, особенно собранные на месте, до наших дней сохраняют свое уникальное значение.

Много публикаций о курдах и курдском вопросе, особенно в 20-е годы, и в советской периодической печати, нацеленной на восточную тематику. И это понятно, ибо волнения в Курдистане непосредственно затрагивали безопасность южных границ молодых советских республик. Значительная часть содержащейся в советской прессе информации о курдских делах была из вторых рук, что сказывалось на ее достоверности.

Безусловного внимания заслуживает намерение советских востоковедов и публицистов подойти с марксистских позиций к изучению ситуации в Курдистане и ко всей курдской проблеме. И здесь, конечно, были определенные достижения. Вместе с тем, как это часто бывает, стремление советских авторов актуализировать курдский вопрос не всегда укладывалось в рамки научной объективности. Были и перехлесты (такие, как стремление везде видеть империалистические козни, особенно «руку Англии» и т. п.), вполне, впрочем объяснимые обстоятельствами того времени. Отчасти эта неприемлемая для нынешнего состояния курдоведения тенденция сказывалась и на работах серьезных ученых 20—40-х годов.

Собственно научная литература по данной теме обширна, но неравноценна. Самую важную ее часть составляют произведения, написанные непосредственными участниками описываемых событий. В основном это были сотрудники британской колониальной администрации в Ираке и Иране, в том числе принадлежащие к спецслужбам, действовавшим среди курдских племен. То были, как правило, профессионалы высокой пробы, владеющие местными языками и являющиеся непосредственными наблюдателями (А. Вильсон, Г. Белл, С. Эдмондс, У. Хэй). Поэтому их работы, в которых отложился и полевой материал, могут рассматриваться отчасти и как источники. В то же время они являются и исследованиями, для составления которых привлечены и другие источники, а также литература. И в той, и в другой ипостаси произведения данного класса крайне субъективны и пристрастны. Их авторы стремились в наиболее благоприятном свете представить и свою деятельность на Ближнем Востоке, и политику Великобритании вообще. К тому же они писали главным образом о ситуации в Южном, Юго-Западном

и отчасти Восточном Курдистане, почти не касаясь других сторон курдской проблемы, в том числе международной.

Остальная литература хотя и многочисленна, но бедна непосредственно относящимися к данной теме материалами. Это можно сказать даже о специально курдоведческих работах, в которых, как говорилось, главный упор сделан на жгучей современности. О событиях интересующего нас периода там говорится только в общих словах и в крайне сжатой форме. Тем более это можно сказать о работах общего характера, как о тех, которые посвящены исключительно Ближнему Востоку после первой мировой войны, так и освещающих международные отношения.

Там можно встретить лишь спорадические упоминания о курдах и курдском вопросе без попыток сколько-нибудь обстоятельного анализа. Поэтому и использование всей этой литературы для написания настоящей монографии носит ограниченный характер. Ее главная ценность для историка, как это ни парадоксально звучит, заключается в тенденциозности подавляющего большинства публицистов и исследователей, помогающей вскрыть подлинные намерения отдельных западных и ближневосточных правительств в курдском вопросе.

Использование нами советской литературы также незначительно. Литература 20-х годов, представленная преимущественно публицистическими произведениями, в значительной мере устарела. Современная же литература (труды таких наших востоковедов, как А. М. Ментешашвили, М. А. Гасратян, А. Ф. Федченко, Л. Н. Котлов, М. А. Камаль⁴ и др.) послужила подспорьем для изучения главным образом одной важной, но не главной темы настоящего исследования — курдских движений в Ираке, Иране, Турции.

Итак, и в количественном, и в качественном отношении фактографическая база этой монографии, видимо, далека от совершенства. Однако и то, что удалось покамест извлечь из разнообразных источников и многочисленной литературы, позволило создать труд, представляемый на суд читателей.

Глава I

КУРДИСТАН НА ПОРОГЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Во время первой мировой войны населенные курдами Восточная Анатолия, Западный Иран и Северный Ирак стали театром военных действий¹. Вся Западная Армения, Южный Азербайджан и значительная часть собственно Кирдистана вошли в зону постоянной оккупации или регулярных рейдов русских войск.

Революционный выход России из войны, крушение всего Кавказского фронта и уход русских войск из оккупированных районов Восточной Анатолии, Западного Ирана и Северного Ирака, разумеется, кардинально изменили всю военно-политическую ситуацию в Курдистане и сопредельных областях. Таким образом эпохальные события в России оказали на курдов немедленное и весьма сильное воздействие, резко изменив внутри и внешнеполитические условия самого их существования в один из самых критических периодов всемирной истории.

То был хотя и крайне важный, но сравнительно кратковременный фактор. Гораздо большее значение для судеб курдского вопроса имели долговременные социальные и идейно-политические факторы, порожденные Великим Октябрем. Появление на северных границах Курдистана вместо империалистической царской России, пытавшейся использовать курдов в колонизаторских целях, могучей социалистической державы, не только провозгласившей, но и проводившей на деле в своей внутренней и внешней политике принцип подлинного самоопределения наций, ставило курдский вопрос на совсем другую основу, давало курдам впервые в их истории реальную перспективу национального освобождения. Перед ними открывалась магистральная дорога борьбы, на которой национальное возрождение органически сочеталось с социальным переустройством общества. Поэтому 1917 год в курдской истории стал особо знаменательной датой.

Турецкая оккупация Северного и Восточного Курдистана

Историческое развитие, как известно, никогда не идет прямым путем. В истории любого народа имеют место не только

прогрессивные сдвиги, но и зигзаги и даже временные движения вспять. Так было (и неоднократно) и с многострадальным курдским народом, постоянно находившимся в крайне неблагоприятных условиях внешнего и внутреннего существования. Также и в послеоктябрьскую эпоху курдам далеко не сразу удалось реализовать те благоприятные обстоятельства, которые им предоставила коренным образом изменившаяся с рождением первого в мире социалистического государства международная обстановка. Более того, в конце первой мировой войны и сразу после ее окончания положение курдского народа по многим показателям сильно осложнилось, а сама курдская проблема, резко обострившись, приобрела новое содержание.

В очередной раз курдский народ стал жертвой агрессивных замыслов реакционных сил региона и империалистического Запада. Они поспешили воспользоваться вызванным революционными событиями в России развалом русского Кавказского фронта, чтобы поработить новые земли. Поэтому крушение империалистической России не облегчило положение курдов, а навлекло на них новую, хотя и кратковременную, серьезную угрозу.

Эта угроза исходила от стародавнего врага курдской свободы—Турции. Стоя на пороге военного, политического и экономического краха, младотурецкие заправилы, подталкиваемые из Берлина, предприняли отчаянную попытку изменить ход событий в свою пользу и захватить наряду со значительной частью Закавказья все населенные курдами земли, как ранее входившие в Османскую империю, так и принадлежавшие Ирану.

Сразу после заключения Брест-Литовского (от 15 декабря 1917 г., общего для всех участников Четверного союза) и Эрзинджанского (от 18 декабря) перемирий военно-политическое руководство Турции начало готовиться к их нарушению. Вынашивались планы агрессивного похода на Восток под пантюркистскими и панисламистскими знаменами, дабы под предлогом освобождения мусульманских и тюркских (туранских) братьев захватить все Закавказье с главным призом — Баку и Северо-Западный Иран, т. е. Южный (Иранский) Азербайджан и Восточный Курдистан. В качестве попутной, но чрезвычайно важной для турецких правящих кругов цели планировавшейся агрессии было окончательное решение как армянской, так и курдской национальных проблем путем геноцида и разгрома национальных очагов армянского и курдского народов.

Не скрывая своих реваншистских замыслов в отношении территорий, расположенных на востоке Малой Азии и в Закавказье, турецкое правительство развернуло интенсивную пропагандистскую кампанию. На армян посыпались обвинения в «зверствах», чинимых ими над мусульманским населением. На оккупированной русскими войсками территории созданное еще в 1916 г. «Общество ислама» усилило провокационно-подстрекательскую работу, натравливая на армян турок и курдов, а потом обвиняя в инцидентах самих армян².

В подготовке очередного (и, добавим, последнего в истории Османской империи) похода на Восток курдам, как всегда, отводилась заметная роль. При развернутой на Кавказском фронте турецкой третьей армии (командующий — Мехмед Вехиб-паша) власти вновь начали формировать иррегулярные курдские отряды, предназначенные для диверсионных актов в тылу и на коммуникациях разваливавшегося русского Кавказского фронта и для террора против армянского населения Восточной Анатолии³. Это привело к дальнейшему обострению и без того крайне напряженной внутренней ситуации в Северном (Турецком) Курдистане и в Западной (Турецкой) Армении.

Надо заметить, что в этот последний год войны у младотурецких властей не было особых проблем с восточноанатолийскими курдами. Курдское движение переживало временный упадок, будучи не в силах противостоять бедствиям войны и тяготам военной оккупации. Кроме того, на настроении турецких курдов сказались колонизаторский курс России во временно оккупированных ею районах Восточной Анатолии, заигрывание русского командования с армянскими националистами, проводившими политику мести по отношению к мусульманскому, в том числе курдскому, населению в занятых русскими войсками районах⁴. Поэтому младотурецким подстрекателям вновь удалось в ряде мест спровоцировать армяно-курдские междоусобицы, а также нападения курдских отрядов на уходившие русские войска. Такие инциденты имели место под Эрзинджаном и даже в традиционном очаге антитурецкого движения — Дерсиме⁵.

Непосредственную подготовку к наступлению в сторону Закавказья турки начали в конце января 1918 г., а уже 12 февраля турецкие войска перешли демаркационную линию, определенную Эрзинджанским перемирием. Нарушение турецкой стороной (с благословения немцев) этого перемирия помимо прочего преследовало задачу дополнительного нажима на советскую делегацию в Брест-Литовске, с тем чтобы условия предстоящего мира и на турецко-азиатском театре были наименее выгодны для советской стороны, хотя за все время военных действий на Кавказском фронте турки не одержали ни одной победы, а, напротив, терпели только поражения. Поведение турецкой стороны накануне заключения мирного договора говорило о том, что она не собирается с ним считаться. Так оно и произошло.

Уже к моменту подписания Брест-Литовского мирного договора Советской России с державами Четверного союза (3 марта 1918 г.) турецкие войска значительно продвинулись на Эрзурумско-Александропольском направлении, заняв Эрзинджан, Байбурт, Трабзон и много других важных пунктов. Наступавшим пяти турецким дивизиям были приданы иррегулярные курдские отряды, действовавшие в основном на флангах, главным образом против армянских подразделений⁶. В 36-ю турецкую дивизию I армейского корпуса, например, были включены 1500 курдских конников⁷.

После Брест-Литовска создалась обстановка, благоприятная для дальнейшего развития турецкого экспансионизма на востоке Малой Азии и в Закавказье. Русская армия как боевая сила окончательно перестала существовать. Турция, согласно статье IV мирного договора, получила право беспрепятственно вернуться к границам 1914 г. Более того, Брест-Литовский договор (и приложенный к нему Русско-Турецкий дополнительный договор) предусматривал фактически решающее участие Турции в судьбе округов Карса, Ардагана и Батума, отторгнутых от Турции в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг.⁸. Иначе говоря, в Брест-Литовском договоре уже содержались основы ревизии тех установлений Берлинского трактата 1878 г., которые касались русско-турецкой границы, а следовательно, и государственно-политических условий существования части курдов Северного Курдистана и Западной Армении.

Турецкое командование поспешило извлечь выгоды из военно-дипломатической конъюнктуры, сложившейся для Турции после заключения Брест-Литовского мира, и продолжило наступление в сторону Закавказья. Агрессивным замыслам турецкой военщины способствовала политическая ситуация, сложившаяся в регионе после Октября. Здесь к власти пришли буржуазно-националистические силы, провозгласившие политику национального сепаратизма. Отделение Грузии, Армении и Азербайджана от Советской России весной 1918 г. не только противоречило коренным интересам трудящихся масс, но и обернулось национальным предательством, оставив эти «независимые» республики практически безоружными перед лицом таких опасных врагов, как Турция, Германия и Англия. Особую угрозу для народов Закавказья в этот последний год первой мировой войны представляли турецкие милитаристы, разработавшие план похода на Баку с целью захвата Закавказья, Северного Кавказа и дальнейшей экспансии в сторону населенных тюрками и мусульманами земель Поволжья, Прикаспия и Средней Азии.

При всей бредовости этого проекта попытка его осуществления, окончившаяся закономерным крахом, принесла неисчислимые бедствия народам Закавказья и сопредельных районов Турции и Ирана (больше всего — многострадальному армянскому народу) и не в последнюю очередь живущим рядом и вместе с ними курдам.

Уже к концу марта — началу апреля 1918 г. турецкие войска достигли русско-турецкой границы 1914 г., а месяц спустя — границы 1877 г. Далее турки незамедлительно двинулись к заветной цели — Баку, через территорию Восточной Армении (бывшая Эриванская губерния), дашнакскому правительству которой были навязаны кабальные соглашения (в начале июня 1918 г.), обрекавшие «независимую» Армению на положение фактически оккупированной страны⁹. Летом 1918 г. регулярные части турецкой армии вступили на территорию южной Грузии¹⁰, а затем Азербайджана, развивая наступление на Баку с запада.

Итак, казалось, правящие круги Османской империи взяли, наконец, реванш за все свои предыдущие неудачи на востоке Малой Азии и в Закавказье. Вся Западная Армения была отвоевана, Восточная — фактически попала под османский протекторат; мусаватистский Азербайджан с нефтяными богатствами Баку сам давался в руки. Близилось решение болезненного для Турции армянского вопроса — в том варианте, который устраивал унаследовавших погромную политику султанского правительства младотурецких шовинистов. Заодно намечался и благоприятный для них поворот в не менее грозной для османского государства курдской проблеме.

В Северном Курдистане наступило долгожданное для Стамбула умиротворение. К закавказскому походу турецкой армии удалось привлечь курдские иррегулярные отряды, которые вместе с турецкими частями творили расправы над мирным армянским населением (в особенности над армянами — беженцами из Турции)¹¹. Под турецкой оккупацией к этому времени оказалось подавляющее большинство закавказских курдов¹².

Туркам вновь удалось утвердиться и в Восточном (Иранском) Курдистане. Как известно, во время первой мировой войны противоборствующие державы (Россия и Англия, с одной стороны, Турция и Германия — с другой) нисколько не считались с иранским нейтралитетом и превратили территорию страны, главным образом ее северо-западные провинции, в арену военных действий, в ходе которых значительная часть Ирана подверглась оккупации русскими и английскими войсками. Однако в районе турецко-иранской границы среди местных курдских племен продолжала действовать турецкая агентура¹³.

Выход России из войны и последовавший затем уход русских войск из Ирана (согласно Брест-Литовскому перемирию от 15 декабря 1917 г.) коренным образом изменили ситуацию в Северо-Западном Иране. Советская сторона честно выполнила условия перемирия, а затем и Брест-Литовского мирного договора (статья VII обязывала договаривающиеся стороны «уважать политическую и экономическую независимость и территориальную неприкосновенность Персии и Афганистана»¹⁴, и в апреле 1918 г. завершила вывод частей старой армии из Ирана. По-иному повели себя другие заинтересованные стороны.

Германии было уже не до Ирана, но Турция и Англия постарались извлечь для себя максимальные военно-политические выгоды из ухода русских с персидской сцены. Разумеется, их цели были антагонистичны и каждая мечтала первой добраться до Баку. Лишь в одном они сходились — в ненависти к Советской власти, к Бакинской коммуне, в стремлении навсегда оторвать народы Закавказья от Советской России. В этих обстоятельствах иранский плацдарм приобретал и для турок, и для англичан особое значение, а для закрепления в Северо-Западном Иране позиция местных курдских племен играла важнейшую роль.

Уже в феврале 1918 г. IV армейский корпус турецкой армии начал продвижение к иранской границе, а в апреле, после ухода русских войск, вместе с частями VI армии, дислоцированной в Месопотамии, вступил на территорию Иранского Азербайджана и Курдистана и начал продвижение на север, к закавказской границе. 14 июня турецкие войска заняли Тебриз, а в августе 1918 г. завершили оккупацию Иранского Азербайджана и северных районов Иранского (Восточного) Курдистана (к югу от оз. Урмии). Сопротивление турецкой оккупации оказывали только вооруженные отряды армян и ассирийцев, но оно не было достаточно эффективным, чтобы помешать туркам реализовать свои планы в Северо-Западном Иране¹⁵.

Параллельным, можно сказать, курсом с турецкими агрессорами шли в Западном Иране британские империалисты. Они хотели раньше турок и немцев (двигавшихся со стороны Грузии) захватить нефтяной Баку и закрепиться во всем Закавказье с целью его колонизации после поражения центральных держав. Грубое нарушение турками иранского нейтралитета, вторжение турецких и германских войск в Закавказье давали англичанам дополнительные поводы для усиления вмешательства в Иране и для подготовки интервенции в кавказском направлении. Этим планам должна была служить специальная «экспедиция» во главе с генералом Денстервиллем, снаряженная в конце января 1918 г. и двигавшаяся из захваченного англичанами Багдада на север. Не будучи в силах проникнуть в Закавказье «сухим путем» из-за противодействия турок, английские интервенционистские силы к августу 1918 г. пробились к Каспийскому морю, захватили порт Энзели и установили прямую военно-коммуникационную линию от Касре-Ширина до Энзели¹.

Таким образом, весь Северо-Западный Иран к середине 1918 г. оказался разделенным на две зоны: западную с ее многонациональным составом населения, оккупированную турецкими войсками, которым помогали иррегулярные отряды турецких и, частично, иранских курдов, и восточную, более однородную в национальном отношении, с преобладающим персидским фоном, в которой оперировали британские интервенционистские войска и остатки русских белогвардейских формирований, нацеленные на Баку. Естественно, что и турки, и англичане, исходя из интересов своей иранской и кавказской политики, были крайне заинтересованы в поддержке или в крайнем случае в лояльности курдских племен Иранского Курдистана и Азербайджана.

Несмотря на то что к весне 1918 г. в Северо-Западном Иране практически не было регулярных русских и иранских правительственных войск, продвижение турецких частей по его территории в направлении к закавказской границе вовсе не свелось к военной прогулке, как это первоначально планировали турецкие генштабисты. Туркам оказали упорное сопротивление отряды самообороны христианских меньшинств — армян и ассирийцев, как местных уроженцев, так и беженцев из Турции,

спасавшихся от погромов 1915—1916 гг. Поэтому турецкое командование вновь прибегло к испытанному методу разжигания религиозной и национальной розни, стараясь, как и прежде, использовать в своих целях пограничных и иранских курдов. Этим планам благоприятствовали полная анархия и разруха, царившие в Западном Иране после ухода оттуда русских войск. Были отмечены вспышки холеры (в частности, в Сенне); бедствия населения достигли невиданных размеров¹⁷. В такой обстановке было удобно «ловить рыбку в мутной воде», что и пытались осуществить и турки, и англичане, и вконец дискредитировавшие себя местные власти. Последние делали это с наименьшим успехом, но в одном преуспели: им удалось (не без участия англичан) натравить курдов на ассирийцев, ставших в приурмийском районе реальной военной силой. В результате 16 марта 1918 г. вождь курдов шеккаков Измаил-ага Симко убил вождя хакярийских ассирийцев джило патриарха Бенъямина Мар-Шимуна, после чего между курдами и ассирийцами были сожжены все мосты¹⁸.

От всего этого выиграли только турецкие интервенты, которые привлекли на свою сторону многих влиятельных курдских вождей пограничной полосы и Иранского Курдистана. К туркам примкнули такие видные курдские предводители, совсем недавно выступавшие против них, как Симко и сейид Та (Таха)¹⁹, обрушившие удары на боевые отряды ассирийцев и армян²⁰. Турецкому командованию удалось завербовать себе сторонников и среди племен Соуджбулака (Мехабада) и других глубинных районов Иранского Курдистана, которые, получая турецкие субсидии, снабжали подразделения турок необходимыми припасами²¹.

Благожелательная позиция большинства иранских курдов и прямая помощь со стороны некоторых влиятельных вождей были важнейшей причиной того, что к концу лета 1918 г. туркам удалось сломить сопротивление формирований христиан и захватить весь Иранский Азербайджан и значительную часть Иранского Курдистана.

Успехи турецкой армии в Иранском Курдистане и Азербайджане были, однако, эфемерны, ибо сама Османская империя в это время стояла на пороге военного и политического краха. Кавказский поход турецкого воинства, захват Баку (15 сентября 1918 г.) и дальнейшее проникновение турецких частей на Северный Кавказ только ускорили этот крах, поскольку отвлекли военные усилия империи от защиты ее жизненно важных областей. Да и вообще Турция как слабейший и целиком зависимый член потерпевшего полное поражение от Антанты Четверного союза была обречена независимо от хода военных действий на турецко-азиатском театре мировой войны. Поэтому и курдская политика стоявших на пороге катастрофы младотурецких правителей Османской империи, несмотря на то что им удалось в конце войны на короткое время захватить почти весь Восточ-

ный Курдистан, была построена на песке и закономерно рухнула вместе с военно-политическим крушением младотурецкого режима.

Курдская политика Англии в конце первой мировой войны

Иное дело курдская политика Англии. Она была в полном смысле слова перспективной (хотя, как оказалось, и не на столь длительный срок, на какой рассчитывали в Лондоне), ибо основывалась на гегемонии Англии, почти на всей ближневосточной арене, достигнутой к концу первой мировой войны. Правда, в самом Курдистане англичане к концу 1917 г. добились немногого, но тем важнее было для них утвердиться в этой ключевой с военно-стратегической точки зрения стране; в противном случае завоеванные англичанами позиции в Иране и на Арабском Востоке оставались уязвимыми, а дальнейшее распространение британской экспансии в ближневосточном регионе, в особенности в направлении Закавказья и Малой Азии, становилось невозможным.

Наилучшие в то время шансы англичане имели в Южном и Восточном Курдистане. Но если первый еще предстояло завоевать (а сопротивление турецкой армии и части курдских племен было довольно упорным), то уход русской армии из Ирана значительно облегчал Англии задачу покорения Восточного Курдистана, даже несмотря на временную оккупацию значительной части его территории турками. Это было признано в Лондоне первоочередной задачей. Уход с иранской арены векового и самого сильного соперника Англии на Ближнем Востоке — России и оккупация почти всего Ирана к концу войны британскими войсками давали Лондону основания для оптимизма.

Уже с конца 1917 г. заметен возросший интерес британских военно-политических служб на Ближнем Востоке к Юго-Западному и Западному Ирану, населенным курдами и другими племенами. Первый глава британской пражданской администрации («главный политический офицер») в Южном Ираке и во всем Персидском заливе генерал Перси Кокс писал о необходимости усиления британского политического представительства не только в Южном Курдистане, но и в Керманшахе и «стране кельхоров», в Лурестане, Бахтиярии и Хамадане. Там он рекомендовал быстрее внедрить британских «политических офицеров», т. е. начать вводить колониальную администрацию с целью «заполнения пробела, образовавшегося в связи с уходом русских войск»²².

Прежде всего британские власти в Иране хотели получить от местных курдов военную помощь. Исполняющий обязанности британского консула в Тебризе предлагал включить курдов в формируемый в Урмии отряд, укомплектованный христианскими

беженцами из Турции, который был призван противостоять турецким интервентам. По его мнению, это будет способствовать привлечению на сторону союзников не только иранских курдов, но и племен пограничной полосы²³. Не ограничиваясь благими пожеланиями, британские представители в Иране приступили к созданию курдских племенных отрядов (*леви*²⁴) для использования главным образом во вспомогательных целях (охрана коммуникаций и т. п.)²⁵, но одновременно планировали употребить их и для более серьезных дел²⁶.

Однако англичанам в этот период так и не удалось в сколь-ко-нибудь значительных размерах обеспечить себе активную поддержку иранских курдов. Этому мешали временные успехи турецких войск в Западном Иране и в Закавказье и отсутствие у Англии прочных позиций в бывшей сфере влияния царской России. Уже в январе 1918 г. английская агентура доносила о «ненадежности» племен турецко-персидской границы, особенно племени сенджаби создававшего постоянную угрозу британским коммуникациям²⁷. В апреле 1918 г. против курдов сенджаби были посланы английские регулярные войска²⁸, но желаемого успокоения и «порядка» среди курдского населения в зоне операций английских войск в Иране так и не наступило, несмотря на то что британским властям удалось договориться с некоторыми влиятельными курдскими вождями (в основном в районе Керманшаха)²⁹.

Британское военно-политическое руководство в Иране и Ираке очень скоро пришло к выводу, что для внедрения в Иранский Курдистан недостаточно мер чисто военных; их необходимо применить в сочетании с политическими методами воздействия. К тому же было необходимо спешно нейтрализовать влияние на население Западного Ирана освободительных идей Октября и революционных событий в России, особенно в его граничивших с Ираном кавказских и среднеазиатских окраинах. Поэтому уже с начала 1918 г. англичане в своих отношениях с иранскими курдами начали выдвигать идею о некоей «освободительной» миссии британских войск во всем Курдистане.

К пропаганде подобных идей англичане пытались привлечь курдскую националистическую эмиграцию в Европе и на Ближнем Востоке, главным образом бадраханидов (потомков знаменитого курдского вождя из Джазиры Бадрхан-бека³⁰). Расчет был на содействие не только заведомых сторонников Англии (таким, например, считался проживающий в Каире Сурейя Бадр-хан), но и бывших русофилов (Абдуррезак-бей, Юсуф Кямиль-бей и др.), оставшихся после крушения царизма «не у дел». Британские спецслужбы старались их убедить в необходимости наладить сотрудничество курдов с армянами в интересах союзников, уверяя, что после войны курды будут освобождены от турецкого ига³¹.

Агитация в пользу курдо-армянского сближения велась и в

самом Иранском Курдистане. Именно здесь впервые (в июле 1918 г.) некоторые вожди мукринских курдов (район Соуджбулака) выдвинули идею провозглашения независимого Курдистана под британским покровительством³². Об этом мукринцы вели переговоры с британским консулом в Керманшахе, пытаясь заинтересовать англичан своей готовностью содействовать в решении трудной армянской проблемы³³.

Одновременно переговоры о независимости Курдистана возобновились на европейской почве, в Женеве. Их вели в июне 1918 г. Перси Кокс и Шериф-паша. На этих переговорах речь шла об автономии, видимо, только Южного Курдистана, с центром в Мосуле, под британским протекторатом. Шериф-паша советовал провозгласить эту автономию до начала мирной конференции (как свершившийся факт).

Для разрешения курдо-армянских противоречий Шериф-паша предложил создать комитет в Лондоне. Однако англичане невысоко ценили Шериф-пашу как политического деятеля (считали его маловлиятельным среди курдской верхушки и давно оторвавшимся от местной, «курдистанской» почвы)³⁴, поэтому и переговоры с ним вели лишь в порядке предварительного зондажа³⁵.

Ведя переговоры с курдскими лидерами в Иране и вне его, англичане по обыкновению двурушничали. Их ближайшей целью было, конечно, не освобождение Курдистана, хотя бы его восточной части, а использование курдов для изгнания турецко-восточной части, а использование курдов для изгнания турецких войск и турецко-германской агентуры из Ирана и Закавказья и их последующей колонизации. Более того, англичане готовились к захвату всего Курдистана. Именно поэтому британские представители в Иране, добываясь от проанглийского правительства Восуга од-Доуле военной помощи против турок, соблазняли Тегеран возможностью территориальных приобретений в Турецком Курдистане. Эти посулы, видимо, произвели впечатление на иранского премьера и его окружение, у которых сервильизм перед Англией во внутренних делах прекрасно сочетался с захватническими устремлениями по отношению к соседним землям, по их мнению, «плохо лежавшим»³⁶. Разумеется, о независимости Курдистана ни в Лондоне, ни в Тегеране и не помышляли.

Последнее особенно ясно иллюстрирует судьба Южного Курдистана, ныне входящего в состав Ирака. Месопотамия (по терминологии того времени) благодаря своему стратегическому положению и природным богатствам издавна привлекала к себе пристальное внимание британских колонизаторов, уже на рубеже XIX—XX вв. объявивших ее сферой своих преимущественных интересов (знаменитый тезис лорда Керзона — «граница Индии расположена на Евфрате»). Естественно, что в Лондоне и Дели придавали важное значение установлению контроля над горной периферией Двуречья, населенной курдами, без чего любые попытки утвердиться в этой стране оставались проблема-

тичными. Военное поражение Османской империи давало шанс, которым британский империализм спешил воспользоваться.

Правда, Англии приходилось считаться с интересами своих союзников, в том числе и в Курдистане. К концу войны можно было сбросить со счетов Россию, но не Францию, от которой Англия во многом зависела в европейских делах. По соглашению «Сайкс — Пико» 1916 г. о разделе Азиатской Турции к Франции отходила (в виде прямых захватов и преимущественных сфер влияния) большая часть Южного (с Мосулом) и Юго-Западного (на территории современных Сирии и Турции) Курдистана, Англии же — только часть округа Киркук³⁷. С претензиями на руководство во всех мировых, в том числе ближневосточных, делах все настойчивее стали выступать и Соединенные Штаты Америки, маскируя свои империалистические цели излюбленной президентом Вильсоном демагогией. Настойчиво требовала свою долю «османского пирога» и Италия, считавшая себя обделенной при предварительном дележе.

В завершающем первую мировую войну 1918 г. Англия чувствовала себя на ближневосточной арене «на коне», несмотря на временную неудачу в Закавказье. В конечном счете все решала сила, а она была представлена в регионе со стороны держав Антанты исключительно британскими армией, флотом и игравшей все более активную роль авиацией. Поэтому англичане всюду здесь могли не опасаться серьезной конкуренции со стороны «братьев по оружию», в том числе и в предназначенном вроде бы для Франции Южном Курдистане, ставшем в ту пору первоочередной целью захватнических устремлений Лондона.

Тем не менее Южный Курдистан предстояло еще завоевать, а это было, по признанию П. Кокса, «очень трудной проблемой»³⁸. Хотя по данным английской разведки, подавляющее большинство вождей и племен Южного Курдистана были настроены антитурецки, это еще не означало, что они готовы были с распростертыми объятиями принять новоявленных завоевателей. Попытки англичан нажить политический капитал на уходе из некоторых пограничных районов Южного Курдистана русских войск, с которыми курды нередко враждовали, успеха не имели³⁹. Да и турецкие войска отнюдь не собирались бежать, а довольно стойко противостояли превосходящему их во всех отношениях противнику, пытаясь, подчас успешно, натравить на него воинственные курдские племена. Только в мае 1918 г. британский экспедиционный корпус в Месопотамии, захватив Кифри, Туз (Туз-Хурматли) и Киркук, вступил на территорию Южного Курдистана.

Британские власти немедленно приступили к утверждению своего влияния в населенной курдами северной и северо-восточной частях Ирака. Туда (сперва в Киркук, Алтынкёprü, Эрбиль, Мосул) были направлены политические офицеры, опытные разведчики (из них первый — компетентнейший знаток курдов майор Э. В. Сон), подиаторевшие в общении с племенными вождями.

Их цель была одна — привлечь всех наиболее влиятельных из них к тесному военно-политическому союзу с Англией (разумеется, под руководством последней), дабы ускорить поражение турецких войск и оккупацию всей страны, которую Англия была намерена в будущем колонизовать.

Поначалу англичане имели успех. Большинство курдских вождей выразили готовность оказать всю возможную помощь британской армии. Важное значение для укрепления английских позиций в крае имела благожелательная позиция крупнейшего племени хамавенд и особенно «нотаблей» Сулеймании во главе с наиболее могущественным и влиятельным вождем Южного Курдистана шейхом Махмудом Барзанджи, главой карадагских курдов, шейхом весьма почитавшейся «курдами религиозной секты *кака*, самой видной фигурой в освободительном движении иракских курдов первой трети XX в.⁴⁰ Сулейманийские вожди решили создать во главе с шейхом Махмудом временное правительство, которое поддерживало бы дружбу с Англией, и обратились с соответствующим призывом ко всем курдским племенам Южного и Юго-Восточного Курдистана. Этот призыв получил благожелательные отклики, что облегчило операции британских войск на месопотамском фронте: турки эвакуировали Сулейманию и отступили на север⁴¹.

Дальнейший ход событий показал, однако, что ситуация в Южном Курдистане складывалась для англичан отнюдь не так радужно, как казалось вначале. Уже летом 1918 г. их позиции были серьезно подорваны. Одной из причин этого явилась закавказская авантюра Денстервилля, потребовавшая отвлечения с месопотамского фронта значительных сил. Были причины и внутреннего порядка. Иракские курды сразу же почувствовали тяжесть руку английских завоевателей, пришедших в Ирак отнюдь не как освободители, но стремившихся установить жесткий контроль над курдскими племенами, которым была уготована незавидная роль пушечного мяса. Этим немедленно воспользовались турки и германская агентура, использовавшие для антибританской пропаганды среди курдов любые поводы, а их было предостаточно. В результате туркам удалось вернуть Киркук и потеснить английские войска до линии Кифри — Туза; пала и Сулеймания. Некоторые курдские племена округа Сулеймании и езиды Синджара повернули против англичан. Лишь в конце октября 1918 г., когда полное военное поражение Турции, как и всего Четверного союза, стало фактом, английский экспедиционный корпус смог возобновить наступление на Мосул⁴².

«Российский фактор»

30 октября 1918 г. было подписано Мудросское перемирие, означавшее фактическую капитуляцию Османской империи перед державами Антанты. Через 12 дней сдалась и Германия.

Первая мировая война окончилась. Какова же была военно-политическая ситуация в Курдистане к этому историческому моменту?

Итоги последнего года первой мировой войны внесли существенные коррективы в состояние курдской проблемы, как в ее внутреннем, так и в международном аспекте. Определяли же ее три главных фактора: «турецкий», «английский» и «русский».

Прежде всего, окончательно и бесповоротно выявилась неспособность правящих кругов Османской империи военной силой объединить и подчинить себе весь Курдистан даже при наличии такой временно благоприятной обстановки, которая возникла после выхода России из войны. Весь энверовский поход на Восток оказался авантюрой, никак не подкрепленной реальными военными и прочими возможностями страны. Он потерпел закономерный крах. Потерпел крушение и младотурецкий режим, и фактически прекратила существование сама Османская империя. Что касается Ирана, то подтвердилось полное бессилие существовавшего тогда в Тегеране марионеточного правительства в попытках сохранить контроль над национальными, в том числе и курдскими, окраинами страны.

На финише первой мировой войны резко возросла английская угроза Курдистану. На востоке страны англичане заполняли вакуум, образовавшийся в результате ухода русских, а затем и турецких войск. Южный Курдистан медленно, но неуклонно завоевывала британская экспедиционная армия, действовавшая в Месопотамии. Британские вооруженные силы стояли на пороге Северного и Западного Курдистана, разоренных войной, внутренними усобицами и террором властей и потому казавшихся доступной и «законной»⁴³ добычей. Правда, юго-западная часть курдских земель по соглашению Сайкс-Пико предназначалась для Франции, но французских войск здесь пока не было видно, а английские стояли рядом. Британская империя наступала на Курдистан, и, казалось, ничто не может ей помешать поглотить его целиком. «Британский фактор» стал играть главенствующую роль в курдском вопросе в течение всего исследуемого периода.

Коренным образом изменилось положение Курдистана и по отношению к его северному соседу. Ликвидация угрозы колониального порабощения со стороны России была главным итогом развития событий в регионе. Его не могли перечеркнуть бедствия нового турецкого нашествия. То было временным фактором, а кардинальное изменение принципов внешней политики России в результате Октябрьской революции — постоянным.

Примечательно, что уже с первых дней существования советской власти народы Ближнего и Среднего Востока, в том числе и курдский народ, получили от Советской России большую морально-политическую и дипломатическую поддержку. Речь идет не только о таких широко известных агитационно-политических

актах советской власти, как «Декларация прав народов России» от 2(15) ноября 1917 г., обращение Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г., заявление Советского правительства об аннулировании всех тайных договоров о разделе Ирана и Турции и последующее опубликование этих договоров⁴⁴. Были приняты и конкретные практические шаги по оказанию помощи народам Курдистана, Армении и сопредельных стран.

В период мирных переговоров с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске — с 9(22) декабря 1917 г. по 3 марта 1918 г. — Советское правительство, молодая советская дипломатия ни на минуту не забывали интересы малых народов, ставших жертвой развязанной империалистами бойни, в данном случае армян и других народов Закавказья и Ближнего Востока. Об этом свидетельствует, например, такое во всех отношениях примечательное внешнеполитическое выступление, как принятый 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) декрет Совнаркома «О Турецкой Армении». Этот документ декларировал поддержку Советским правительством права армян оккупированной русской армией Турецкой Армении «на свободное самоопределение вплоть до полной независимости» и содержал перечень конкретных мер, которые обеспечили бы реализацию этого права (вывод всех войск с этой территории, формирование армянской милиции, возвращение эмигрантов и беженцев — армян, создание демократически избранных органов власти). Практические меры по проведению в жизнь положений декрета возлагались на чрезвычайного комиссара по делам Кавказа С. Г. Шаумяна⁴⁵.

Декрет «О Турецкой Армении» был документом принципиального значения, хотя он и не был реализован в то время. Из-за крайне неблагоприятных для Армении международных условий, из-за разгула контрреволюции в Закавказье и объективно предательской политики верховодивших в Ереване армянских националистов — дашнаков справедливые национальные чаяния армянского народа, частично отраженные в декрете, не были удовлетворены непосредственно в послеоктябрьский период (особенно в территориальном вопросе). Лишь после окончательного поражения контрреволюции во всероссийском и закавказском масштабе смогла возникнуть суверенная Армянская Советская Социалистическая Республика, вскоре добровольно вошедшая в состав СССР.

Декрет «О Турецкой Армении» в сущности, касался не только армян. Следует учитывать, что к моменту появления декрета только армяне из всех других этнических меньшинств Османской империи были субъектом международного права. Главное же положение декрета о свободном самоопределении «вплоть до полной независимости» выражало принципиальную политику Советской власти в национальном вопросе и непосредственно касалось всех этнических групп ближневосточного региона, в том числе, конечно, и курдов.

На этот счет в декрете имеется и прямое указание. Примечание к нему гласит: «Географические границы „Турецкой Армении“ определяются демократически избранными представителями армянского народа по соглашению с демократически избранными представителями смежных и спорных (мусульманских и иных) округов совместно с Чрезвычайным Временным Комиссаром по делам Кавказа»⁴⁶. Иными словами, важнейший территориальный аспект самоопределения армян непосредственно связывался с территориальными интересами (т. е. также с самоопределением) сопредельных этнических групп, в число которых в первую очередь входили курды. Весьма существенно, что декрет предполагал обязательное участие представителя Советского правительства в решении армянского вопроса (и фактически других национальных вопросов региона). Все сказанное позволяет считать декрет «О Турецкой Армении» документом, имеющим отношение и к курдскому вопросу.

Не меньшее значение, чем сам этот декрет, имели обстоятельства, при которых он был обнародован. То было начало мирных переговоров в Брест-Литовске, когда русские войска еще продолжали оккупировать почти всю Западную (Турецкую) Армению и часть Северного и Западного Курдистана. Декрет «О Турецкой Армении» был и чисто дипломатическим выступлением и политическим актом, призванным предотвратить планировавшуюся германо-турецкую агрессию на востоке Малой Азии и в Закавказье, противопоставить ей союз Советской России с национально-освободительным движением армян и мусульманских народов региона⁴⁷.

Несмотря на его практическую неосуществимость, он оказывал определенное политическое воздействие, тем более что его идеями были проникнуты все внешнеполитические акции Советского правительства по ближневосточному и кавказскому вопросам во время турецко-германской интервенции в Закавказье в 1918 г. Яркий пример тому — известная нота Наркоминдела РСФСР иранскому посланнику от 14 (27) января 1918 г., извещавшая о полном разрыве Советской России с колониальной политикой царизма в стране и отказе от вытекавших из нее экономических и политических привилегий. Нота содержала обещание помощи в освобождении Ирана от английских и турецких войск, т. е. помощи и народам Иранского Курдистана и Азербайджана⁴⁸.

Советское правительство решительно отмежеввалось от орудовавших в Западном Иране контрреволюционно настроенных русских офицеров во главе с генералом Н. Н. Баратовым и обещало иранским властям помощь в ускорении эвакуации остатков русских войск из Ирана⁴⁹. Короче говоря, Советское правительство признавало полное право на самоопределение за всеми народами Ирана и готово было оказать им посильное содействие в этом⁵⁰.

Точно так же борьба, которую вела Советская Россия все-

ми доступными ей в то критическое время дипломатическими и политическими средствами против турецкой агрессии в Закавказье⁵¹, была борьбой не только против грубо нарушавших Брест-Литовский мир правящих кругов Турции и Германии, не только за коренные национальные интересы трудящихся Грузии, Азербайджана, Восточной Армении и Северного Кавказа, но и фактически за право на полное самоопределение народов, населявших, так сказать, ближайший тыл агрессии — восток Малой Азии, т. е. главным образом западных армян и курдов.

Показательна нота Наркоминдела Министерству иностранных дел Германии от 12 апреля 1918 г., содержавшая резкий протест против продолжающегося геноцида армян в округах Карса, Ардагана и Батума и возлагающая вину за эти злодеяния и на главную союзницу Турции — Германию⁵². Это выступление было не только попыткой непосредственной помощи терпевшему бедствие армянскому народу, но и выражением принципиального отношения Советской России к национальному вопросу на востоке Малой Азии и в Закавказье.

Для курдского же народа позиция Советского государства в связи с событиями на Ближнем Востоке и в Закавказье в 1918 г. была важна вдвойне: во-первых, она служила неотразимым доказательством коренного изменения отношения новой России к народам и странам этих регионов, во-вторых, она была направлена конкретно на кардинальное решение армянского вопроса на подлинно демократических основах, что было в условиях того времени необходимой предпосылкой и для решения курдского вопроса, ибо армяне и курды жили чересполосно или в непосредственном соседстве. Правда, по известным причинам «российский фактор» не смог помочь немедленному решению обоих этих вопросов, но заложенный им фундамент сыграл свою роль в будущем.

Глава II

ПОДГОТОВКА К НОВОМУ РАЗДЕЛУ КУРДИСТАНА

Когда смолкли пушки, победители приступили к долгожданному дележу. То было тяжелое, сверхтрудное дело. Выиграть мир было не легче, чем победить в войне. Добыча была столь велика, а силы и возможности держав-победительниц были столь неравны, что решить вопрос ко всеобщему удовлетворению оказалось практически невозможным. Типично империалистические противоречия проступили во всем своем классически неприглядном виде. В результате первую мировую войну увенчал фактически не мир, а перемирие, длившееся всего 21 год, — за эти годы не успело смениться и одно поколение...

Таковы были объективные причины непрочности тех мирных установлений, которые старались ввести руководители держав Антанты, главным образом верховодивших в этом военно-политическом союзе Англии, Франции и США и в меньшей степени — Италии и Японии. Однако не менее важную роль сыграли и субъективные причины. Готовясь к новому переделу мира, лидеры Антанты в своих политико-дипломатических расчетах упустили из виду или, «в лучшем случае», сильно недооценили два новых фактора всемирно-исторического значения, возникших в рассматриваемую эпоху, а именно: социалистическую революцию в России и подъем национально-освободительного движения в колониальном мире. Опьяненные победой, агрессоры и империалисты до мозга костей, уважавшие и признававшие только силу, заправили тогдашнего капиталистического мира полагали, что указанные события — явления временные, преходящие, нечто вроде детских болезней, преодолеть которые не будет стоить большого труда. В этом заключался главный их просчет.

Все эти особенности международной ситуации, возникшей после разгрома Четверного союза, были представлены и ярко сфокусированы на ближневосточной арене, где победителей ждали главные призы — поверженная и наполовину завоеванная Османская империя (причем завоеваны были как раз нетурецкие ее провинции) и фактически оккупированный, закабаленный в экономическом и военно-политическом отношении Иран. В этом регионе межимпериалистические противоречия проявились в наиболее острой и непримиримой форме.

Схватка была жестокой, и, разумеется, не обошлось без пострадавших. Ущерб был нанесен и некоторым претендентам. Но это, так сказать, с одной стороны. С другой же, жертвами агрессивных, колонизаторских планов империалистов стали многие народы Юго-Западной Азии, которым, несмотря на их самоотверженную борьбу, по разным причинам не удалось в то время добиться свободы и независимости. Прежде всего то были арабы и курды. В итоге на исходе первой мировой войны в ближневосточном регионе возникли столь глубокие и болезненные конфликты, были завязаны столь тугие узлы, что многие из них не удастся развязать до нашего времени.

Курдистан стал одним из главных объектов империалистических притязаний. Военные действия на турецко-азиатском и иранском театрах мировой войны наглядно показали его первостепенное военно-стратегическое значение. Наличие на его территории месторождений нефти еще более усилило его притягательность, ибо та же война доказала, что нефть стала главным стратегическим сырьем. Борьба за населенные курдами земли превратилась в действенный фактор ближневосточной политики держав-победительниц.

Курдский вопрос по самой своей сущности всегда был тесно и органически связан с другими ближневосточными проблемами. Это его главная особенность наиболее отчетливо проступила в период «битвы за мир», начавшейся еще до поражения Четверного союза и продолжавшейся до середины 1920-х годов. Наряду с курдским перед союзниками во весь рост встали «турецкий», «арабский» и «иранский» вопросы, попросту говоря — проблема раздела и колониального порабощения всего Ближнего и Среднего Востока. Вновь актуализировался и давний армянский вопрос. Гражданская война в России и вмешательство в нее империалистических держав привели к возникновению новых — «кавказского» и «туркестанского» — вопросов. Все эти проблемы руководители Антанты пытались решать в собственных корыстных интересах и, следовательно, против интересов народов и государств Ближнего и Среднего Востока. Будущее же курдов и Курдистана попало в прямую зависимость от судьбы всех этих вопросов.

Планы и приготовления Англии в Южном Курдистане

Подготовку к включению всего Курдистана в сферу своего контроля империалисты Антанты вели по двум основным линиям — военно-политической и дипломатической. После заключения Мудросского перемирия она вступила в решающую стадию. Первым номером в борьбе за Курдистан сразу же выдвинулась Англия, имевшая, как указывалось, наиболее предпочтительные шансы.

Военно-политическое руководство Великобритании стремилось поставить своих союзников и народы Ближнего Востока, в том числе и курдов, перед свершившимися фактами¹. Пока на дипломатическом Олимпе шла подготовка к перекройке карты Старого Света и больше всего — Ближнего Востока, британские экспедиционные войска, захватив фактически все арабские владения Османской империи в Азии и установив свой контроль почти над всем Ираном, начали быстро продвигаться в северо-западном направлении с целью оккупации возможно большей части территории Курдистана.

Фактически, невзирая на перемирие, Англия продолжала военные действия на ближневосточном театре. В качестве правовой основы продолжения наступательных операций английские лидеры того времени, а впоследствии и историки, выдвигали ст. 7 и 16 Мудросского перемирия². Турецкие, французские и многие советские историки возражали против такой интерпретации этих статей и утверждали, что англичане грубо нарушили условия Мудросского перемирия³.

Но на самом деле ст. 7 Мудросского перемирия позволяла союзникам оккупировать любой стратегический пункт в Турции, «если обстоятельства сделались бы угрожающими для безопасности союзников», а ст. 16 предусматривала сдачу союзникам всех турецких гарнизонов, оставшихся в арабских странах, в том числе и в Месопотамии. Кроме того, как «приглашение» к продвижению союзных (т. е. английских) войск в восточные районы Турции, где проживали и курды, звучала ст. 24, гласившая, что «в случае беспорядков в одном из армянских вилайетов союзники сохраняют за собой право занять часть его»⁴.

Таким образом, сам текст Мудросского перемирия содержал в себе ярко выраженные интервенционистские мотивы, которые непосредственно касались Курдистана и курдов, обитавших и в «стратегических пунктах», и в бывших арабских вилайетах Османской империи, и в шести «армянских вилайетах»⁵. Разумеется, в Курдистане и сопредельных землях с точки зрения англичан не было недостатка и в угрожаемых стратегических пунктах, и в беспорядках, и в тому подобных предлогах для агрессии. Следовательно, спор о нарушении англичанами Мудросского перемирия в общем беспредметен. В сущности, это перемирие было не двусторонним (формально даже многосторонним) международно-правовым актом, а односторонним (диктат Англии по отношению к поверженной Турции), который Лондон формально мог нарушать, что он и делал.

Выступление британского экспедиционного корпуса под командованием генерала У. Маршалла на Мосул, находившийся в руках турок, началось 23 октября 1918 г. Турецкие войска поспешно отходили. Стратегической целью этого наступления были захват всей Северной Месопотамии, в том числе входящего в нее Южного Курдистана, и прорыв в Юго-Восточную Анатолию, иначе говоря — в Центральный и Западный Курди-

стан и в Западную Армению. 31 октября английские войска стояли в 14 милях от Мосула. Заключение перемирия не повлияло на планы британского командования. На следующий день по приказу военного министерства, ссылавшегося на упомянутые 7-ю и 16-ю статьи (хотя обстоятельства момента никак не оправдывали их применение), и вопреки протестам командующего турецкой 6-й армией Али Ихсан-паши английские войска начали наступление на Мосул. Через несколько дней пал Мосул, а к 10 ноября весь Мосульский вилайет был оккупирован английскими войсками⁶. Лондон начал проводить политику свершившихся фактов⁷.

Уже первые шаги британских военно-оккупационных властей в Мосульском вилайете не оставляли сомнений в их истинных намерениях. Англичане пришли в Курдистан как завоеватели и поступали соответственно. Непосредственным предлогом для оккупации было водворение «закона и порядка» в первую очередь среди курдских племен Южного Курдистана⁸. Естественно, приоритет отдавался военным методам управления. В Мосульском вилайете в отличие от Багдадского и Басорского вилайетов была установлена не гражданская, а чисто военная администрация (за исключением юридической системы, которая была общей для всех оккупированных территорий). Англичане мотивировали это неопределенностью политического будущего Мосула, обещанного по соглашению Сайкс-Пико Франции⁹. Думается, что это не главная причина, тем более что, как увидим далее, Англия не собиралась отдавать Мосул своей союзнице. Больше всего в Лондоне были озабочены позицией воинственных курдских племен, отнюдь не спешивших добровольно принять его новоявленных завоевателей.

Взаимоотношения с курдами всегда были трудной проблемой для английских оккупационных властей в Месопотамии. Если в Ираке англичанам еще до войны удалось привлечь на свою сторону влиятельную часть арабской элиты, то с курдами этого не произошло, хотя они, как и арабы, были настроены резко антитурецки. Не в последнюю очередь это объясняется стародавним арабо-курдским национальным антагонизмом, разжигавшимся турками. Сказались и вольнолюбивые традиции курдского общества, и, как это ни парадоксально звучит, его общая отсталость (отсутствовала прочная социально-культурная почва для устойчивых контактов с новой властью британских колонизаторов). Конечно, вначале население Южного Курдистана в целом приветствовало освобождение страны английскими войсками от турецкого ига. Однако англо-курдские отношения сразу начали омрачаться взаимными подозрениями и враждой.

Правда, до окончания военных действий против Турции английским властям в общем удавалось ладить с курдской феодально-племенной верхушкой. Этому способствовало наличие совместной первоочередной цели — изгнания турок из Ирака. Как уже отмечалось, многие племена Южного Курдистана сра-

жались на стороне англичан, которым удалось создать даже иррегулярные подразделения.

Особые надежды английское военно-политическое руководство в Ираке возлагало на сотрудничество с шейхом Махмудом Барзанджи. Последний, как и вся сулейманийская знать, в течение некоторого времени питал иллюзии в отношении намерений англичан, надеясь с их помощью организовать временное курдское правительство в Южном Курдистане. Весной 1918 г. Махмуд писал, что «весь курдский народ по обе стороны границы»¹⁰ хочет установления власти или непосредственно Англии, или ее представителей «под покровительством славного английского флага». Он писал также о восхищении «народа Курдистана» успехами британского оружия и заклинал англичан «ни при каких обстоятельствах» не восстанавливать в Курдистане турецкую власть¹¹.

Такого рода заявления делались, однако, скорее в тактических целях, дабы подтолкнуть англичан к активизации наступательных действий против турок. В действительности же шейх Махмуд и другие курдские вожди в Ираке при внешней лояльности относились к англичанам с возрастающим подозрением. И дело здесь не в интригах турок, усиленно пытавшихся в конце войны склонить курдов на свою сторону, как это утверждали английские авторы¹², а в обоснованных сомнениях, которые питала курдская верхушка в отношении конечных целей Англии в Ираке.

Весной, летом и в начале осени 1918 г. англо-курдские противоречия существовали как бы подспудно. Терпя временные затруднения на фронте, англичане пытались поднять курдов, но неудачно. Велись интенсивные переговоры с виднейшими курдскими вождями как в самом Ираке, так и в эмиграции. Успехи, однако, были невелики. Только Шериф-паша и шемдинанский вождь сейид Та (Таха) готовы были в ту пору сотрудничать с англичанами. Но первый, повторим, не имел связей и влияния в Курдистане¹³, второй же не делал погоды и к тому же постоянно враждовал с другими вождями. Растущие подозрения у курдской верхушки вызывали намерения Англии в армянском вопросе; армянский вопрос становился камнем преткновения в отношениях Англии даже с проанглийски настроенными курдскими деятелями¹⁴.

После заключения перемирия с Турцией английские власти в Ираке, став хозяевами положения, усилили нажим на курдскую верхушку, стараясь заставить ее служить своим военно-политическим целям в регионе. На первых порах предпочтение оказывалось мерам политической характера с использованием «законных чувств курдской национальности» в Южном Курдистане¹⁵. Проводниками британской колониальной политики в этом и сопредельных районах стали английские *политические офицеры*, приданные оккупационным войскам и призванные руководить курдскими племенными вождями. То были опытные ра-

ботники британских разведывательно-политических служб, поднаторевшие в искусстве «восточной дипломатии», хорошо знавшие местные условия (часто в совершенстве владевшие местными языками), имевшие прочно налаженные связи среди арабской и курдской племенной верхушки, клерикальной элиты и в феодально-помещичьих кругах. И если не все у них получалось, в частности в Курдистане, как это планировалось в Лондоне или Дели, то это была чаще всего не их вина — изменялась не в пользу Англии и вообще мирового империализма ситуация на ближневосточной арене.

Курдскую политику в Ираке во время войны и в первые два года после ее окончания делал полковник Арнольд Вильсон, заместитель главного политического офицера британских экспедиционных сил в Месопотамии Перси Кокса, а затем исполняющий обязанности последнего на посту гражданского комиссара. В предисловии к своим «Личным и историческим мемуарам» он заявлял о «неразрешимости» курдской проблемы, поскольку племена разьединены, «их вожди не имеют общей политики и согласны только в оппозиции к любой форме правления, которая привела бы их под арабское господство»¹⁶. К этому стоило бы добавить, что сам Вильсон и подчиненные ему политические офицеры действовали именно в духе разъединения курдского народа, разжигания стародавних курдо-арабских распрей, дабы на противопоставлении этих двух основных этнических общин Ирака построить здание английского колониального господства в этой стране. Словом, эта «неразрешимость» в значительной мере устраивала англичан и была, как будет показано дальше, усугублена ими самими.

В той же книге А. Вильсон, утверждая, что курдский вопрос возник немедленно после перемирия¹⁷, выделил в нем три аспекта:

- 1) Будущее части Мосульского вилайета, населенной курдами.
- 2) Будущее курдских районов, расположенных к северу от Мосульского вилайета.
- 3) Беспорядки среди курдских племен на персидской территории, разжигаемые пограничными курдами¹⁸.

Иначе говоря, А. Вильсон сводил содержание курдского вопроса, во-первых, к судьбе Иракского (Южного) Курдистана, имевшего для англичан в то время действительно первостепенное значение, во-вторых, к судьбе Турецкого (Северного и Западного) Курдистана, который был следующим по важности объектом притязаний Великобритании, и, в-третьих, к тревожной ситуации в Иранском (Восточном) Курдистане, где развивалось освободительное движение курдских племен, представлявшее эвентуальную угрозу интересам Лондона в Иране и во всем регионе. Примечательно, что в этом перечислении А. Вильсон курдскому движению отводил третье место. Вскоре ему пришлось убедиться в своем просчете. Но пока англичане спешили

подчинить своему влиянию курдское население завоеванной Месопотамии.

Сперва британская администрация пыталась применить многократно испробованный в Индии и других колониях Британской империи и доказавший свою эффективность метод косвенного контроля с опорой на феодальную верхушку. Последней сулили полную свободу рук во внутренних делах при условии контроля, осуществляемого английскими политическими офицерами. В инструкции одному из главных проводников британской политики в Курдистане майору Э. Ноэлю, назначенному с 1 ноября 1918 г. политическим офицером в Киркукский округ, говорилось о разрешении назначить шейха Махмуда Барзанджи «нашим представителем в Сулеймании». Аналогичные назначения курдских вождей были сделаны в Чемчемале, Халабдже и других важных пунктах Южного Курдистана. Вождям надлежало разъяснить, что над ними не будет установлено иностранной администрации. Они должны будут создавать конфедерацию под руководством британских политических офицеров. Налоговая система останется такой, какой была при турках, при необходимых модификациях¹⁹.

Резиденция Ноэля была определена в Сулеймании. Он назначил шейха Махмуда губернатором и заменил курдами всех турецких и арабских чиновников. Как отмечалось в официальном отчете британских властей о положении в Южном Курдистане во время мировой войны²⁰, «введенная система была практически феодальной»; каждый вождь был ответствен перед правительством²¹ за свое племя и рассматривался как назначенный им чиновник, контролируемый британским политическим офицером. В отчете говорилось также, что главной задачей новой администрации в этом районе (т. е. в населенных курдами округах Сулеймании и Киркука Багдадского вилайета) была ликвидация хозяйственной разрухи и голода. В действительности же под видом установления «порядка и законности» основное внимание уделялось распространению британского влияния среди курдских племен. На первых порах англичане безусловно имели успех. Лозунг «Курдистан для курдов» (подразумевалось — под английским протекторатом) приобрел в районе Сулеймании — Киркука популярность. Не только местные, но и некоторые соседние племена выразили готовность присоединиться к создававшейся под британской эгидой курдской конфедерации²².

Правда, некоторые племена и «их хищные сообщники» отказались признать британский протекторат²³, но англичане первоначально не придали этому значения. 1 декабря 1918 г. Арнольд Вильсон прибыл в Сулейманию, чтобы закрепить успех британской политики среди местной курдской верхушки. Он провел встречу с 60 главными вождями Южного Курдистана и сопредельных районов Восточного Курдистана, долго беседовал с шейхом Махмудом.

Переговоры в общем прошли для Вильсона успешно, но в то же время они должны были насторожить его в отношении могущих возникнуть в скором будущем затруднений. Курдские вожди проявили единодушие только в стремлении не допустить восстановления турецкого господства, но такой оборот и без того был маловероятен. Зато тогда уже обнаружилось разномыслие в вопросе о политическом будущем курдских земель; не ускользнул от английских наблюдателей и рост националистических настроений. При общем признании необходимости британского протектората некоторые вожди сомневались «в мудрости» установления в Курдистане «эффективной британской администрации». Другие требовали полного отделения Курдистана от Ирака и установления в нем прямого управления Лондона, «который в их глазах теперь заменил Константинополь». Были и такие, кто боялся усиления власти шейха Махмуда, «под секретом» выражая свои опасения А. Вильсону.

Однако на данной стадии разногласия среди курдской верхушки не выходили на поверхность. В ответ на ширококвещательное заявление А. Вильсона (от имени британского правительства) об освобождении восточных народов от турецкого гнета и о помощи им в достижении независимости шейх Махмуд вручил ему подписанное более чем 40 вождями заявление с просьбой о принятии их под британское покровительство и оказании им помощи. Подписавшие заявление не возражали против установления связи с будущей арабской администрацией Ирака, но просили англичан, чтобы при этом не ущемлялись их интересы. Со своей стороны А. Вильсон подписал документ, в котором говорилось, что все курдские вожди от Большого Заба до Диялы могут по желанию признать главенство шейха Махмуда, который получит «моральную поддержку в контроле над этой территорией», если согласится следовать приказам британского правительства²⁴.

Итак, намерения английских колонизаторов по отношению к Южному Курдистану были совершенно ясны. С помощью шейха Махмуда они хотели полностью подчинить себе эту территорию с целью, во-первых, ее колонизации (главным образом для эксплуатации нефтяных богатств), во-вторых, превращения в базу для дальнейшей экспансии в северном, западном и восточном направлениях, в-третьих, противопоставления возникшего там курдского национального движения арабскому движению, также набравшего силу в Ираке, для укрепления британского господства во всей стране. Все эти планы в конечном счете были реализованы только частично, ибо с самого начала они встретили серьезное противодействие главным образом со стороны курдов (о других затруднениях будет сказано ниже).

Прежде всего Вильсон и его подчиненные недооценили силу межплеменной разобщенности. Многие племена, а также жители Кифри, Киркука и других мест отказались признавать власть шейха Махмуда и обратились с просьбами об установлении над

ними прямого британского управления (кстати, Махмуд и не требовал абсолютной покорности всего населения Южного Курдистана). Главное же заключалось в том, что сам шейх Махмуд оказался крепким орешком. Выяснилось, что он соглашался на британский протекторат вовсе не бескорыстно, а в обмен на создание под его управлением автономного курдского государства с включением в него всех курдов Мосульского вилайета и части Ирана (Юго-Восточного Курдистана). Словом, шейх Махмуд вновь потребовал от англичан то, что он сам и другие курдские лидеры (предводители мукринских курдов в Соуджбулаке, Шериф-паша, сейид Таха) предлагали им во время мировой войны²⁵, стремясь поставить курдов на одну доску с арабами, которым державы Антанты обещали помочь в создании своего государства²⁶.

Однако с точки зрения имперских интересов Лондона (а также и Парижа) между арабами и курдами была большая разница, и не в пользу последних. Курды в глазах Антанты не стоили даже тех обещаний, которые не собирались исполнять. Во всяком случае, сразу после окончания войны, когда перед английским военно-политическим руководством на Ближнем Востоке стояла первоочередная задача расширения зоны своего непосредственного влияния, оно не было заинтересовано в создании даже подобия крупного курдского государственного образования. Английские власти категорически воспротивились присоединению племен Иранского Курдистана к проектируемой конфедерации во главе с шейхом Махмудом. Их представителям было заявлено, что они должны оставаться «лояльными персидскими подданными, находящимися, конечно, в хороших отношениях с конфедерацией»²⁷.

Таким образом, у английских властей в Месопотамии назревали сложности во взаимоотношениях с шейхом Махмудом, который соглашался на британский протекторат как на вынужденную и временную меру и в то же время лелеял мечту создать под своим началом независимое курдское государство, объединяющее по меньшей мере курдские земли Северного Ирака и Юго-Западного Ирана. Сам шейх Махмуд Барзанджи по своему происхождению, образу жизни, мировоззрению и политическим идеалам был типичным курдским феодальным вождем, но его борьба за образование хотя бы на части территории Курдистана фактически независимого курдского государства в контексте той эпохи и в исторической перспективе имела несомненно прогрессивное значение не только в политическом, но и в социальном аспекте.

Английские колониальные власти отдавали себе отчет в потенциальной опасности для них усиления шейха Махмуда и всячески старались ограничить сферу его влияния. Для «обработки» курдского шейха кроме Ноэля и Вильсона был использован лучший знаток курдов в британской разведывательно-политической службе майор Э. Б. Сон, посланный в Сулейманию еще в

середине ноября 1918 г. как представитель «победоносной Англии»²⁸. Однако он уже был неизлечимо болен и успел проявить себя только организацией отряда из 200 курдов²⁹. Основное внимание англичане на том, первоначальном этапе своей деятельности среди «освобожденных» иракских курдов уделили локализации активности шейха Махмуда только Багдадским вилайетом, где они чувствовали себя наиболее уверенно.

Несколько иная ситуация сложилась в Мосульском вилайете. Его политическое будущее было неопределенным, поскольку на него формально претендовала Франция. Однако англичане вовсе не собирались отдавать Мосул французам и после небольшой паузы начали вводить в Мосульском вилайете ту же систему управления, что и в Багдадском. Главным политическим офицером с резиденцией в Мосуле был назначен полковник Личмэн; политические офицеры для установления связей с курдами были направлены и в другие центры Мосульского вилайета (Захо, Акру и др.). Но о подчинении мосульских курдов шейху Махмуду не было и речи.

Вообще в Мосуле англичане поначалу встретили больше трудностей, чем в Сулеймании. Причина тому — географическое положение вилайета, граничившего с турецкими, армянскими и сирийскими землями, и пестрый этноконфессиональный состав его населения. Многочисленные христианские общины Мосула традиционно ориентировались на Францию; в них всегда было сильно влияние французских католических миссионеров. Профранцузская пропаганда в ту пору велась среди мосульского христианского населения особенно активно. Вместе с тем среди мусульманского населения разнообразная турецкая агентура разжигала антианглийские и антихристианские страсти.

Что касается собственно мосульских курдов, то их волновали распространявшиеся всюду слухи о скором создании независимого армянского государства, якобы претендовавшего и на исконные курдские земли. Эти малообоснованные слухи использовались заинтересованными элементами в целях антибританской пропаганды среди курдского населения³⁰. Другой причиной беспокойства мосульских курдов был ассирийский вопрос, обострившийся к концу первой мировой войны. Английское командование воспользовалось безвыходным положением немногочисленного ассирийского народа, который бежал от турецких репрессий из района Хакяри в Юго-Восточной Турции в Северо-Западный Иран, в интересах своей имперской политики на Ближнем Востоке. Ассирийцев планировали превратить в сторонников новой британской администрации, своего рода казачество, которое можно было бы противопоставить национально-освободительному движению народов Ирана, Ирака, Турции. С этой целью часть ассирийцев переселили из района Урмии (Иран) в Баакубу под Багдадом, а затем их начали расселять к северо-востоку от Мосула. Британские военные власти начали усиленно вербовать ассирийцев в формируемые ими военизиро-

ванные племенные отряды *леви*, призванные выполнять жандармские функции. Хотя в *леви* привлекались также арабы и курды, подавляющее большинство их личного состава составляли ассирийцы; именно с последними ассоциировались эти руководимые английскими офицерами формирования³¹. Усиление ассирийского элемента в Мосульском вилайете вызывало волнения среди местных курдов (отчасти инспирировавшиеся из Турции, которая надеялась оставить Мосул за собой). В результате погибли два английских офицера — капитан Уилли и лейтенант Макдональд³².

В конце 1918 г. стала расти напряженность и в курдских районах Багдадского вилайета — в округах Сулеймания и Киркук. Назревал конфликт между британскими властями и шейхом Махмудом. Власть и влияние последнего заметно возросли, что вызывало растущие опасения англичан. В конце декабря 1918 г. Ноэль покинул Сулейманию и отправился в Равандуз для внедрения там новой системы управления. Политические офицеры были назначены в Кой-Санджак, Ранию. На какое-то время им удалось восстановить порядок и укрепить британские позиции среди курдских племен к северу и западу от Сулеймании, которые признали власть шейха Махмуда как представителя Англии в Курдистане и выразили готовность присоединиться к проектируемой курдской конфедерации (так никогда и не созданной). Однако восстановить, а тем более укрепить доверие между английскими властями и правителями Сулеймании так и не удалось. Напротив, взаимное недоверие и подозрительность возрастали.

«Мы признавали шейха Махмуда настолько, насколько он был признан народом», — многозначительно говорилось в официальном отчете британских властей в Ираке о положении в Южном Курдистане. Практически это свелось к стремлению ограничить сферу власти шейха относительно «благополучными», с точки зрения английских колониальных властей, районами. Если не открытую поддержку, то сочувственное отношение со стороны английских властей встречали те круги в Иракском Курдистане, которые стояли за прямое британское правление, без посредничества курдских вождей. То были торгово-предпринимательские слои, нарождавшаяся курдская буржуазия, чьи позиции наиболее сильны были именно в Сулеймании³³.

Итак, хотя в рассматриваемый период (на рубеже 1918—1919 гг.) шейх Махмуд Барзанджи был наиболее влиятельной политической фигурой в Южном Курдистане (по мнению английского наблюдателя, на одного его противника приходилось четыре сторонника), в глазах британских властей он становился *persona non grata*. Усилилась критика в его адрес английских политических и военных функционеров, которые не скупились на самые пренебрежительные отзывы (содержавшие и такие определения, как «невежество», «коварство», «амбициозность», «интеллект и кругозор... ребенка» и т. п.). «Шейх Махмуд был для

нас самой трудной проблемой», — признавался А. Вильсон. В сущности, британские власти в Месопотамии уже в конце 1918 г. пришли к выводу о бесперспективности избранного было курса на косвенное управление курдскими районами руками курдского нобилитета во главе с шейхом Махмудом и о необходимости, по словам Вильсона, «модифицировать нашу политику в Южном Курдистане введением той же администрации или подобной ей, какая действовала везде в Ираке». Видимо, этим вынужденным изменением подхода к курдским делам была вызвана замена в Сулеймании Ноэля, имевшего личные связи с шейхом Махмудом и, наверное, обязательства перед ним, более опытным Соном³⁴.

В контексте возрастающих трудностей, с которыми встретились английские власти в Иракском Курдистане после окончания войны, несомненный интерес представляют анализ ситуации в этом районе и соображения о будущем курдской политики Великобритании, высказанные экспертами колониальной администрации в Месопотамии.

«Курды — нация без лидеров... ныне неспособная к самоуправлению», — таков был лейтмотив этого анализа. Единственным способом прекратить царившую в Курдистане из-за племенной междоусобицы анархию признавалась «какая-либо форма иностранного правления или руководства». Основной проблемой — найти систему правления, приемлемую для большинства народа.

Автор цитируемого в данном случае «Обзора события в Южном Курдистане во время Великой войны»³⁵ выдвигал несколько вариантов решения курдского вопроса в завоеванной Месопотамии. Один из них назван, скорее «для красного словца», восстановлением власти турок над курдами. Впрочем, автор сам исключал этот вариант, реализация которого, как он считал, превратит Курдистан в «рассадник интриг и беззакония» и, кроме того, сделает невозможным решение армянского вопроса.

В обзоре раскрывается, что конкретно подразумевается под «формой иностранного правления». Как и следовало ожидать — это «какая-то форма британского правления». И здесь автор видит два пути: 1) прямое правление и оккупация, что он считает неприемлемым из-за оппозиции народа и его лидеров; 2) «автономное государство под британским протекторатом и руководством, непосредственно контролируемое нами через природных (*natural*) курдских вождей». Второй вариант предпочтительнее еще и потому, что согласуется с «окончательным решением армянского вопроса».

Казалось бы, этот вариант похож на тот курс, который проводили английские власти в Ираке по отношению к курдским районам в конце 1918 — начале 1919 г., делая ставку на шейха Махмуда и др. Однако дальше в тексте цитируемого документа говорится нечто противоположное.

Прежде всего, сразу снимается вопрос об определении гра-

ниц автономного курдского государства до решения вопроса о будущем Армении. Далее утверждается, что из-за отсутствия признанного общекурдского лидера курдское государство не может включить в свой состав весь Курдистан. Зато налицо локальные вожди, которые при британской поддержке могут стать правителями в «ограниченных» районах. Иными словами, предпочтительнее создать в Курдистане «маленькие государства» с британскими советниками и с британской финансовой помощью. Над всеми этими государствами должна стоять центральная британская администрация с курдской «фигурой» во главе. При ней допускается создание курдского национального совета, призванного удовлетворять курдские притязания.

Венчают этот анализ рекомендации по территориальному вопросу. Этнографические границы проектируемого курдского государства решительно отвергаются. Курды Иранского Курдистана предпочитают остаться в Персии, утверждает автор, не приводя никаких доказательств, а, напротив, признавая, что у части этих курдов, особенно обитающих в Иранском Азербайджане, власть Тегерана непопулярна. Что касается иракских курдов, то, по мнению автора, во-первых, следует учитывать интересы безопасности арабского государства под британским протекторатом, и, во-вторых, арабы и курды так перемешаны, что между ними якобы отсутствуют этнографические границы. Следовательно, курдские районы Месопотамии должны быть не в Курдистане, а в Ираке. Словом, курдское государство рекомендовалось создать в Юго-Восточной Анатолии, на территории севернее линии Джазира-ибн-Омар (современная Джизре), Нусайбин, Рас-эль-Айн, Биреджик, далее на север по Евфрату, включая вилайеты Харпут, Битлис и Ван, и далее на восток к персидской границе³⁶.

Указанный «Обзор» столь подробно цитируется потому, что в нем, как в капле воды, отражены характерные черты британской политики в курдском вопросе, хотя эти рекомендации и принадлежат перу представителя низового звена колониальной администрации Англии и содержат многие неясности и противоречия.

Прежде всего было очевидно намерение поставить оккупированный Южный Курдистан под прямой колониальный контроль Англии. Фактически аналогичные планы лелеялись и в отношении Восточного (Иранского) Курдистана, когда выдвигались возражения против его включения в курдское государство. Ведь в ту пору Англия чувствовала себя в этой стране полным хозяином. Ясно выражено стремление сохранить и даже усугубить разделенность Курдистана в духе классического принципа «разделяй и властвуй». Не менее ясен и расчет на установление английского влияния в Западном и Северном Курдистане, входивших в состав собственно Турции. Наконец, совершенно откровенно говорится о фиктивности проектируемого курдского государства, раздробленного на отдельные княжества во главе

с чисто символической «фигурой» и не менее символическим советом, к тому же назначенным иностранной властью.

Итак, уже в одном из первых документов только начавшейся послевоенной эры, касавшихся политики Англии в курдском вопросе, обнаруживаются три основных типичных для всего исследуемого периода элемента, так сказать, отрицательного направления. Эта политика была направлена против коренных национальных интересов курдского народа, против всех других народов Ближнего Востока, наконец, против Франции, в то время главного соперника Англии в регионе, претендовавшего, в частности, на Юго-Западный Курдистан.

Разрабатывая принципы «курдской» политики в новых послевоенных условиях, британские колониальные деятели не забывали подчеркивать и функциональную роль курдов в осуществлении целей Англии на Ближнем Востоке. Знаток своего дела майор Ноэль предсказывал, что курды будут «ценным буфером между Месопотамией и политическим водоворотом Кавказа». По его мнению, ставка на курдов — предпочтительнее для британских интересов. Признание армянских требований, утверждал Ноэль, приведет к господству одного армянина над десятью курдами. «С практической точки зрения» будет лучше, если один курд будет властвовать над десятью армянами. Причина этого выбора хотя и химерическая, но весьма показательная. Это возможность «возрождения» России и восстановления «Российской империи», которую надо опередить в Курдистане (ведь Россия традиционно выступала покровительницей армян)³⁷.

Ноэль и другие английские эксперты по курдским делам уже в ранний период английского господства в Южном Курдистане предвидели угрозу конкуренции не только с Западом. Они предостерегали против возможности хотя бы частичной реставрации турецкого влияния на иракских курдов (главным образом по исламским каналам). Ноэль, ратуя за создание в Месопотамии «курдской конфедерации» под британской эгидой (которая, по его мнению, должна была стать как бы образцом для всего Курдистана), настаивал, чтобы исполнительная власть в ней была чисто курдская, исключая какое-либо участие турецких чиновников. Все акты и документы, исходящие от этой власти, должны быть составлены по-курдски, а не по-турецки и не по-арабски. Сборы налогов и вообще отправленные административных функций в Южном Курдистане он предлагал возложить на местную курдскую верхушку. Таким образом, традиционная курдская феодальная система сохранялась, но ее необходимо, считал Ноэль, поставить под британский контроль и модернизировать³⁸. Это ли не яркое свидетельство того, что установление английской власти в Южном Курдистане носило безусловно реакционный характер и во внутреннем, сугубо социально-экономическом аспекте!

Особенно англичан беспокоила ситуация на севере Иранского

Курдистана, где ныне проходит турецко-иракская граница (тогда ее юридически не было, а была северная граница Мосульского вилайета, тоже в известной мере условная). Здесь турецкая пропаганда среди курдов велась особенно интенсивно, причем охотнее всего их пугали «армянской угрозой», а также возможностью возвращения ассирийцев, изгнанных во время недавних военных действий. Но если притязания Турции на влияние в Южном Курдистане опирались на традицию, продолжавшуюся буквально «до вчерашнего дня», то опасность «панарабских движений» (Гертруда Белл)³⁹ было новым делом.

До крушения Османской империи Англия и другие западные империалистические державы пытались, и безуспешно, использовать в своих интересах набравший силу арабский национализм. После окончания первой мировой войны, когда почти все арабские страны Азии (кроме внутренних районов Аравии) были захвачены Англией и Францией или подпали под их влияние, отношение держав Антанты к арабскому национализму (панарабизму) круто изменилось. Из союзника он стал политическим противником, притом весьма опасным. Первоочередной задачей новых колонизаторов стало введение его в такие рамки, которые позволили бы им беспрепятственно осуществлять свои колонизаторские планы на Ближнем Востоке (и не в последнюю очередь — в Курдистане). В конкретных условиях Ирака это означало установление в стране режима жесткого контроля над политической активностью арабских национальных кругов, дабы не дать им возможность чрезмерно усилиться. В такую политику вписывалась и игра на арабо-курдских противоречиях, но до определенных пределов, исключающих нарушение территориальной целостности Ирака как подвластного Англии нового государственного образования, но в то же время препятствующих чрезмерному усилению арабского этнического элемента за счет курдского, полному подчинению курдского этноса в Ираке гораздо более многочисленному арабскому.

В таком примерно духе действовала британская администрация в Ираке после изгнания из страны турок. 30 ноября 1918 г. вышло распоряжение о проведении плебисцита по вопросу о будущем государственном устройстве Ирака. Предлагалось одобрить создание на территории исторической Месопотамии (Басорский, Багдадский, Мосульский вилайеты поверженной Османской империи) арабского государства под британским протекторатом от северных границ Мосульского вилайета до Персидского залива. Таким образом, Англия впервые открыто показала всем, что она не желает выполнять ни своего обещания арабам создать единое государство из всех арабских вилайетов Османской империи (включая Сирию, Ливан, Палестину, Хиджаз), ни своего обязательства французам уступить им Мосул. Кроме того, английские власти продемонстрировали, что курдам Южного Курдистана нечего рассчитывать на независимость. В инструкции политическим офицерам в Северном Ира-

ке говорилось, что альтернативой проектируемому арабскому государству в Ираке может быть отдельное государство, состоящее только из Мосульского вилайета и уже не находящееся под британским протекторатом. Ясно, что такой вариант англичанам не подходил⁴⁰.

Исход референдума был предreshен, ибо англичане обладали неограниченными возможностями для нажима, широкие народные массы были устранены от голосования, а феодально-клерикальные и буржуазно-помещичьи круги, а также вожди племен, как арабов, так и курдов, были политически разобщены⁴¹. Однако и при таких благоприятных для англичан обстоятельствах обстановка вокруг Мосула складывалась для них непростая. В отличие от арабов-мусульман, голосовавших за арабское государство, курды Мосула и езиды Джебель-Синджара выступили во время референдума с декларацией, направленной против установления арабского правления⁴². С мнением курдов английские власти, понятно, не посчитались, но их тревожила неопределенность международного статуса Мосула. Поэтому они спешили с политикой свершившихся фактов, надеясь с помощью внутренних законодательных актов добыть дополнительные аргументы, которые придали бы легитимный характер захвату Англией Северного Ирака.

Заместитель гражданского комиссара Англии в Ираке предлагал включить в пункт 2 проекта конституции от 20 февраля 1919 г. положение, по которому в состав Ирака вошли бы «Мосульский вилайет и Дейр-эз-Зор... а равно и те части Курдистана, которые ныне составляют часть Мосульского вилайета и не включены в будущее Армянское государство, т. е. весь бассейн Большого Заба». Он прибавил, что сюда необходимо допустить ассирийцев⁴³. Министр по делам Индии торопил подведомственную ему британскую администрацию в Ираке с «созданием арабской провинции в Мосуле, окруженной автономными курдскими государствами во главе с курдскими вождями, которые пользовались бы советами британских политических офицеров»⁴⁴. Правда, англо-индийское министерство, исходя из соображений «большой политики», предостерегало Багдад от таких действий, которые создали бы «в Мосульском вилайете или везде» впечатление, что «будущий политический статус Ирака уже решен», но заместитель гражданского комиссара настаивал на скорейшем распространении на Мосул порядков, введенных в других частях Ирака⁴⁵.

Итак, уже в первые месяцы после заключения перемирия обрисовались контуры политики Англии по отношению к Южному Курдистану. То была политика безусловно захватническая, колонизаторская, создающая серьезную угрозу национальным интересам в первую очередь той части курдского народа, которая обитала в завоеванном англичанами Ираке, но также и курдам всех других частей Курдистана. Вместе с тем у английских колониальных деятелей «на местах» еще не было ясного пони-

мания того, как следует проводить такую политику, какие конкретные мероприятия нужны для закрепления позиций Англии в Иракском Курдистане.

Если в Южном Курдистане англичане чувствовали себя полными хозяевами, то в Восточном их позиции были значительно слабее. В первое время после окончания войны они еще не выработали какого-либо плана действий по отношению к иранским курдам. Единственно, в чем были твердо убеждены британские представители в Иране — это необходимость присутствия в этой стране английских войск. В противном случае, телеграфировал поверенный в делах Англии в Тегеране Исфакхан, Мазендеран, Гилян, Азербайджан, Курдистан и Лурестан «останутся в состоянии полного беспорядка», так как правительство не имеет «ни денег, ни сил», чтобы справиться с ситуацией⁴⁶.

Как уже говорилось, в Лондоне твердо рассчитывали навсегда остаться в Иране, превратить эту страну если не в полную колонию, то, во всяком случае, в безраздельную полуколонию Великобритании на Ближнем Востоке. Может быть, поэтому руководители Британской империи считали излишним задумываться насчет проведения какой-то особой политики в Иракском Курдистане, ограничившись лишь мерами по сохранению его в составе подвластного им Ирана. Отношение внедрившихся в Иран в то время британских военно-политических деятелей к курдам было чисто прагматическим: курдские племена призваны были помочь англичанам в выполнении тех или иных военно-стратегических задач в Иране и сопредельных странах. Словом, иранским курдам отводилась такая же роль, как и другим племенным группам Ирана.

Особое внимание в конце войны и сразу после ее окончания англичане уделяли курдам Керманшаха (ныне — Бахтаран), где наиболее влиятельным было племя сенджаби⁴⁷. «Керманшахский район имел для англичан особенный интерес и значение, т. е. должен был послужить дополнением к идее создания под английским протекторатом буферного государства, стоящего на пути между Турцией, Закавказьем, Персией и Месопотамией и долженствующего оберегать интересы Англии в этой последней»⁴⁸.

Все попытки привлечь сенджаби на сторону Англии терпели неудачу. Тогда против сенджаби была применена сила. В Керманшахе англичане начали создавать собственную полицию по образцу той, которая уже была ими организована в Южном Иране. На сенджаби были натравлены соседние племена. Был арестован и сослан в Багдад вождь сенджаби Касым-хан, а два его брата были насильственно отправлены в Тегеран. Наконец, против сенджаби была брошена военная авиация, скоро ставшая излюбленным аргументом Англии в ее взаимоотношениях с курдскими и другими племенами Ирака и Ирана. Сенджаби были побеждены, а их имущество, оценивавшееся в 10 млн. туманов, разграблено⁴⁹.

В этот же период возник проект использовать в качестве пушечного мяса британского империализма курдов Хорасана. Глава британской военной миссии в Туркестане генерал У. Маллесон, орудовавший в Закаспии на стороне местной контрреволюции, предложил завербовать 300 курдов «как хороший материал» в случае вторжения большевиков в Хорасан. Но этот план был отвергнут вице-королем по причине неблагонадежности курдов, что весьма симптоматично⁵⁰.

В общем, англичанам не удалось сразу подчинить своему военно-политическому контролю иранских курдов. Но это, видимо, не особенно заботило английское правительство, полагавшее, что иранский «пирог» от них не уйдет.

На дипломатическом фронте

Не внутренний аспект курдской проблемы, равно как и других ближневосточных проблем, был в описываемое время первоочередным делом для вершителей судеб Великобритании. Куда важнее было для них в те первые послевоенные месяцы добиться международного признания своего монопольного права на гегемонию в ближневосточном регионе, в том числе, конечно, в Курдистане и сопредельных землях, которого они с помощью военной силы в значительной степени (но далеко не полностью и не везде) добились де-факто. Теперь Лондон спешил закрепить свои приобретения на Ближнем Востоке де-юре. То было дело непростое. Основные препятствия могли ожидать со стороны Франции и Соединенных Штатов Америки. Обе эти державы имели важные политические и экономические интересы на Ближнем Востоке. От Франции, внесшей основной вклад в победу на Западном фронте и доминировавшей там в военном отношении, Англия зависела в решении, конечно же, главного для всех держав германского вопроса; весомо было слово Франции в обсуждении польской и балканских проблем; наконец, нельзя было сбрасывать со счетов французские вооруженные силы на юге Балканского п-ова и в Восточном Средиземноморье. Считаться с Америкой заставляла ее огромная финансово-экономическая мощь; за годы войны Англия оказалась перед США в буквальном смысле в неоплатном долгу, приведшем, естественно, и к определенной политической зависимости (хотя и не в такой степени, как это произошло после второй мировой войны).

Такова была расстановка сил перед началом дипломатической схватки за «турецкое наследство», в которой старшие козыри были у англичан, которые и не преминули пустить их в ход. Курдистан же был не единственным, но весьма ценным для Британской империи призом в предстоящем дележе.

Перед британской дипломатией стояли две последовательно связанные между собой задачи: во-первых, обеспечить согласие союзников на оставление за Англией фактически захваченных

ею территорий и, во-вторых, создать условия, позволяющие Англии «на законном основании» расширять в будущем свою сферу влияния на Ближнем и Среднем Востоке. Но для этого следовало подвергнуть основательной ревизии межсоюзнические соглашения военного времени о разделе Азиатской Турции.

К концу войны международная обстановка вообще и ситуация на Ближнем Востоке в частности существенно изменились в сравнении с 1915—1916 гг., когда были заключены эти соглашения. Главное событие — революция в России и выход ее из войны — превратило в клочок бумаги соглашение 1915 г. о Константинополе и Проливах. Тем самым было подорвано и соглашение Сайкс-Пико, органически связанное с предыдущим. Англия получила предлог освободиться от невыгодных для нее статей этого соглашения.

Самым неприемлемым для Англии в этом соглашении была договоренность о передаче во французскую сферу влияния (зона «А») Северного Ирака (Мосульского вилайета). В обширной литературе по мосульскому вопросу всегда утверждалось, что Мосул нужен был Англии как по чисто экономическим, так и по военно-стратегическим соображениям. Как известно, перед первой мировой войной Англия наложила руку на мосульскую нефть, увеличив английскую долю участия в компании «Тэркиш петролеум» до $\frac{3}{4}$, оставив немцам только $\frac{1}{4}$ долю и совершенно устранив от участия в эксплуатации мосульской нефти не только Турцию, суверена Мосульского вилайета, и курдов, владельцев нефтеносных земель, но и американцев, получивших было нефтяную концессию в Ираке⁵¹.

Поражение Германии и ее союзницы Турции (проблематичное в период заключения соглашения Сайкс-Пико) дало Англии реальную перспективу стать полной и единоличной обладательницей мосульской нефти. Но для этого следовало обеспечить полный политический контроль над всем Ираком и безопасность всех его границ, особенно северных. Английский автор Брукс, отмечая, что «создание королевства Ирак в его теперешних границах обусловлено внешней политикой Великобритании и „нефтяной политикой“ Англо-персидской нефтяной компании», далее пишет: «...британский протекторат над Месопотамией, если он не распространяется на район горного хребта Ревандуз на севере, теряет свое стратегическое значение. Вместо того чтобы создать прочный барьер между восточным побережьем Средиземного моря и Ираном, а также другими лежащими за ними областями, Англия оставляла жизненно важные коммуникации между этими районами в руках другой великой державы»⁵² (имеется в виду соглашение Сайкс-Пико).

Сходную точку зрения еще раньше развивал англофоб Карл Гофман: «Основное значение Месопотамии — территориально-политическое, потому что этот район представлял собой главное звено в проектируемом сухопутном сообщении между Египтом и Индией. Не будь здесь даже нефти, этот район имел бы для

английской политики такое же значение; поскольку же здесь имеется нефть, постольку повышается его территориально-политическое значение, причем особое его значение, как нефтяного района, основывается опять-таки на территориально-политическом значении... С точки зрения духа практической политики невозможно провести границу между территориально-политическим и нефтеполитическим значением района». Исходя из этой теории, Гофман исключительно отрицательно оценивал значение соглашения Сайкс-Пико для Англии: «Лишившись Мосула, Месопотамия вообще потеряла бы свое территориально-политическое значение. Только располагая этой областью, Месопотамия является защищенной с севера горами. В то же время в Мосульском вилайете она находит наиболее явственное разрешение своему стремлению к выходу в Средиземное море; через тот же Мосул проходят самые удобные пути сообщения с Персией. Мосул представляет собой узловое сочленение в задуманном прямом соединении восточной части Средиземноморья с Индией. Отрыв его привел бы к тому, что в своей западной части этот путь вследствие нейтрализации Палестины лишился бы связи с Египтом. Словом, соглашение Сайкс-Пико безоговорочно сорвало бы всю политику сухопутной связи с Индией». Гофман утверждал, что «британская политика никогда не считалась с соглашением Сайкс-Пико как с серьезным и реальным фактором», особенно на исходе войны, что английская дипломатия сумела, играя на общности интересов обеих держав и на германском вопросе, убедить французские политические круги в необходимости пойти на пересмотр соглашения Сайкс-Пико и что конечная цель Англии — «отнять у Франции решающую область Мосула. Отсюда возник „мосульский вопрос“ как англо-французская проблема»⁵³.

Цитированные высказывания характерны для сторонников геополитических взглядов. Они содержат бесспорные истины, но упускают один существенный момент, необходимый для понимания сложившейся на ближневосточной арене ситуации. Мосул нужен был Англии не только в «оборонительных» целях как стратегически необходимый составной элемент, обеспечивающий непрерывность цепи британских колониальных владений от Каира до Калькутты. Добиваясь ревизии соглашения Сайкс-Пико, Англия преследовала и вполне определенную наступательную цель: Мосул должен был стать плацдармом, откуда британская военно-политическая экспансия могла бы распространяться в западном и северном направлении, к Закавказью и Черному морю. Иначе говоря, непосредственной целью этой экспансии были Турецкий и Иранский Курдистан и Турецкая (Западная) Армения. Без установления прочного контроля над этими стратегически господствующими и богатыми природными ресурсами территориями Англия не могла считать свои позиции на Ближнем Востоке незыблемыми. Следовательно, именно курдский вопрос для правящих кругов Великобритании к моменту мирного

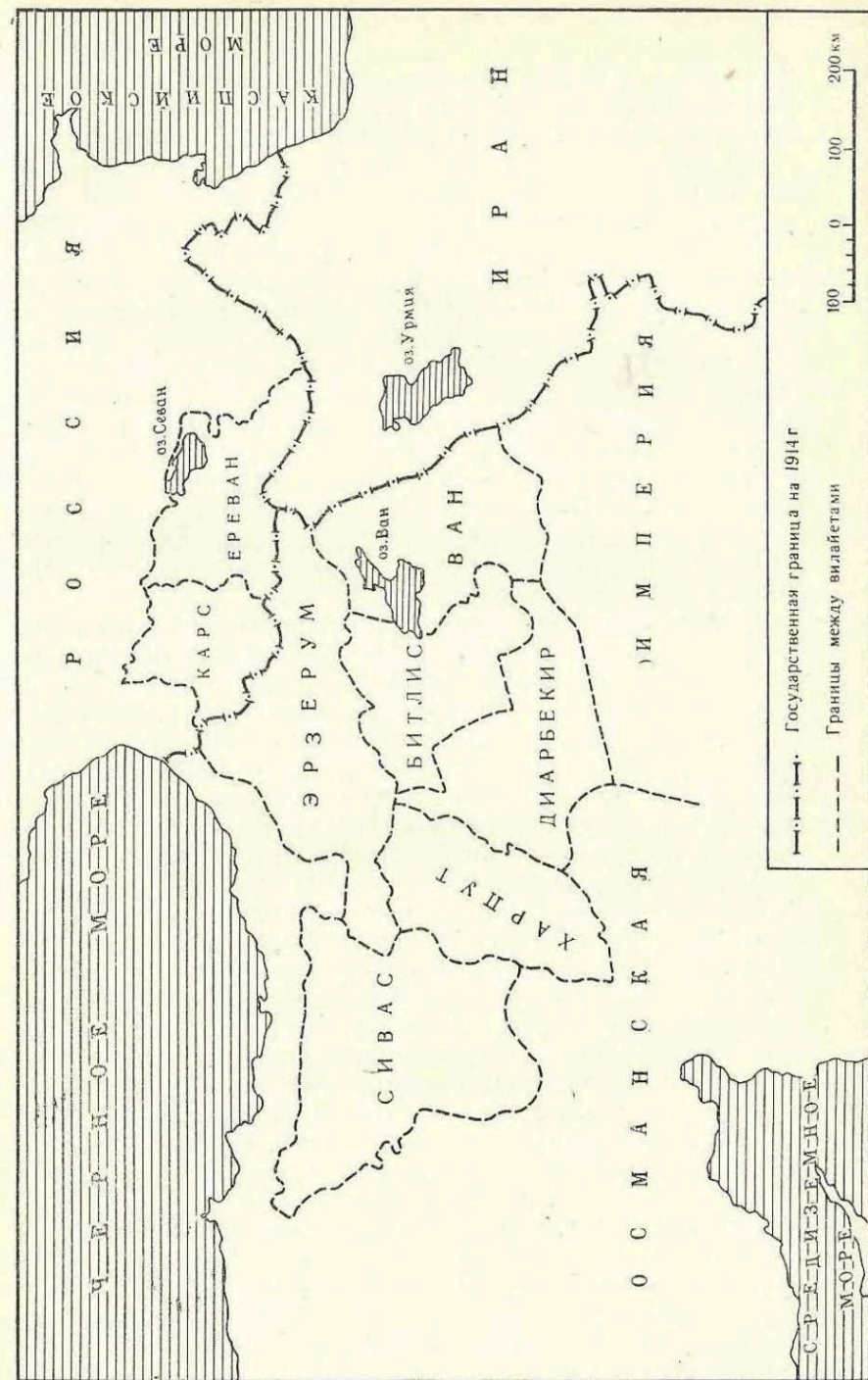
урегулирования стал приобретать первостепенное значение, и английская дипломатия начала умело использовать его для подрыва в первую очередь соглашения Сайкс-Пико.

Дэвид Ллойд Джордж уже задним числом, в своих послевоенных мемуарах, характеризовал соглашение Сайкс-Пико как «глупейший документ». Не менее крепкие выражения употреблял и Керзон. «Когда составлялось соглашение Сайкс-Пико, — писал он, — его авторы, несомненно, замыслили... нечто вроде фантастического рисунка, имеющего в виду ситуацию, которой тогда не существовало и которая едва ли могла когда-нибудь возникнуть; в этом, по-моему, главное объяснение того грубого невежества, с которым были намечены в этом соглашении линии границ»⁵⁴.

Постфактум, конечно, легко было разносить соглашение Сайкс-Пико. В конкретной же обстановке конца первой мировой войны и послевоенного мирного урегулирования для аннулирования этого соглашения британской дипломатии пришлось проделать немалую работу. Она началась еще за год до поражения держав Четверного союза.

Один из первых проектов пересмотра межсоюзнических соглашений о разделе Азиатской Турции в антифранцузском направлении был выдвинут не позднее начала октября 1917 г. Как записал в своем дневнике 2 октября 1917 г. английский посол во Франции лорд Ф. Л. Берти, член парламента полковник Обрей Герберт, имевший репутацию туркофила, предложил оставить Малую Азию Турции, Армении дать «особое полунезависимое положение» и «особый режим» установить «для Месопотамии и Аравии под турецким и британским главенством». Из этого проекта вытекает, в частности, что курдские земли изымаются из французской сферы влияния. Берти высказал обоснованные сомнения, что Франция и Италия откажутся от своих притязаний в Малой Азии⁵⁵.

На исходе 1917 г. впервые возникла идея государственного-политического обособления курдов Османской империи, причем она возникла именно в Англии или в сфере деятельности британской дипломатии. 18 декабря состоялась беседа английского дипломата Ф. Х. Керра (впоследствии лорд Лотиан) с главой миссии египетских учебных заведений Х. Пароди, который изложил точку зрения сторонников Антанты в турецком правительстве об условиях мира. В записи беседы содержится следующий знаменательный пункт: «в) Армения. Антантофильская группа Комитета⁵⁶ признает крайнюю неудачу турецкого правления в Армении. Убийства и жестокости турок в Армении вызывают у этих людей краску стыда, и они хотят предоставить решение судьбы Армении на полное усмотрение европейских держав. Чтобы обеспечить осуществление этого своего решения, они хотят выделить курдов из армянских вилайетов в отдельный курдский вилайет»⁵⁷. Точная реакция британской стороны на этот зондаж неизвестна, но она была несомненно сочувственная.

«6 армянских вилайетов» в Турции.

В это же время в лексикон английской дипломатии впервые вошел географический термин «Курдистан». В тайной конвенции о разделе сфер действий в России, заключенной между Англией и Францией 23 декабря 1917 г., по словам министра военного снабжения в кабинете Ллойд Джорджа—Уинстона Черчилля, говорилось: английская зона состояла «из территорий казаков, Кавказа, Армении, Грузии и Курдистана». Под прикрытием английских оккупационных войск «народы Грузии, Армении и Азербайджана должны были пользоваться полной независимостью, и вторжения большевиков в Турцию (в то время вполне покорную), в Курдистан или в Персию были предотвращены»⁵⁸.

Примечательно, что именно Черчилль, умевший раньше и лучше многих других политиков XX в. подмечать новые важные явления в международных отношениях (хотя и дававший им нередко извращенные толкования, как, например, и в данном случае — насчет «вторжений большевиков»), называл Курдистан в одном ряду не только с Грузией и Арменией—в то время объектами и субъектами международных публично-правовых отношений, но и с Турцией и Персией — суверенными державами. Думается, что это географическое откровение было сделано Черчиллем с дальним прицелом.

Между тем английская дипломатия продолжала готовиться к разделу Османской империи. Медведь был еще не убит, но охотники спешили уже договориться не только о разделе, но и о переделе его шкуры. Революционный выход России из войны и вступление в нее Соединенных Штатов Америки, выступивших с амбициозными притязаниями на руководство миром и, в частности, громко заявивших о собственных интересах на Ближнем Востоке, существенно изменили обстановку, в которой происходил торг о дележе «османского наследства», изменили и тактику британской дипломатии в этом вопросе.

Англия и ее союзники после первых внешнеполитических актов Советского правительства («Декрета о мире» и др.) и опубликования на страницах советской печати текстов тайных соглашений держав Антанты о разделе Турции уже не могли официально придерживаться прежней открыто колонизаторской и аннексионистской линии в колониальном и национальном вопросах. Первыми поняли необходимость камуфляжа американцы, провозгласившие устами президента В. Вильсона 8 января 1918 г. известные «14 пунктов», призванные с помощью демократической фразеологии парализовать революционизирующее влияние мирных инициатив молодой Советской власти и одновременно помочь под видом «равных возможностей» Соединенным Штатам с их могучим экономическим потенциалом завоевать лидирующее положение в мире. 12-й пункт касался и Курдистана. Он гласил, что нетурецкие области Османской империи «должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития»⁵⁹.

Примечательна реакция английского правительства на виль-

соновские 14 пунктов. Ллойд Джордж писал: «Ни один из союзников не считал декларацию Вильсона расходящейся по основным вопросам с их собственными декларациями, хотя ни одна из союзных держав никогда формально не принимала ее, и эти 14 пунктов не составляли официальной политики союзников»⁶⁰. Иными словами: мы — «за», мы готовы идти в ногу со временем, но при этом будем всегда преследовать собственные интересы. Так англичане, как и их союзники по Антанте, и поступали.

Из Лондона немедленно пошли разъяснения, что освобождение будет неполным. Еще 5 января 1918 г. в декларации Ллойд Джорджа говорилось, что «согласие управляемых должно быть основой всякого территориального урегулирования в этой войне»⁶¹. Но затем сообщалось, что в декларации, как и в 14 пунктах президента Вильсона, союзники, «за исключением Польши... не имели в виду полной независимости различных народов, поработанных Германией, Австро-Венгрией, Турцией...»⁶². Ллойд Джордж в своих выступлениях того времени сознательно делал упор, так сказать, на отрицательной стороне проблемы, на том, чего не должно быть, оставляя в тумане будущее устройство нетурецких провинций Османской империи. «В наших решениях,— говорил он,— предусмотрено признание особых национальных условий Аравии, Армении, Месопотамии, Сирии и Палестины. Сейчас нет надобности обсуждать, какова должна быть точная форма этого признания в каждом конкретном случае, и следует только заявить, что восстановление прежнего суверенитета на территориях, о которых я упоминал, невозможно»⁶³.

По мере приближения конца войны политическая и дипломатическая подготовка к переделу еще не поделенного «османского наследства» продолжалась англичанами неукоснительно. В марте 1918 г. для этой цели в военном кабинете Ллойд Джорджа под председательством члена кабинета Дж. Н. Керзона был создан «Восточный комитет», призванный координировать «британскую политику между Грецией и Афганистаном». С тех пор лорд Керзон стал играть ведущую роль в проведении восточной политики Великобритании, хотя Ллойд Джордж, зная его экстремистские наклонности, последнее слово оставлял за собой. В частности, рекомендации этого комитета к мирной конференции не были одобрены военным кабинетом, не желавшим связать себе руки⁶⁴.

Примерно за месяц до окончания войны британский военный кабинет принял текст договора о перемирии с Турцией, одобренный на межсоюзнической конференции 7—8 октября 1918 г. Он предусматривал контроль союзников над всеми железными дорогами Турции, включая находившиеся под контролем турок участки закавказских железных дорог, передачу союзниками туннелей Тавра, отвод турецких войск из Северо-Западного Ирана и Закавказья к довоенным границам. Статья 14 гласила: «Все турецкие гарнизоны в Геджасе, Ассире, Йемене, Сирии,

Киликии и Месопотамии сдаются ближайшему союзному военному начальнику или арабскому представителю по принадлежности»⁶⁵. На практике это означало согласие Турции на оккупацию английскими войсками всех нетурецких, в том числе и курдских, провинций азиатской части Османской империи (кроме внутренних областей Аравии, передаваемых тогдашнему союзнику Англии, правителю Мекки Хусейну ибн Али). Напомним, что в таком духе было выдержано Мудросское перемирие.

Итак, налицо было намерение англичан действовать не только против народов Ближнего Востока, но и вразрез с интересами своего главного западного союзника — Франции. Однако на поверхности Англия и Франция выступали солидарно, особенно на самом исходе войны и в первые послевоенные месяцы, когда на этапе крутой ломки всей исторически сложившейся системы международных отношений надо было демонстрировать единство как против новоявленных конкурентов (в первую очередь США, а также рвавшихся к дележу Японии и Италии), так и против поднявшихся на освободительную борьбу колониальных народов, маяком для которых стала Советская Россия. Примером такой показной солидарности была англо-французская декларация от 7 ноября 1918 г.

«Цель, преследуемая Францией и Великобританией в войне... — говорилось в ней, — заключается в окончательном и полном освобождении народов, так долго терпевших турецкий гнет, и в создании национальных правительств и администраций, источником власти которых будет инициатива и свободный выбор местного населения. Для осуществления этих намерений Франция и Великобритания согласились поощрять и поддерживать образование местных правительств и администраций в Сирии и Месопотамии, которые уже освобождены союзниками, а также на территориях, которые они сейчас стараются освободить; Франция и Великобритания признают эти правительства, как только они будут действительно созданы. Не имея никакого желания навязывать населению этих районов те или иные институты, Франция и Великобритания преследуют единственную цель обеспечить своей поддержкой и практической помощью нормальную работу правительств и учреждений, которые свободно создаст само население, обеспечить одинаковое и беспристрастное правосудие для всех, помочь экономическому развитию страны, вдохновляя и поддерживая местную инициативу, обеспечить распространение просвещения, а также положить конец раздорам, которые в течение слишком длительного времени использовались турками при осуществлении своей политики, — такова роль, которую берут на себя оба правительства на освобожденных территориях»⁶⁶.

Этот документ может служить своего рода образчиком демагогического пустословия, едва прикрывающего, однако, агрессивные и колониалистские замыслы его составителей. Особенно колоритно упоминание о территориях, которые союзники

«сейчас стараются освободить». И это говорится через неделю после фактической капитуляции Турции! Ко дню провозглашения декларации были «освобождены» уже все нетурецкие области Османской империи, кроме Армении и Турецкого Курдистана. Куда метали авторы декларации, совершенно ясно, равно как и истинные цели их непрошенной помощи «освобожденным территориям».

Но это, так сказать, общая характеристика цитируемого документа. Декларация от 7 ноября 1918 г. преследовала и вполне конкретные цели, причем преимущественно в интересах Лондона. Об этом поведал Ллойд Джордж уже в спокойной обстановке, отойдя от кормила власти.

Эта декларация, по его словам, была опубликована в местной арабской печати, «чтобы успокоить арабов» в связи с опубликованием в советской прессе тайных переговоров, т. е. была направлена на сознательный обман арабов и других народов Ближнего Востока в отношении намерений союзников. Кроме «большевистских разоблачений», продолжал Ллойд Джордж, «соглашение Сайкс-Пико было дискредитировано и по другим, чисто практическим соображениям. Английские власти считали, что соглашение нуждается по крайней мере в двух поправках. Первая из них касалась выделения из состава Месопотамии Мосула: лишившись мосульского зерна и нефти, Ирак сильно пострадал бы в финансовом и экономическом отношениях. В соответствии со второй Палестина должна была быть разделена на три части, каждая из которых находилась бы под особым управлением»⁶⁷. Вот это и представляется самым существенным. Декларация от 7 ноября 1918 г., хотя и считалась англо-французской, на деле лила воду на мельницу преимущественно Англии, поскольку ее можно было истолковать как фактический отказ от ставшего невыгодным Лондону соглашения Сайкс-Пико. Не исключается, что она была инспирирована британской дипломатией.

Таким образом, к исходу военных действий на всех фронтах мировой войны и к началу подготовки к мирным переговорам английская дипломатия выработала свою позицию и в отношении устаревшего, с ее точки зрения, соглашения Сайкс-Пико вообще, и в отношении стратегически и экономически важного Мосульского вилайета, включавшего большую часть Южного Курдистана, в частности. Эта позиция была, с одной стороны, агрессивной и колонизаторской, с другой — своекорыстной и антифранцузской. Не вызывало никакого сомнения намерение Англии захватить всю историческую Месопотамию, включая Мосульский округ. По словам американского исследователя Ховарда, Англия хотела создать «независимое арабское единство или конфедерацию провинций» и распространить свою власть «с согласия жителей» на Южный Курдистан, «который может стать автономным, хотя не все курдские племена должны быть включены»⁶⁸. Но будущее государственное устройство

захваченных территорий — это уже детали, ничуть не умаляющие колониалистскую сущность планов Лондона в Ираке, а упоминание о Южном Курдистане весьма знаменательно, хотя Ховард, кажется, нечетко представлял себе его границы.

В той дипломатической игре, которую затеял Лондон в конце 1917 и в 1918 г. вокруг передела азиатской части «османского наследства», курдский вопрос стал играть несомненно важную роль. И дело не в том, что выражения «курдский вопрос» или «Курдистан» мало употреблялись британской дипломатией того времени (впоследствии Ллойд Джордж скажет президенту Вильсону, что термин «Курдистан» не фигурировал в британских предложениях из-за того, что был включен в термин «Месопотамия»⁶⁹). Гораздо существеннее то, что правящие круги Великобритании без установления своего действенного (прямого или косвенного) контроля над Курдистаном, на первых порах Южным, не представляли себе «мирного урегулирования» на Ближнем Востоке⁷⁰. С этим британская делегация и прибыла в Париж на мирную конференцию.

«Восточный багаж» французской делегации был значительно скуднее. В сущности, французам нечем было подкрепить свои притязания, кроме чисто символических военных подразделений, действовавших при изгнании турок из Сирии и Ливана. На получение только этих стран они и могли реально рассчитывать, и то не наверняка. Как видно из текста Мудросского перемирия, с Мосулом Франции приходилось распрощаться. Все это приводило к росту англо-французского соперничества на Ближнем Востоке⁷¹. «Перемирие с турками единственный раз всерьез поссорило меня с Клемансо», — вспоминал Ллойд Джордж. «Совершенно несомненно, — писал он далее, — что французы в ту пору очень ревниво относились к тому положению, которое мы заняли в Египте, Палестине и Месопотамии, и поэтому они хотели сохранить в своих руках все предстоящие переговоры на Балканах и с Турцией. С другой стороны, турки предпочли иметь дело именно с нами»⁷².

Впрочем, ссора была недолгой и несерьезной. Реалист Клемансо понимал, что в мосульском вопросе Франции рано или поздно придется уступить, и спешил получить компенсации. Ими была доля в мосульской нефти и приращения в Киликии сверх того, что было обещано по соглашению Сайкс-Пико. Устное соглашение об этом было заключено между Ллойд Джорджем и Клемансо во время визита последнего в Лондон в декабре 1918 г. По словам Ллойд Джорджа, Клемансо «без всяких разговоров» согласился, «чтобы Мосул отошел к Ираку, а Палестина — от Даны до Беершебы — находилась под британским контролем»⁷³.

Вынужденный отказ Франции от Мосула (в то время еще не окончательный) вовсе не означал, что французские правящие круги утратили интерес к населенным курдами землям Ближнего Востока. Во-первых, Париж считал сирийские вилайеты

Османской империи, куда входила часть Юго-Западного Курдистана, своей долей добычи. Во-вторых, Франция по-прежнему стремилась утвердить свое экономическое и политическое влияние на север и восток от Сирии даже при наличии английской гегемонии на этих территориях. Особые надежды возлагались на христианские меньшинства (в том числе на армян), покровительницей которых Франция считалась издавна (хотя в описываемое время католическая церковь во Франции была отделена от государства). О том, что эти надежды опирались на реальную почву, говорит, в частности, заявление Керзона на заседании имперского кабинета 20 ноября 1918 г.: «Население Армении просит, чтобы защиту его интересов приняли на себя Франция или Америка»⁷⁴. Короче говоря, Париж не собирался без боя сдавать свои ближневосточные позиции.

О том, что французская делегация на Парижской мирной конференции была с самого начала вооружена собственной программой по восточному вопросу, свидетельствует главный помощник и советник Клемансо на переговорах А. Тардьё, который разработал в начале января 1919 г. следующий план:

«3. Восточные вопросы.

а) Освобождение национальностей, находившихся под гнетом бывшей Оттоманской империи:

Армения;

Сирия и Киликия;

арабские государства;

Палестина.

б) Режим Константинополя, что является особым вопросом.

в) Установление границ Оттоманского государства.

Сохранение турецкого господства отвечает существованию населения, в большинстве своем турецкого, в западных и центральных частях полуострова Малой Азии; это население хочет быть управляемым национальным правительством, и принципы союзников обязывают их считаться с желанием народа»⁷⁵.

Из этого плана по крайней мере следует, что Франция, во-первых, стояла за отторжение от Турции всех нетурецких ее владений, в том числе и Курдистана, а во-вторых, оставляла открытым вопрос о будущем государственном статусе этих территорий, т. е. они неминуемо должны были стать объектом империалистических, в том числе и французских, притязаний.

В конце первой мировой войны в число главных претендентов на ведение ближневосточных дел вступили США. Интерес американцев к региону был давний и преимущественно экономический. Еще в 1909 г. американский делец адмирал Колби Честер заполучил было перспективную железнодорожную концессию, которая распространялась на территорию большей части Северного, Западного и Южного Курдистана (предполагалось строительство железнодорожной сети от Сиваса до Сулеймании с линиями Харпут — Диарбекир (современный Диярба-кыр) — Мосул — Киркук и Сивас — Юмурталык — Искендерон,

Сивас — Битлис — Ван). В обеспечении доходов («километрические гарантии») группа Честера получала права на разработку полезных ископаемых, в том числе нефтяных полей, в зоне строительства железных дорог.

Это было, по идее, грандиозное колониальное предприятие американского капитала, которое, однако, не было в то время реализовано из-за сильного противодействия Германии, имевшей в то время преобладающее влияние на Порту⁷⁶. Показателен выбор концессионной территории, имевшей важное значение не только с экономической, но и со стратегической точки зрения. Провал концессии Честера показал американцам, что одного толстого кошелька, не подкрепленного политическим и военным влиянием, недостаточно для успеха. Думается, что администрация В. Вильсона сделала вывод из этой неудачи, когда выступила с проектом мирного урегулирования, в том числе и в ближневосточном регионе.

Истинная сущность внешнеполитических деклараций президента Вудро Вильсона, «апостола мира», как его называли тогда (в том числе добросовестно заблуждавшиеся), хорошо известна. Об этом уже упоминалось. Вопрос этот хорошо освещен и в литературе. Здесь отметим лишь те моменты, которые имеют непосредственное отношение к теме исследования.

Позиция США на Ближнем Востоке в рассматриваемую эпоху имела и сильные, и слабые стороны. Первые определялись экономическим могуществом американского империализма, а также довольно высоким престижем США в глазах народов региона, которые не знали американцев в качестве колонизаторов, но только — миссионеров, филантропов, путешественников и т. п.; вторые — относительной военной и особенно политической слабостью американцев на ближневосточной арене, отсутствием у них действенных военно-политических рычагов, с помощью которых они смогли бы «осваивать» территории рухнувшей Османской империи. Однако сильные стороны существовали как бы в потенции, притом в известном отдалении от Ближнего Востока, слабые же были налицо. Главная задача президента Вильсона и его окружения при решении ближневосточного вопроса⁷⁷ состояла в том, чтобы ликвидировать эту невыгодную для США диспропорцию в балансе сил с помощью главным образом средств дипломатии и пропаганды, используя все возможные рычаги нажима.

В апреле 1917 г. США вступили в войну на стороне Антанты, в октябре того же года у Вильсона вчерне уже созрела программа решения «турецкого вопроса». Она была направлена против определения судьбы «османского наследства» по англо-французскому сценарию. 13 октября 1917 г. ближайший помощник и советник президента по внешнеполитическим вопросам Эдуард Хауз записал: «По его (Вильсона.— М. Л.) мнению, нужно сказать, что Турция должна быть вычеркнута как государство и что распоряжение ее судьбой должно быть возложе-

но на мирную конференцию. Я добавил, что необходимо установить, что Турция не будет разделена между участниками войны, а должна стать в различных своих частях автономной согласно расовым признакам. Он согласился с этим».

1 декабря 1918 г. Вильсон направил Хаузу, находившемуся в Европе, каблогамму, в которой эта формула была изложена в развернутом виде, в каковом она вскоре стала известна под видом уже цитированного 12-го пункта. Примечательная деталь. Вильсон хотел, чтобы этот пункт был изложен более определенно, он писал, что «Армения, Месопотамия, Сирия и другие части могут ли быть названы по имени». Хауз возражал, и все осталось без изменений⁷⁸. Это нежелание многоопытного дипломата Хауза говорит само за себя. Право народов Османской империи на самоопределение в его понимании должно было стать предметом дипломатической игры, при которой излишняя конкретизация могла только причинить помехи.

Официальный комментарий к «14 пунктам», составленный под руководством Хауза в октябре 1918 г., внес немного нового в американскую позицию, но расставил существенные акценты касательно участи турок, арабов, курдов, армян и других народов Азиатской Турции, определенной для них Белым домом. Комментарий к ст. 6 гласил: «Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи». О ст. 12 сказано: «Здесь, как и в случае с Австро-Венгрией, трудность возникает в связи с термином „автономия“... Анатолия должна быть сохранена за турками... Армении должен быть предоставлен порт на Средиземном море под протекторатом какой-нибудь державы. Возможно, что на это будет претендовать Франция, однако армяне предпочли бы Великобританию».

Сирия уже отдана Франции по соглашению с Великобританией. Ясно, что Англия является наиболее подходящим мандатарием для Палестины, Месопотамии и Аравии.

В мирный договор должен быть вписан общий кодекс гарантий, обязательный для всех держателей мандатов в Малой Азии. Он должен обеспечить права меньшинств и принцип открытых дверей. Магистральные железные дороги должны быть интернационализированы»⁷⁹.

Из этих текстов следует, что американцы, во-первых, тесно увязывали проекты расчленения Османской империи с антисоветскими планами, во-вторых, затеняя вопрос об автономии меньшинств, фактически выступали против их самоопределения, в-третьих, все нетурецкие, в том числе и курдские, территории Османской империи отдавали Англии и Франции в колониальные владения под видом мандатных режимов и, в-четвертых, выдвинув «принцип открытых дверей» и интернационализации железных дорог, хотели обеспечить себе свободу экономической интервенции на Ближний Восток. Курды и Курдистан здесь не названы прямо, но, судя по контексту, несомненно подразумевались. Впрочем, об этом прямо говорится в самых первых подго-

товительных материалах государственного департамента к мирной конференции, датируемых еще 20 марта 1918 г. и именуемых «Отчет о расследовании: его пределы и метод» — «Армения»:

1. «Определение границ армянского ареала, изучение районов, оспариваемых курдами и др.»

«Несториане

1. Курды»⁸⁰.

Таким образом, выясняется, что США вовсе не были принципиальными противниками империалистических планов в отношении азиатских частей Османской империи, ярко выраженных в соглашении Сайкс-Пико. Вашингтон не устраивала только, так сказать, формула дележа, распределение аннексируемых территорий и неучастие в них США. Американцы также выступали за введение новых, современных форм колониализма («мандатная система» — для союзников, «открытые двери» и «равные возможности» — для них самих). США можно уверенно назвать в числе главных претендентов на империалистическое закабаление наряду со всеми другими частями Османской империи и Курдистана.

Итак, к моменту открытия в середине января 1919 г., в Париже мирной конференции определились позиции всех заправил Антанты по вопросу о судьбе «турецкого наследства». Намерения победителей по отношению к поверженной Османской империи были безусловно захватнические, колониалистские. Угроза нависла и над курдскими землями, находившимися под турецким игом (а также фактически и над Иранским Курдистаном). Главным претендентом выступала Англия, оттеснившая от Курдистана (хотя и не совсем) своего союзника Францию. Обширные замыслы в отношении Курдистана были и у американских империалистов. Предстояла упорная дипломатическая борьба, ибо ни одна из сторон не собиралась добровольно, без боя отказываться от своих притязаний на населенные курдами и другими народами территории, обладание которыми сулило важные экономические и стратегические выгоды.

Глава III

КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1918—1920 гг.¹

18 января 1919 г. в Париже открывалась мирная конференция между странами Антанты, с одной стороны, и странами Четверного союза — с другой. К этому времени по турецкому, или, точнее, ближневосточному, вопросу, как уже говорилось, более или менее определились позиции только Англии, Франции и США, причем по курдской части этого вопроса — в самом общем, неконкретном виде. Понятно, что мнение побежденных Германии, Австрии, Венгрии (двуетниная Австро-Венгрия к тому времени уже распалась) и Болгарии насчет «оттоманского наследства» никого в Париже не интересовало. Однако Турцию нельзя было сбрасывать со счетов. Хотя страна была фактически оккупирована, а султанское правительство было превращено в марионетку союзного командования, Стамбул сохранял еще способность воздействовать на ситуацию в армяно-курдском регионе. Да и на международной арене Порты могла, хотя бы некоторое время, держать линию обороны, играя на противоречиях между державами-победительницами.

Правда, серьезного противодействия захватническим планам Антанты в этом регионе Турция оказать не могла, собственных же идей в отношении решения курдского (или армянского) вопроса она не имела, если не считать сохранения статус-кво, т. е. турецкого господства. Иными словами, в Стамбуле считали, что этого вопроса просто не существует. Такого же мнения придерживался и Тегеран. Кстати, Иран, несмотря на его крайне плачевное состояние во время войны и на английскую оккупацию почти всей его территории к концу ее, также претендовал на участие в послевоенном ближневосточном урегулировании, но с ним, ясное дело, не посчитались.

И, конечно же, не посчитались с курдами и другими народами региона. Никто не спросил их мнения относительно дальнейшей судьбы их родины. Однако мнение это существовало, и оно вопреки ожиданиям империалистов стало постоянно действовавшим политическим фактором, оказывавшим возрастающее влияние на ситуацию в Курдистане и сопредельных странах.

Первое восстание шейха Махмуда Барзанджи

Раньше всего курды заявили о себе в Южном (Иракском) Курдистане, и это вполне объяснимо. Здесь всегда была «горя-

чая точка» Курдистана, очаг всевозможных волнений курдских племен. Иракские курды первыми соприкоснулись с западными колонизаторами, первыми почувствовали на себе тяжелую руку английских завоевателей. И они же первые поднялись на освободительную борьбу.

В предыдущей главе были рассмотрены первоначальные замыслы британских военно-политических властей в Ираке в отношении курдских районов и ответная реакция курдов. В период становления «Версальской системы» (1919—1920) ситуация в Южном Курдистане еще больше обострилась.

К весне 1919 г. обнаружился полный провал ставки английских властей на курдскую феодально-племенную верхушку в Ираке как на своего агента в колониальном закабалении Южного Курдистана. Англичанам впервые пришлось столкнуться с курдским феодальным национализмом, который в силу своеобразия исторического и культурного развития курдского общества оказался более стойким и нетерпимым, чем тот, с которым британским колонизаторам приходилось встречаться в других частях колониального мира². Причина этого специфического явления — не только исторического, но и социально-экономического происхождения: феодально-племенная верхушка и на пороге новейшего времени оставалась единственным выразителем общенациональных интересов курдского народа. Нарождавшаяся буржуазия, в сущности, еще недалеко ушла от купеческой прослойки средневековья и не играла почти никакой политической роли. Курдской же интеллигенции, профессионально занимающейся политической деятельностью, в Южном (как и в Восточном) Курдистане почти не существовало³.

Таким образом, как при турецком господстве, так и после прихода англичан вожди племен и религиозные лидеры — шейхи были, как правило, вдохновителями, организаторами и руководителями освободительных движений иракских курдов, так сказать, активными выразителями исконной вольнолюбивой традиции безоговорочно следовавших за ними курдских народных масс. После поражения Турции их политическая активность даже возросла, ибо на короткое время в Иракском Курдистане образовался вакуум власти, когда старые хозяева ушли, а новые еще не укрепились в достаточной мере. У курдской верхушки создалась иллюзия некоторой независимости, что способствовало росту ее политических амбиций.

Наличие феодального руководства не дает, однако, основания квалифицировать поднимающееся курдское движение против западного колониализма как ретроградное, преследующее реакционные цели. Антиимпериалистическая направленность этого движения в Ираке (а позже и в Сирии) имела безусловно прогрессивное значение. Но и во внутрисоциальном аспекте борьба курдов против английских (а в Сирии — и против французских) колонизаторов объективно выходила за рамки феодально-сепаратистского идеала.

Послевоенный подъем курдского национального движения происходил в эпоху кризиса и начавшегося распада колониальной системы империализма, когда под могучим воздействием освободительных идей Октября, побед советской власти над объединенными силами империализма и внутренней реакции и впечатляющих успехов в решении национального и национально-колониального вопросов в бывшей «тюрьме народов» — России народы колониального Востока, в том числе и курдский, поднялись на борьбу за свои права, за самоопределение. Эта борьба в силу самой логики исторического развития не могла не привести к значительным внутренним социальным сдвигам.

Незадолго до этого В. И. Ленин писал, что освобождением балканских народов от турецкого господства в результате Первой Балканской войны «сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей восточной Европе»⁴, связывая эту «историческую задачу» со свержением «гнета местных феодалов»⁵. Курдистан в социально-экономическом отношении значительно отстал от Македонии и других славянских и балканских земель, но методология ленинского подхода к историческому значению событий на Балканах вполне применима и к нему.

Уже само освобождение Южного и Юго-Западного Курдистана от османского владычества, этого воплощения всего реакционного и отжившего на Ближнем Востоке, подрывало еще довольно основательные устои «средневековья» на курдской земле. Приход английских и французских колонизаторов также (может быть, вопреки их воле) содействовал этому, ибо они, с одной стороны, выступали как грабители и эксплуататоры, с другой — привносили в Курдистан более передовые капиталистические производственные отношения, развивали в определенной мере промышленность, инфраструктуру, производство экспортных культур в сельском хозяйстве и т. п. Политический конфликт курдов с английскими и французскими колонизаторами развивался в условиях уже новой социально-экономической реальности, которую нельзя было отменить. И как это ни парадоксально звучит, курдское движение в новейшее время вопреки субъективным намерениям многих его лидеров, особенно в Ираке и в Иране, способствовало разрушению традиционного курдского феодального общества хотя бы потому, что привело к усилению контактов курдов с их противниками по всем линиям — социально-экономической, политической, идеологической.

Уже из сказанного следует, что курдское национальное движение в послеоктябрьскую эпоху представляло собой достаточно сложное и крайне противоречивое общественное явление, к которому нельзя подходить с однозначными оценками. Его прогрессивное значение заключалось не только в борьбе против империализма, колониализма и буржуазно-шовинистической верхушки стран, разделивших Курдистан, но и в том, что в ходе этой борьбы подрывались позиции феодально-племенных и

клерикальных верхов традиционного курдского общества во всех областях: социально-экономической, политической и духовной. Вместе с тем именно социальная отсталость руководства и движущих сил курдского движения позволяли империалистическим и реакционным кругам порой манипулировать, ослаблять его эффективность и в конечном счете сводить на нет самоотверженную и героическую борьбу курдского народа против старых и новых угнетателей.

Таковы основные черты, характеризующие курдский национализм, курдское национальное движение в историческом, общеполитическом и социальном аспектах. После первой мировой войны оно стало постоянным и весомым фактором, влияющим на внутривнутриполитическую ситуацию в странах проживания курдского меньшинства, на международное положение всего ближневосточного региона. Однако в общем потоке курдское национальное движение рассматривать невозможно, ибо оно в каждой стране имело свою специфику. Последняя определялась в первую очередь конкретным противником. В Ираке и Сирии курдское движение было заострено против иноземных колонизаторов, в Турции и Иране — против правящих кругов этих стран, проводивших по отношению к курдскому населению шовинистическую политику.

Первое крупное курдское восстание в новейшее время вспыхнуло в Ираке весной 1919 г. В апреле поднялось племя гоян в окрестностях Захо, затем вспыхнуло восстание в Барзани, вечном очаге беспокойства, во главе с Ахмедом Барзани. Погибло несколько английских политических офицеров. Эти выступления были с трудом подавлены британскими карательными войсками к концу лета 1919 г.

Но главные события развернулись в Сулеймании, которая в исследуемый период стала подлинным центром освободительного движения в Южном Курдистане. Во главе движения встал шейх Махмуд Барзанджи, бесспорный лидер освободительной борьбы иракских курдов всего периода прямого британского управления Ираком⁶.

Враждебные шейху Махмуду английские источники в соответствующем духе излагают мотивы, побудившие его вступить на тропу открытого вооруженного конфликта с англичанами: неумелое властолюбие, великодержавные амбиции, агрессивность и т. п.: «Власть шейха Махмуда угрожала будущему миру в стране», поскольку он, не удовлетворенный теми правами, которые ему были предоставлены в Сулеймании, хотел распространить свое господство на Эрбиль и другие населенные курдами части Мосульского вилайета. Ему инкриминировалось установление связи с неким «антииностранным центром в Шернакхе»⁷. По утверждению тех же источников, племена начали отходить от шейха Махмуда, его власть стала убывать даже в Сулеймании, особенно после того, как он стал терять доверие и поддержку английских властей. Его позиции якобы были по-

дорваны и среди его соплеменников — джафов. И все это побудило шейха Махмуда поспешить с выступлением, дабы восстановить свой авторитет и власть в Иракском Курдистане⁸.

Наряду с перечнем такого рода «объективных» причин, подвигнувших шейха Махмуда на возмущение, приводились и субъективные. Курдского вождя называли, например, «неуравновешенным, неистовым, несерьезным» и т. д.⁹.

Тенденциозность подобных объяснений очевидна. Кроме того, вопреки желанию их авторов они доказывали широкую распространенность антианглийских чувств у иракских курдов (раз курдскому вождю для восстановления своей популярности и власти требовалось поднимать народ на борьбу именно против англичан, новых хозяев Ирака). Уже через полгода после завершения оккупации Ирака в стране накопился значительный антиимпериалистический потенциал (как у курдов, так и у арабов), готовый в любой момент выплеснуться наружу. Шейх Махмуд Барзанджи выдвинулся в этот момент именно как лидер антиимпериалистического, антиколониального движения курдов Южного и частично Юго-Восточного Курдистана. В этом и заключается подлинное, основное значение его личности, его деятельности, которое не могли заслонить некоторые его черты и поступки, присущие ему как во многом типичному феодальному вождю. Акцентируя внимание на последних, английские наблюдатели того времени метили на все возглавлявшееся шейхом Махмудом и некоторыми другими курдскими лидерами освободительное движение, стремясь всемерно опорочить это исторически прогрессивное общественное явление.

Восстание шейха Махмуда началось в 20-х числах мая 1919 г. захватом Сулеймании отрядом союзных ему пограничных курдов. Внезапность выступления обеспечила курдам первоначальный успех. Небольшие силы леви были разбиты, английские офицеры, в том числе политические, были изолированы; некоторые из них были убиты. Вскоре шейх Махмуд стал полным хозяином всего округа Сулеймании.

В сущности, протяженность его владений была невелика. То была всего лишь часть Южного Курдистана, притом не самая большая. Но сам шейх Махмуд придавал своей первой победе над англичанами весьма большое политическое значение. Он мыслил не местными, а общекурдскими категориями, рассматривая Сулейманию как ядро, центр будущего независимого курдского государства. Поэтому шейх Махмуд провозгласил независимость Курдистана, а себя — его правителем (по словам Арнольда Вильсона, «главным правителем»), хукумдаром¹⁰. Были введены некоторые внешние атрибуты суверенного государства: флаг, денежные знаки и почтовые марки с изображением шейха Махмуда, почтовые штампы. Начала издаваться газета «Роже Курдистан» («Солнце Курдистана»). Наконец, шейх Махмуд создал собственное правительство во главе со своим младшим братом шейхом Кадиром Барзанджи, называв-

шимся каймакамом. Министром финансов был назначен христианин Абдул Керим Алака, министром просвещения — Хадж Мустафа-паша, главнокомандующим — Салех Зеки-бей¹¹.

На первых порах дела шейха Махмуда шли хорошо. Он одержал несколько побед (под Тасулуджей и Базианом) и распространил свою власть до Киркука. На его сторону переходили племена иракско-иранского пограничья и Иранского Курдистана (хамавенд, авроман и др.). Он установил связи с крупнейшими курдскими вождями — шемдинанским властителем, внуком знаменитого Обейдуллы сейидом Таха и наиболее влиятельным вождем Иранского Курдистана, предводителем проживавших вдоль турецко-иранской границы курдов шеккак Исмаилагой Авдои Симко (Смитко). Отзвуки на сулейманийское восстание шейха Махмуда прокатились по всей Месопотамии, не только по ее курдским районам¹².

Над неокрепшей еще английской властью в Ираке нависла несомненная угроза. И британское военно-политическое руководство приняло немедленные меры. Против повстанцев были брошены англо-индийские войска под общим командованием генерала Т. Фрезера. Силы были явно неравные, тем более что англичанам удалось восстановить против шейха Махмуда племена джаф и пишдер. 17 июня под Базианом отряды шейха Махмуда потерпели поражение, сам он был ранен и попал в плен, через несколько дней пала Сулеймания.

Однако восстание не прекратилось. Еще полтора месяца продолжались карательные операции против повстанцев Сулейманийской ливы. Только 3 августа 1919 г. было официально объявлено об окончательном усмирении мятежников. По приговору военно-полевого суда шейх Махмуд был приговорен к смертной казни, замененной ввиду его огромной популярности среди иракских курдов десятилетней ссылкой в Индию¹³.

Британские колонизаторы могли праздновать свою первую победу над курдами. Но их торжество оказалось преждевременным. Правда, английские власти поняли это не сразу. В донесении А. Вильсона министру по делам Индии, составленном в конце августа 1919 г., преобладал оптимистический тон, сообщалось, что в курдских районах восстановлены порядок и нормальная административная деятельность. «Мы управляем Южным Курдистаном не силой, но согласием», — писал Вильсон, в то же время признавая, что за правительством все же стоит сила. Далее он расписывал успехи в управлении Сулейманийской ливой после «националистической анархии», когда оно осуществлялось курдскими чиновниками под британским контролем. Доходы провинции повысились, утверждал А. Вильсон, порядок и правосудие успешно поддерживаются.

Вместе с тем в донесении А. Вильсона сквозили и нотки беспокойства, особенно в связи с положением на иракско-иранской границе. Он предостерегал против предоставления курдов их собственной судьбе, т. е. против ослабления британского конт-

роля над ними, и предвидел еще один-два года затруднений в Южном Курдистане. Особенности опасения ему внушали турецкая агитация среди курдов (по его словам, деятельность комитетов «Единение и прогресс») и слухи о создании армянского государства, вызывавшие тревогу у курдов. В качестве «всеобщих цивилизующих факторов» А. Вильсон выдвинул план строительства сети железных и шоссейных дорог в Южном Курдистане, которым он придавал и важное стратегическое значение¹⁴.

Соображения, высказанные Арнольдом Вильсоном, типичны для английских колониальных деятелей; они в какой-то степени отражают реальную обстановку в колонии, в данном случае в Иракском Курдистане, но в то же время приукрашивают объективную ситуацию. А. Вильсон и ему подобные не были в состоянии правильно оценить историческое значение национально-освободительного движения в новую эпоху, наступившую после Октябрьской революции в России и первой мировой войны. Все дело они сводили к частным причинам, внешним влияниям, личным амбициям и т. д., не желая (или не будучи в состоянии) видеть историческую обреченность колониализма. Это наглядно видно на примере политики Англии в Южном Курдистане.

Английский политический офицер У. Хэй признавал, что «восстание шейха Махмуда нанесло серьезный удар британскому престижу в Курдистане»¹⁵. Это несомненно в отношении периода после подавления восстания. Однако и до этого британские позиции во всем Ираке вообще и в его курдских районах в частности покоились на довольно шатких основаниях.

Другие выступления в Южном Курдистане

Еще задолго до событий в Сулеймании английские военно-политические власти в Ираке могли видеть в достаточном количестве признаки нарастающего брожения в Южном Курдистане. Несмотря на разногласия в курдской верхушке и на наличие в ней проанглийских симпатий, стало очевидно, что классический вариант прямого колониального управления здесь не пройдет. Необходимость модификации колониального режима не вызвала сомнений и в отношении всего Ирака, а также других отторгаемых Антантой у побежденных Германии и Турции колоний. В то же время уже первоначальный опыт английской колонизации Ирака показал, что курдскому населению страны требуется специфический подход, отличный от того, какой применялся к арабскому населению. Это касалось и непосредственных взаимоотношений с отдельными курдскими племенами и конфедерациями, и, главное, определения политического будущего Южного Курдистана. Перед британской администрацией в Ираке во весь рост встал курдский вопрос, к решению которого она оказалась явно неподготовленной.

Поначалу, как уже отчасти говорилось, курдская политика английских властей на Ближнем Востоке основывалась на эксплуатации антифранцузских настроений. Казалось, такой подход начал давать ожидаемые результаты. Британский политический резидент в Персидском заливе Перси Кокс и другие представители Англии сообщали в конце 1918 — начале 1919 г., что курды Южного Курдистана — против возвращения турок и всецело за Англию, что многие вожди стоят за отделение от Ирака под покровительством Англии или, в крайнем случае, за сохранение этого покровительства, если они останутся в составе Ирака. Среди курдских нотаблей были и приверженцы прямого управления Англии курдскими землями, но сторонников Франции не было (шейх Махмуд заявил, что он «ни под каким видом» не примет французского покровительства). По словам Ноэля, были и сторонники (больше из купцов) предоставления курдам статуса «союзников» Антанты и на этом основании — самостоятельного представительства на Парижской мирной конференции. Аналогичные настроения отмечались и среди вождей Иранского Курдистана, особенно иракско-иранской пограничной полосы. Здесь проявился и антииранский сепаратизм, в то время не соответствовавший интересам Англии¹⁶. Во всяком случае, ситуация в Южном Курдистане позволяла англичанам, последовательно укрепляя свои позиции в этом районе, вести подготовку к его полному подчинению.

Однако начавшиеся уже весной 1919 г. первые антианглийские выступления иракских курдов показали, что английские власти переоценили действенность чисто пропагандистских методов внедрения британского влияния в Курдистане. Враждебность курдов к новым поработителям, их нежелание жить под британским ярмом оказались сильнее пропагандистских ухищрений политических офицеров. К тому же многие из них, воспитанные на старокOLONIALНЫХ традициях, не успели или органически не могли перековаться в духе новых веяний и увидеть подлинные причины подъема курдского освободительного движения. Майор Ноэль писал, например: «Движение в пользу курдской независимости не основывается на естественном фундаменте». Далее он утверждал, что «национальная пропаганда курдов никогда бы не достигла нынешнего уровня», если бы не их опасения возмездия со стороны подстрекаемых Западом армян, и пускался в сомнительные рассуждения о «порче» курдских племен Нусайбина из-за их долгих контактов с арабами в сравнении с племенами Сулеймании и Равандуза¹⁷.

Конечно, с таким багажом нечего было рассчитывать на большой успех у курдов. К тому же вскоре в Южном Курдистане у англичан появились конкуренты — те же турки, которых списали было со счетов. Сброшенные с пьедестала власти после поражения Турции в войне члены комитета «Единения и Прогресс», несмотря на самороспуск партии, не исчезли с политической арены. Иттихадистские комитеты в Диарбекире, Марди-

не и других восточноанатолийских центрах долго еще сохраняли политическую активность. В борьбе против своих заклятых политических врагов — итиляфистов (членов партии «Хюрриет ве итиляф» — «Свобода и согласие»), вскоре после поражения Турции возглавивших стамбульское правительство и пользовавшихся полной поддержкой и доверием держав Антанты, в первую очередь Англии, они пытались использовать и «курдский козырь», ведя среди племен Юго-Западного и Южного Курдистана антибританскую пропаганду с широким использованием исламистских лозунгов.

Младотурки-иттихадисты сколотили в округе Хакяри и в сопредельных районах антианглийскую конфедерацию (племена харки, шернакли, рамазана, салахие и др.), но, видимо, она была эфемерной. Они установили также контакты с видными курдскими лидерами, проживавшими в столице: с сенатором Абдул-Кадыром, Амином Али Бадр-ханом, экс-вали Мосула и издателем газеты «Аль-Хадиса» Сулейманом Назифом, курдом-иттихадистом Абдуллой Джевдетом¹⁸. Однако и в этом случае курдские националисты соблюдали свои интересы и не порывали отношений с англичанами. Последние, по их мнению, могли вредить делу курдской независимости в Ираке, но не в Турции или в Иране, где английская помощь могла сыграть положительную роль.

Во всяком случае, турки причиняли англичанам немалые затруднения в Северном Ираке. Центр антибританской деятельности находился в Юго-Западном Курдистане (район Диарбекир — Мардин), возглавлял ее бывший командующий 6-й турецкой армией Али Ихсан-паша, тесно связанный с иттихадистами. Их главной целью было помешать захвату Англией этой стратегически важной территории, реальная угроза которому существовала в первые месяцы после окончания войны. Правда, в этом районе Курдистана образовалась и проанглийская партия (с центром в Сиирте) и возникло движение в пользу полной независимости, возглавлявшееся Симко. Однако последнее тяготело больше к Иранскому Курдистану, а сторонники Англии были сравнительно маловлиятельны¹⁹.

Напротив, среди курдского населения крепла враждебность по отношению к европейским (в данном случае — английским) завоевателям, от которых исходила реальная и непосредственная угроза. На этом фоне стародавняя вражда к турецким поработителям временно стала отходить на второй план, особенно в той обстановке политической неразберихи, которая царила в Турции после поражения в войне. Авторитет и власть стамбульского правительства упали до самого низкого уровня, а руководство начавшегося уже весной 1919 г. национально-освободительного движения турецкого народа было заинтересовано по меньшей мере в лояльности курдского населения Восточной Анатолии и потому старалось наладить с ним хорошие отношения. В этой обстановке курдское движение в самой Турции приобрело

относительную самостоятельность, во всяком случае, временную свободу маневра.

В рассматриваемые первые послевоенные месяцы турецкие курды видели для себя главную опасность именно на Юго-Востоке, откуда надвигались англичане. Но появилась еще одна дополнительная причина, по которой создавалась благоприятная обстановка для распространения антиантантовских настроений в курдской среде. Речь идет о вновь обострившемся армянском вопросе.

Слухи о планах создания независимого армянского государства на востоке Анатолии, где проживало и многочисленное курдское население, возникли уже в конце 1918 г. и набирали силу в период затянувшейся подготовки мирного договора с Турцией. Эти слухи будоражили курдов, содействовали гальванизации у них антиармянских настроений и одновременно — росту недоверия к политике держав-победительниц, успешно спекулировавших в корыстных, колонизаторских целях на страданиях армянского народа, перенесенных им в абдулхамидовские и младотурецкие времена.

Следует отметить, что нагнетание страстей вокруг армянского вопроса было на руку не только империалистам, но и консервативным кругам курдского общества, племенной и клерикальной верхушке, возглавлявшим тогда национальное движение курдов, но одновременно бывших главными носителями и распространителями этнических предрассудков и мусульманского шовинизма. Поддержка Англией, Францией, США армянских националистов интерпретировалась ими как доказательство «заговора» христианских держав и их армянской агентуры против курдов-мусульман. (Такая версия устраивала и турецких реакционеров и клерикалов, в том числе и правых среди кемалистов-националистов, запугивавших уже турок «армянско-христианской угрозой».)

Что касается интересов самих армян, то вся эта шумиха по поводу образования армянского государства принесла им несомненный вред. И дело здесь не только в манипуляциях западных радетелей армянской независимости или во враждебном отношении к этой идее курдских или турецких националистов. Главное заключалось в том, что изменилась историческая реальность. В результате турецкого геноцида армянский этнический элемент в Западной (Турецкой) Армении резко сократился; армяне из большинства, которое они составляли до этих событий, превратились в меньшинство, причем незначительное. Очаг национального возрождения и развития армянского народа образовался в Восточной Армении (т. е. в Закавказье), судьба которой оказалась навеки связанной с Россией, а после Октября 1917 г. — с Советским Союзом. Намерение дашнакских правителей «независимой» Армении, этих «калифов на час», присоединить Западную Армению, их бредовые планы создать «Великую Армению» от «моря и до моря» (т. е. от Черного моря до Сре-

диземного) на практике могло обернуться новыми бедами не только для армянского, но и для курдского, турецкого и арабского населения.

Впрочем, до практики по известным причинам дело не дошло. Однако близорукая, авантюристическая политика подстрекаемых империалистами Антанты дашнаков принесла оставшимся после гонений многим армянам Западной Армении новые неисчислимые беды. Как будет показано ниже, от такой политики сильно пострадали и национальные интересы курдского народа. Но это — в конечном счете. В контексте же сложной и беспокойной обстановки первых послевоенных месяцев «армянский фактор», ловко используемый антианглийскими кругами в Турции, играл на руку противникам британского господства в Иракском Курдистане. Не случайно по предложению А. Вильсона британская администрация в Ираке официально объявила 12 мая 1919 г., что территории по преимуществу курдские будут свободны «от армянских притязаний»²⁰.

Этой и подобными ей декларациями англичане, однако, так и не сумели завоевать доверие курдской элиты в Ираке. В сущности, у них не было ни одного верного союзника среди вождей Южного Курдистана, а они в этом отношении весьма рассчитывали на сейида Таха, чья вражда с Абдул-Кадыром, его дядей, была общеизвестна²¹. Намечался и некий, впрочем весьма неопределенный, план создания проанглийского союза Таха с его свойственным и старым другом Симко²². Учитывались и напряженные отношения между Таха и Махмудом Барзанджи, что помогло англичанам подавить восстание последнего летом 1919 г.²³ Но все эти расчеты не оправдались.

Гертруда Белл писала, что курдские вожди «видели в курдской автономии непревзойденную возможность продвинуть их собственные интересы», которые сводились к разбоям, грабежам и т. д.²⁴. Делая скидку на типично колонизаторские выпады автора, к этому можно было бы прибавить, что такую возможность они видели и в различных соглашениях с английскими властями. Объективно политическая деятельность Таха, Симко, не говоря уже о Махмуде Барзанджи, начала выходить за рамки феодального сепаратизма. Они требовали создания курдского независимого государства, хотя бы в пределах Южного и Восточного Курдистана. А это означало, что они видели в англичанах временных попутчиков и были для них весьма надежными союзниками в различных комбинациях, направленных против народов Ближнего Востока.

Показательны переговоры, которые вел в Багдаде Таха в начале мая 1919 г. Он предложил создать под британским протекторатом объединенный Курдистан в составе его иракской и иранской частей. Английская сторона решительно отказалась включать в проектируемое курдское «государство» Иранский Курдистан. В ответ Таха заявил, что он и без согласия Англии присоединит населенные курдами районы Ирана²⁵. Впрочем, он

согласился сотрудничать с английскими властями в Южном Курдистане на следующих условиях: 1) всеобщая амнистия; 2) в стране не должно быть одного правителя, ее следует поделить на автономные владения; 3) репатриация христианских народностей (армян, ассирийцев-несториан) не должна привести к установлению их господства над курдами; 4) англичане обязуются оказать материальную помощь. Заинтересованная в поддержке Таха во время восстания в Сулеймании английская администрация частично приняла эти условия. А. Вильсон отправил Таха письмо, в котором обещал амнистию, добрые услуги в примирении с армянами и отстаивание курдских интересов на мирной конференции²⁶.

Последнее обещание англичане давали с большой легкостью. Внешне оно выглядело очень красиво, а на деле ни к чему не обязывало, ибо было слишком расплывчатым и неопределенным (кто и когда определял, каковы эти интересы в конкретном виде?). Кроме того, исполнение этого обещания не подвергалось никакой действенной проверке: его нарушение легко можно было объяснить противодействием союзников.

Ноэль, оперировавший летом 1919 г. в курдских районах Северного Ирака и Юго-Восточной Турции, 23 июня выпустил прокламацию, в которой говорилось, что мирная конференция решит курдский вопрос в соответствии с правом «нации образовывать свое собственное правительство. Британское правительство уверяет, что интересы курдов не пройдут мимо внимания мирной конференции». Права всех национальностей и классов в Курдистане, как декларировалось в прокламации, будут сохранены «в мире и порядке». Виновники жестокостей будут наказаны, но курдам мстить не будут. Прокламацию венчал призыв к ликвидации вражды между всеми национальностями²⁷. Этот документ вызвал удовлетворение курдских вождей, хотя Таха, назначенный правителем округа Равандуз, продолжал с опаской относиться к англичанам, не порывая в то же время с ними отношений.

В этот период (середина 1919 г.) заинтересованность англичан в дружбе с Таха и Симко подогревалась еще не ликвидированной «турецкой опасностью». Турецкие гарнизоны ушли из некоторых пунктов турецко-иракской и турецко-иранской пограничной полосы, государственная принадлежность которых в то «смутное время» была неопределенной или спорной (Дизе, Нери, Башкале и других пунктов Центрального Курдистана), только к июлю. Но турецкая агентура по поручению различных, подчас враждовавших между собой политических сил послевоенной Турции продолжала активно действовать в Центральном, Южном и Восточном Курдистане, вела антибританскую и антиармянскую пропаганду, пыталась привлечь на свою сторону реальную военно-политическую силу региона, могущую противостоять английским оккупантам, — курдских вождей с их вооруженными племенными отрядами. Туркам удалось повлиять на по-

зиции Таха и особенно Симко, который был недоволен Англией за препятствия, которые она чинила ему в Иране²⁸.

После отвода турецких войск из пограничной полосы британские власти в Ираке могли предполагать, что Таха, Симко и другие колебавшиеся вожди Южного и Юго-Восточного Курдистана станут более уступчивыми. Им были обещаны поддержка, финансовые субсидии, административные посты. Условие же при этом ставилось одно — подчинение воле британских властей во всех важных, с их точки зрения, внутренних и внешних делах. Таковыми были, например, отказ от преследования христианских меньшинств (армян, ассирийцев), националистических лидеров которых англичане планировали использовать в своих целях; или табу, наложенное на притязания Симко в отношении приурмийского района и всей южной части Иранского Курдистана²⁹. Особое внимание уделялось налаживанию хороших взаимоотношений между руководителями курдского и армянского национальных движений, что было связано с далеко идущими расчетами создания вассальных курдских и армянских государств на Ближнем Востоке, призванных играть роль буферов между колониальными и полуколониальными владениями Англии и Франции.

Примечательны переговоры с сейидом Таха. Ему было обещано назначение губернатором (хукумдаром) Нери, Равандуза и Шемдинана при условии, что он будет исполнять приказы английского правительства, передаваемые через политического офицера. То был «первый принцип» взаимоотношений между ним и британской властью. Далее, ему не разрешалось распространять свое влияние на район Мосула и к югу от него: **также** возбранялись любые действия, направленные против правительства Ирана. В то же время англичане обещали **благожелательно** отнестись к возможному расширению его власти в северном направлении — на племена Чёлемерика, Орамара, Геваре, т. е. в те края, которые были объектами их военной экспансии. Вместе с тем большой воли сейиду Таха не давали. Ему было отказано в винтовках. Пребывание на посту указанных провинций было поставлено в зависимость от его поведения в течение неопределенного срока, который П. Кокс цинично назвал «испытательным и экспериментальным». Таха была назначена субсидия от 20 до 30 тыс. рупий ежемесячно³⁰.

Таха, видимо, не оправдал тех надежд, которые на него возлагали британские политические офицеры, во всяком случае — не в ожидаемых пределах. Он продолжал поддерживать тесные отношения с Симко, проводившим враждебный курс по отношению к Тегерану и делеавшим планы объединения курдских земель Южного и Восточного Курдистана, что противоречило интересам Англии³¹. Более того, Таха и сам при посредстве Симко активно вмешивался в иранские дела, раздувал брожение среди приурмийских курдов, пропагандировал проект создания объединенного Курдистана. Показательно, что и Симко и Таха

начали выступать против провокационной политики иранских властей, разжигавших вражду между христианскими народами (главным образом ассирийцами) и курдами³². Оба вождя выразили готовность поддержать репатриацию христиан³³. Все эти факты говорят, во-первых, о провале намерения Англии привлечь на свою сторону наиболее влиятельных вождей Южного, Юго-Восточного и Центрального Курдистана и, во-вторых, о несомненных сдвигах этой верхушки от традиционной феодально-сепаратистской политики в сторону понимания истинных национальных задач курдского народа.

Таким образом, не только в округе Сулеймания, но и в других районах Иранского Курдистана англичанам не удалось захватить сколько-нибудь прочные позиции. Ненадежны были даже такие их старые контрагенты и соперники шейха Махмуда Барзанджи, как сейид Таха и Исмаил-ага Симко. Открытое или подспудное недовольство английским господством в Ираке ощущалось во всех районах Южного Курдистана.

У британских колониальных чиновников, как военных, так и штатских, многие из которых на склоне лет взялись за перо, было свое объяснение провала первоначальных попыток англичан прочно утвердиться в Южном Курдистане. То было, конечно, «влияние большевизма». Так, Сон писал, что его беспокоят «успехи большевизма» (через одну киркукскую газету «имя и принципы большевизма, к несчастью, становятся известны») ³⁴. А. Вильсон утверждал, что после подавления восстания шейха Махмуда в Сулеймании «большевистские эмиссары» проповедовали ксенофобию, незаконное под видом борьбы за «права человека» и т. п. ³⁵. По словам Лонгрига, идея курдской независимости, «говорят» (!), пропагандировалась «большевистскими агентами» ³⁶.

У страха глаза велики. Конечно, вести о революционных событиях в России не только появились на страницах недавно возникшей иракской прессы, но и стали проникать и в безграмотные слои иракского общества, в том числе и курдов. Однако влияние «большевизма» на народы Ирака, как и подавляющего большинства других стран колониального мира, которые не граничили непосредственно с Советской Россией, было фактором не «мгновенного», одноразового действия, а длительного, продолжающегося до сих пор. Во всяком случае, в литературе не приводится никаких конкретных фактов, говорящих о сколько-нибудь заметном распространении в Ираке марксистско-ленинских идей в рассматриваемый период. Напротив, имеются свидетельства противоположного свойства. Хэй, например, пишет, что Таха был не прочь поспекулировать на антибольшевистских страхах английских колонизаторов, уверяя англичан, что независимое курдское государство будет «барьером против большевистской угрозы», размеры которой, замечает английский политический офицер, шейх «сильно преувеличивал» ³⁷.

И это было правдой. Не происки большевиков, до которых

было далеко, а всенародный протест против установленного англичанами колониального режима в Ираке был подлинной причиной волнений в Южном Курдистане. Только за округ Сулеймания англичане временно могли быть спокойными. Как самонадеянно писал А. Вильсон, «урок, преподанный в 1919 г., не был забыт» ³⁸. В остальных районах Южного Курдистана продолжалось глухое или открытое брожение.

Оно практически не прекращалось ни на один день в течение всей второй половины 1919 г. и в последующие месяцы. Наиболее серьезное выступление произошло осенью 1919 г. на севере Ирака, в районе Акры. Восстали племена зибари и барзан. Во главе последних встал шейх Ахмед Барзани, пользовавшийся значительным религиозным авторитетом во всем Центральном Курдистане, но не отличавшийся (в отличие от своего впоследствии прославившегося младшего брата Мустафы Барзани) ни интеллектом, ни политическими способностями. Наибольшим успехом повстанцев был временный захват Акры. При этом погибло несколько английских офицеров. Однако поднять всеобщее восстание курдам не удалось, несмотря на помощь, которую они получали из Турции. Из влиятельных вождей только Бабакр-ага, глава пишдер, и сейид Таха оказали поддержку повстанцам. Карательная экспедиция англичан положила конец этому восстанию ³⁹.

Одновременно происходили волнения в округах Амадии, Равандуза, Бахдинана ⁴⁰. Поднялись племена сурчи, соран, продолжали партизанские вылазки и гоян. На подавление движения были брошены значительные силы, в том числе части, освободившиеся после подавления курдского восстания в Сулеймании. Особенно отличился в карательных операциях ассирийский полк под командованием английских офицеров. То было первым и наглядным проявлением печально знаменитой традиционной политики британского колониализма «разделяй и властвуй» ⁴¹.

Однако решительной победы над мятежными курдами англичане в этом районе так и не одержали. Каратели несли большие потери, которые, по утверждению одного арабского автора составляли только убитыми до двух тысяч ⁴². Именно это обстоятельство побудило англичан начать внедрение нового вида боевой техники в борьбе против национального движения как курдов, так и арабов Ирака — военную авиацию. Идея приоритетной роли ВВС («Королевских воздушных сил», как они официально назывались) в умирительной политике в Ираке принадлежала, как уже говорилось, военному министру и министру авиации Великобритании Уинстону Черчиллю, который и в этом деле сумел сказать новое слово. В чисто военном плане применение самолетов против курдских повстанцев мало что давало — мешал горный рельеф местности. Авиация нужна была британским колонизаторам главным образом для террористических бомбежек беззащитных курдских деревень, особенно

тех, жители которых были повинны в тех или иных антианглийских акциях⁴³.

Но и это плохо помогало. По признанию А. Вильсона, в Центральном Курдистане «царила анархия»⁴⁴. Английские позиции в этом районе долгое время были весьма уязвимыми.

Короче говоря, 1919 год показал, что курдское население только что завоеванного англичанами Ирака враждебно встретило приход новых властителей. Хотя некоторые курдские феодалы оказывали оккупантам временные услуги (Бабакр-ага, Адела-ханум, сейид Таха) — яркий образец типично курдского традиционного партикуляризма, ведущего к фатальной раздробленности сил национального сопротивления курдского народа иноземному гнету, — британской колониальной власти в Южном Курдистане фактически не на кого было опереться: ее вчерашние союзники сегодня становились врагами, как только англичане в чем-либо задевали их кровные интересы.

Назревал еще один неблагоприятный для английского господства в Ираке фактор — подъем арабского национально-освободительного движения. У курдов и арабов был один главный враг — британские колонизаторы, и это создавало объективную основу для сближения обоих народов в их антиимпериалистической борьбе. Но только — объективную. При этом существовало слишком много субъективных и внешних, специально созданных колонизаторами препятствий, мешавших слиянию курдского и арабского движений в единый поток. В годы британского господства в Ираке (1918—1958), особенно в период прямого английского управления страной (1918—1932), эти два движения развивались в основном параллельно, бесконфликтно, а иногда и синхронно. В последнем случае устои британского колониального режима в Ираке подвергались особенно сильной угрозе. Так было во время общенационального национально-освободительного восстания в Ираке летом и осенью 1920 г.

Восстание это хорошо изучено в нашей литературе⁴⁵, поэтому достаточно коснуться только тех его сторон, которые имеют отношение к курдскому вопросу. В западной литературе оно традиционно называется «арабским». Как писал А. Вильсон, курды оставались пассивными и без симпатии относились к «национальным требованиям» арабов⁴⁶. Подобные утверждения сильно преувеличены. Об этом отчасти свидетельствует и сам Вильсон, рассказывая в своих мемуарах о «беспорядках» среди курдского населения округов Равандуза и Эрбиля в августе и сентябре 1920 г. В это же время в районе Акры вновь восстало племя сурчи; на подавление были брошены ассирийские *леви*⁴⁷. К арабским повстанцам примкнуло и курдское население южной части Иракского Курдистана. В середине августа поднялись племена Кызыл-Рибата, Ханекина, Кифри. Нападениям подверглись принадлежащие англо-персидской нефтяной компании промыслы в Нефтахане⁴⁸. Движение перекинулось и на самые южные районы расселения курдов (округ Мандали)⁴⁹.

Неспокойно стало даже в округе Сулеймания, вопреки заверениям А. Вильсона о том, что местные курды «учли уроки 1919 г.». Племена орамар, сангао и дило вновь взялись за оружие. По свидетельству Вильсона, англичане ожидали всеобщего восстания курдов⁵⁰. И только перелом в пользу англичан, наступивший в сентябре 1920 г. в борьбе против арабских и курдских повстанцев, предотвратил назревавшее общекурдское восстание. Здесь сыграло свою роль и отступничество ряда вождей (вождя пишдер Бабакр-аги, вождя сурчи Обейдуллы и др.)⁵¹.

Таким образом, иракские курды были активными участниками антиимпериалистического восстания 1920 г. Недаром в свое время крупный знаток ближневосточных проблем В. А. Гурко-Кряжин назвал это восстание «арабо-курдским»⁵². И все же о единстве действий арабских и курдских повстанцев в 1920 г. говорить не приходится, особенно в политическом плане. Было только синхронное совпадение двух потоков национально-освободительного движения, которые ставили перед собой одну цель — изгнание из страны английских колонизаторов. Но и недооценивать это новое явление в освободительной борьбе иракского народа нельзя (по тому времени это было немало), как нельзя его и переоценивать. Оно высветило некоторые серьезные изъяны, имманентно присущие курдскому национальному движению как в южной, так и в других частях Курдистана, в том числе главный из них — его «очаговый» характер, естественный результат извечного курдского феодального партикуляризма. В 1919 г. главный центр курдского национального движения в Ираке — Сулеймания — не получил должной поддержки в других округах Южного Курдистана. В 1920 г. Сулеймания даже отставала. Курдский народ Ирака так и не объединился в борьбе против британского колониализма ни сам по себе, ни со своими братьями — арабами. Это облегчило англичанам задачу консолидации и укрепления своей власти в новоприобретенной арабской колонии.

Английские проекты

Как показал опыт первых месяцев британского правления в Ираке, одними военно-полицейскими мерами эту задачу было не решить ни во внутреннем аспекте, ни во внешнем. Восстание 1920 г. наглядно продемонстрировало руководителям Британской империи настоятельную и срочную необходимость создания политического фасада введенного де-факто колониального режима в Ираке. Это касалось управления как всей страной, так и в не меньшей степени ее курдскими провинциями. Предстояло ввести гибкую и эффективную политическую систему, которая надолго гарантировала бы стабильное обеспечение британских империалистических интересов в Ираке, в частности в Южном Курдистане. Проблема эта была не проста, особенно

в ее «курдской части», ибо помимо «естественных» трудностей, о которых уже многократно говорилось и с которыми сталкивалась всякая иноземная власть во взаимоотношениях с курдскими племенами, прибавилась необходимость считаться с довольно неопределенной в то время ситуацией в Восточном, Западном и Северном Курдистане. Решать эту проблему приходилось на двух уровнях: британской администрации в самом Ираке и высшего политического руководства — в Лондоне и Дели.

Перед британской колониальной властью в Ираке встала двуединая задача: определить географические рамки той части Курдистана, на которую она претендовала, и одновременно — характер предполагаемого там правления. И то, и другое было делом новым и весьма проблематичным, ибо Англии никогда еще не приходилось сталкиваться с курдским вопросом в таком практически-политическом аспекте. Отсутствовала какая-либо традиция государственно-политического или административного устройства Курдистана, кроме привычного членения его на турецкую и персидскую части. Приступая к решению курдской проблемы, Англия и другие западные державы руководствовались исключительно своими интересами и, стало быть, действовали в духе, изначально и глубоко враждебном национальным интересам курдского народа.

Арнольд Вильсон первый предложил план решения курдского вопроса в Ираке. Центральное место в нем занимает будущее северных районов Ирака, населенных курдами. «Мосульский вилайет и Дейр-эз-Зор, — писал он министру по делам Индии 20 февраля 1919 г., — должны быть включены в Ирак, так же как и те части Курдистана, которые ныне входят в Мосульский вилайет и которые не включаются в будущее Армянское государство, т. е. весь бассейн Большого Заба», и здесь следует найти место для поселения ассирийцев, «если они того пожелают». «Грубо говоря, северная граница Мосула должна проходить между рекой Большой Заб и озером Ван, т. е. А. Вильсон предлагал передать под непосредственное управление Англии всю Восточную Сирию (частично населенную курдами) и значительную часть Юго-Восточной Анатолии, в этническом отношении сплошь курдскую.

Что касается политической стороны вопроса, то А. Вильсон полагал: «Основание какой-либо формы автономии курдов Курдистана лучше предоставить нашей инициативе, а не Мирной конференции, если этого можно избежать. Если, однако, Курдистану будет предоставлен отдельный статус, здесь должно быть пять провинций». Всем же Ираком, по его мнению, должен управлять британский верховный комиссар, а не «арабский эмир»⁵³.

В Париже А. Вильсон предоставил этот проект решения иракского и курдского вопросов британской делегации. Он конкретизировал вопрос о северных границах Мосульского вилайета как части арабского государства в Ираке: в него должны

были войти округа Джазир-ибн-Омара (современный Джизре), Нусайбина, Урфы и Диарбекира, т. е. вся южная часть Восточной Анатолии или Юго-Западный Курдистан. Сам Вильсон считал, что в Париже его миссия, выражавшая взгляды «англо-индийцев»⁵⁴ на послевоенное урегулирование в Ираке, увенчалась успехом. На конференции, писал он, «вопрос о Курдистане был на время отложен в предположении, что мы создадим в Южном Курдистане часть автономного курдского государства под какой-либо формой британского руководства и опеки»⁵⁵. В действительности все обстояло сложнее, но об этом в своем месте.

Таким образом, проект Вильсона имел ярко выраженный экспансионистский, колониалистский и антикурдский характер. «Англо-индийцы», рупором которых выступал А. Вильсон, явно покушались на значительную часть французской доли оттоманского наследства, предлагая расширение пределов Мосульского вилайета, обещанного Франции по соглашению Сайкс-Пико, но завоеванного Англией, за счет стратегически и экономически ценных земель, на которые не ступала нога английского солдата. Далее, вопреки обещаниям, данным арабам во время войны, главным образом Англией, во всем Ираке должно было быть введено не национальное, а британское колониальное правление. Наконец, курды должны были расстаться с мечтой о независимости. «В лучшем случае» им сулили псевдоавтономию под неусыпным британским контролем, эффективность которого обеспечивалась заранее планируемой административной раздробленностью по феодально-партикуляристскому признаку. Репатриация ассирийцев также замышлялась как колониалистская акция, призванная облегчить англичанам контроль над курдским населением⁵⁶.

Краеугольным камнем проводимой англичанами политики «разделяй и властвуй» в курдском вопросе было отрицание национального единства курдов в пределах в первую очередь Южного, но также и других частей Курдистана. Майор Э. Ноэль в бытность свою в Сулеймании (начало 1919 г.) разработал целую теорию изначальной раздробленности курдов, их органической неспособности к согласованному политическому действию в общенациональных интересах. Послевоенный подъем освободительного движения в Курдистане он объяснял распространением «клановых», а не национальных настроений. Он приписывал курдам традиционную неприязнь к армянам, арабам, «мосульцам» (членам многочисленных христианских сект Мосульского вилайета), но в то же время (в соответствии с задачами британской политики того времени в Ираке) отрицал наличие антагонизма между курдами и ассирийцами (и несторианами, и сиро-халдеями по вероисповеданию). По мнению Ноэля, курды предпочли бы правление английского политического офицера «чисто курдской ориентации», находящегося вне «атмосферы арабского влияния и идей».

Проект Ноэля предлагает схему административного деления той зоны Курдистана, которая должна входить в сферу Британской империи. Основная часть Южного Курдистана выделялась в самостоятельный вилайет с центром в Сулеймании, включая округа Нехри, Равандуз, Акра, Эрбиль, Киркук, Кифри, Ханекин. Мосул становился административным центром вилайета, где проживает в основном смешанное курдо-христианское население. Западный Курдистан образовывал отдельный вилайет с центром в Диарбекире, который должен быть отделен от Южного Курдистана «Мосульским клином». Ноэль доказывал, что только при таком административном устройстве можно будет завоевать симпатии населения и контролировать влияние таких «экзальтированных» личностей, как в первую очередь шейх Махмуд, а также шейх Барзани и сейид Таха. Примечательно и указание Ноэля о том, что северные границы Диарбекирского вилайета должны быть этнографическими, т. е. включать в контролируемый Англией Западный Курдистан все курдские земли Восточной Анатолии⁵⁷.

Проекты Вильсона и Ноэля в своих основных принципиальных положениях тождественны. Их роднит стремление подчинить британскому контролю весь Южный и Западный Курдистан и полное отрицание как курдской, так и арабской независимости. Сходны и методы, предлагаемые для достижения этих целей: сохранить и усугубить политическую раздробленность Курдистана, в каждом из административных округов которого предполагалось создать опору из послушных воле британских политических офицеров племенных вождей, и подготовить почву для этнических и религиозных конфликтов, призванных в случае необходимости облегчить английским властям бремя правления в этом беспокойном районе Ближнего Востока.

В таком духе «англо-индийцы» и поступали как в Багдаде, так и непосредственно в курдских районах Ирака и Юго-Восточной Турции. Обстоятельства побуждали их порой менять тактику, снимать отдельные пункты своей программы или выдвигать новые, но суть политики в курдском вопросе оставалась прежней. Корректировка обычно шла из Лондона и вызывалась причинами, относившимися уже к сфере высшей политики, с которой «англо-индийцы» подчас не желали считаться. Зато они сразу стали добиваться проведения мероприятий, призванных реально облегчить колонизацию Южного Курдистана. И в числе первых таких мероприятий, как это уже бывало, предусматривалось создание железнодорожной сети.

Еще в ноябре 1918 г. британский верховный комиссар поставил вопрос о строительстве железных дорог, которые способствовали бы развитию районов Кифри, Киркука, Алтынкёпру, Эрбиля, Рании и Сулеймании с их богатыми сельскохозяйственными угодьями, где выращивались пшеница и табак. Но главная цель проекта заключалась в другом: эта железная дорога была крайне необходима для осуществления английского конт-

роля над Курдистаном. Поэтому Военное министерство Англии без всяких проволочек одобрило проект. Обосновывая необходимость строительства этой железной дороги, верховный комиссар приводил примечательную аналогию с ситуацией на северо-западной границе Индии, хотя, по его словам, «курды уступают патанам по их воинским качествам»⁵⁸.

Эта аналогия не была случайной. Несколько месяцев спустя министр по делам Индии передал свое письмо вице-королю, излагая мнение о некоторых проблемах Иракского Курдистана (о восстании в Сулеймании, о железнодорожном строительстве, против которого он не возражал, о невозможности прямого управления Курдистаном и о желательности создания автономного курдского государства с британским политическим советником), заключил так: «Самое последнее», что мы хотим создать на северо-востоке Ирака, — «северо-западная пограничная проблема»⁵⁹.

Знаменательное сравнение ситуаций в курдском и афганопуштунском (патанском) регионах говорит прежде всего о том, что английские правящие круги намеревались оставить курдский народ разделенным. Не вызывало сомнений и враждебное отношение Лондона к какой бы то ни было форме подлинной курдской независимости, в не меньшей степени, чем к независимому Афганистану, против которого как раз в том же, 1919 г. англичане вели войну. Видимо, британские колониальные власти сочли рискованным повторять в Курдистане опыт управления пуштунскими племенами Северо-Западной Индии, когда на границе с Афганистаном была образована специальная зона племен, управлявшихся из центра, но сохранивших традиционную независимость в своих внутренних делах⁶⁰. Создание подобного в Ираке было чревато появлением очага неприемлемого для англичан независимого, т. е. находящегося вне британского контроля, Курдистана.

Таким образом, сама постановка вопроса о прокладке железнодорожных линий в Иракском Курдистане, преследовавших как колонизаторские, так и стратегические цели, высветила подлинные намерения британского империализма в Южном Курдистане. Но до начала работ было еще далеко. Британским властям предстояли первоочередные дела по укреплению своих позиций в курдских районах Ирака и разработке мероприятий на ближайшее будущее.

Одним из таких дел было решение болезненного вопроса о дальнейшей судьбе ассирийских беженцев, переведенных англичанами из района Урмии в лагерь на р. Дияла, близ г. Баакуба. Помимо создания военизированных охранных отрядов *леви* из ассирийцев, о чем уже говорилось, необходимо было куда-то определить и гражданское население. Проект расселения ассирийцев на севере Мосульского вилайета, т. е. в Центральном Курдистане, преследовавший колонизаторские и антикурдские цели и целиком укладывавшийся в русло политики «раз-

деляй и властвуй», тем не менее вызвал дискуссию как явно провокационный. «Преподобный» У. Виграм, английский миссионер и эксперт по ассирийскому вопросу, предостерегал А. Вильсона о возможности беспорядков в случае водворения ассирийцев на севере Ирана. В качестве альтернативы он предлагал выселить их в Канаду (!). Но в конечном счете, по его мнению, было предпочтительнее опереться на ассирийцев *джило*⁶¹, поселив их на линии перемирия для «кострастки» курдов и поручив им выполнять жандармские функции под британским руководством⁶². Начальник лагеря ассирийцев в Баакубе генерал Остин также советовал опереться на ассирийцев *джило* и решительно опровергать распускавшиеся «злонамеренными» людьми слухи о желании Вильсона поставить ассирийцев под курдское господство⁶³.

Между тем колониальная администрация в Ираке и в Индии и высшее политическое руководство в Лондоне продолжали обсуждать проекты будущего государственно-политического устройства Ирака и Курдистана. К лету 1919 г. в их позиции произошел заметный сдвиг. Под воздействием быстро менявшейся международной обстановки и в особенности возраставшего отпора, который встречал гегемонистский курс Англии в ближневосточных делах на Парижской мирной конференции (см. ниже), Лондон снял свое требование о включении в проектируемое вассальное Иракское государство округов Диарбекира и Урфы, т. е. Юго-Западного Курдистана⁶⁴. Очевидно, здесь сыграло свою роль и нежелание англичан обострять отношения с курдами этого района, вовсе не горевшими желанием сменить турецкое иго Стамбула на арабское иго Багдада; им внушали, что их интересы будут соблюдены на мирной конференции⁶⁵.

13 июня 1919 г. из недр политической службы в Багдаде вышел предназначенный для министра по делам Индии документ, видимо составленный А. Вильсоном, который содержал обновленный план решения иракского и курдского вопросов. С прежними проектами его роднило изъятие Иранского Курдистана из сферы обсуждения курдского вопроса. Этим проектом восточные пределы территории, являющейся преимущественно курдской, определялись по турецко-персидской границе. Далее перечислялись населенные курдами районы, которые безусловно должны быть включены в контролируемую Англией Месопотамию: Сулеймания, Рания, Кой-Санджак, Эрбиль, Акра, Дохук, т. е. почти весь Южный Курдистан. Все эти районы фактически исключались из понятия «Курдистан». Южная граница преимущественно курдской территории должна была проходить немного севернее Джазир (современная Джизре), севернее Нусайбины, южнее Мардина, севернее Рас-эль-Айна, далее вдоль 37-й параллели до Биреджика и на запад до южных границ вилайетов Харпут, Битлис, Ван.

В документе утверждалось, что курды могут быть объединены на территории только к северу от указанной линии, с центром

в Битлисе или Ване и обязательно под строгим иностранным административным контролем, желательно английским. В нем говорилось также, что не следует допускать обратного водворения армян на эту территорию, и утверждалось: в настоящее время курды расколоты на две основные партии — пробританскую и протурецкую; последняя является антихристианской и антифоринистской, и в случае ее успеха надежды на основание курдского и армянского государств рухнут.

В итоге в документе предлагалась следующая схема государственно-политического урегулирования в Месопотамии и Восточной Анатолии: вилайеты Трапезунд (современный Трабзон) и Эрзерум (Эрзурум) составят армянское государство под американским покровительством, вилайеты Диарбекир, Харпут, Ван и Битлис — курдское государство под английской эгидой, вилайеты Мосул, Багдад и Басра — арабское государство, также под британским контролем. В качестве единственной альтернативы этой схеме признавалось восстание турецкого господства над шестью восточноанатолийскими вилайетами под европейским контролем (иными словами — нечто похожее на возвращение к довоенным проектам «реформ в Армении»). В заключение автор документа высказал опасения насчет будущего Англии в Курдистане и закончил на вовсе пессимистической ноте: вместо курдской независимости «предпочитаю видеть Америку или даже Турцию в Курдистане»⁶⁶.

В сущности, и этот проект сохранял притязания на установление британского господства над всем Курдистаном, но в видоизмененной форме: в Восточном Курдистане оно должно было осуществляться руками покорного Лондону тегеранского правительства, в Южном Курдистане — через багдадских маорионеток британской колониальной администрации, в Западном и Северном Курдистане — самой курдской верхушкой, но жестко контролируемой теми же англичанами. Таким образом, курдская независимость или независимый Курдистан, как они представлялись английским колониальным деятелям, имели весьма куцый (и в географическом, и в политическом смысле) вид. Собственно, именно в таком виде «независимый» Курдистан и был задуман.

В аналогичном духе были выдержаны и предложения майора Ноэля, в ту пору командированного в Юго-Восточную Анатолию для агентурно-политической деятельности среди тамошних курдских племен. Он, как обычно, обосновывал необходимость установления безраздельного британского господства над Курдистаном «армянскими» и «турецкими» интригами. Первые подогревались из Европы, вторые инспирировались турецкой «панисламистской партией», ратовавшей за присоединение к Турции курдских территорий Ирака и Ирана и опиравшейся на значительное турецкое население в вилайетах Ван, Битлис и Диарбекир. «Британские советники не должны оставаться нейтральными», — убеждал Ноэль. Курдское государство должно ос-

таваться только в британской сфере. Сам Курдистан надо разделить на «племенные» и «неплеменные» районы. В первых следует поставить администрацию из местных вождей, во вторых — из назначаемых чиновников (видимо, английских). «Младокурдов», т. е. курдских националистов, необходимо посылать в Англию для «обучения»⁶⁷.

Более или менее похожие рекомендации поступали и от других британских «политических офицеров». Большинство из них были сторонниками «косвенного» управления через послушных курдских вождей. Это будет «дешевле», как считал политический офицер в Равандузе Бил. Вместе с политическим офицером в Мосуле полковником Т. Личмэном он предлагал создать на севере Ирака отдельное курдское государство во главе с сейидом Таха — хукумдаром под британским протекторатом, естественно с предоставлением ему субсидий и оружия⁶⁸. Эдмонс видел выход в создании (не дожидаясь заключения мира с Турцией) комбинации прямого и косвенного административного контроля в отношении различных районов Южного Курдистана, причем советовал делать ставку на сейида Таха и Бабаkra Али⁶⁹.

Приведенные точки зрения на состояние курдского вопроса в Южном Курдистане и сопредельных районах Юго-Западного Курдистана не были стабильными. Они менялись по мере быстрого изменений на ближневосточной и мировой аренах, оставаясь при этом сугубо империалистическими, антикурдскими. В июле 1919 г. Ноэль писал о некоторых новых обстоятельствах в политической жизни послевоенной Турции, имеющих прямое отношение к курдской проблеме как в этой стране, так и в соседних странах, особенно в Ираке. 15 мая 1919 г. с согласия руководства Антанты в Смирне (Измире) высадились греческие войска. То был первый шаг к открытому расчленению национальной территории самой Турции. На следующий день, 16 мая, завоевавший популярность во время мировой войны, генерал Мустафа Кемаль-паша покинул Стамбул, чтобы возглавить патриотическое, национально-освободительное движение турецкого народа в Анатолии. В истории Турции наступила новая эпоха.

Все эти события непосредственно отозвались на ситуации в Курдистане, хотя бы потому, что очаг национального сопротивления турецкого народа против империалистической агрессии возник по соседству. Более того, здесь же появился призрак «независимого» армянского государства, фактически марионетки Антанты, во главе с лидерами ультранационалистической, настроенной резко антисоветски и антикурдски (в то время) партии Дашнакцутюн. Все это создавало почву для роста политической напряженности в курдских районах Турции. По мнению Ноэля, из-за упрямо проводимой Стамбулом политики оттоманизации разрыв между курдами и стамбульским правительством был непреодолим, и единственно, что могло его пред-

отвратить, это повторение в Восточной Анатолии «политики Смирны», т. е. создание армянского государства с включением в него курдских районов. Ноэль обращал внимание и на то, что, несмотря на распространение среди турецких курдов англофильских настроений, политика Англии в Южном Курдистане (в частности, включение в Ирак таких земель, как Акра или Сулеймания) внушает курдам большие подозрения⁷⁰.

Эти и подобные факты говорят о крайней шаткости политического баланса в Курдистане. Проект создания армянского государства мог при определенных обстоятельствах улучшить отношения между курдами, с одной стороны, и такими антиподами, как стамбульское правительство, пытавшееся спасти империю от расчленения, и кемалисты, видевшие в армянах такую же агентуру Антанты, как и греки, с другой стороны. В англичанах курдские племенные вожди видели и реальных агрессоров-колонизаторов, и одновременно потенциальных союзников в борьбе против турецких, персидских или новоявленных арабских угнетателей. Не случайно британское военное командование в Багдаде, ознакомившись с отчетами Ноэля о его командировке в Юго-Западный Курдистан, сделало из всей этой неразберихи один логичный для себя вывод: следует укрепить реальное британское военное присутствие в районе. Было предложено направить туда англо-индийские войска, экипированные для ведения горной войны и базировавшиеся в месопотамских вилайетах. В вилайетах Юго-Западного Курдистана следует держать минимум сил: кавалерийскую бригаду и конную артиллерию в Диарбекире. Было предложено при британских воинских начальниках создать курдские советы с курдскими же губернаторами. Но и военные вынуждены были согласиться с тем, что без благорасположения курдских племен, которого можно добиться только политическими средствами, позиции Англии в Юго-Западном Курдистане будут непрочными⁷¹.

Таким образом, на разных уровнях британского политического и военного руководства ситуация в Южном (Иракском) и Юго-Западном (Турецком) Курдистане рассматривалась комплексно, как единое целое, как общий для этого региона курдский вопрос, что еще раз свидетельствовало о намерении Великобритании единолично утвердиться на этих курдских землях. Но в то же время объективно существовала очередность осуществления этих захватнических планов. За Турецкий Курдистан предстояло еще бороться и на дипломатической арене, возможно, с применением военной силы. Иракский же Курдистан был уже фактически завоеван, и здесь дело стояло за оптимальными политическими решениями. Поэтому урегулированию курдского вопроса в Ираке придавалось приоритетное значение. Однако среди английских колониальных деятелей единства мнения по этому вопросу по-прежнему не было.

В конце августа 1919 г. министр по делам Индии предложил для распространения британского влияния в Южном Курдистане

создать «полосу» (a fringe) автономных курдских государств во главе с курдскими вождями, несмотря на враждебность некоторых из них⁷². Другой проект выдвинул неугомонный Ноэль в ноябре того же года. По его мнению, курдскую проблему в Месопотамии можно решить на основе трех условий: 1) полного выдворения турок из Курдистана; 2) обеспечения территориального единства Курдистана; 3) если граница Курдистана будет проведена приблизительно по этнической линии между территориями расселения курдов и арабов. Ноэль утверждал, что курды, «предоставленные сами себе», будут настроены более проанглийски и антитурецки. Впрочем, он допускал возможность создания федерации автономных курдских государств, которые будут ссориться между собой, но не «досаждают» Месопотамии⁷³. На основании подобных высказываний английский автор курдофил С. Гэвен делает неправомерный вывод, что британское правительство (рупором которого он почему-то считал, в общем, малозначительного Ноэля) выступало за курдское самоуправление, «хотя и довольно своеобразное»⁷⁴.

Оно было действительно своеобразным, ибо не касалось, например, Иракского Курдистана. Уже в конце ноября 1919 г. определилось намерение британского правительства включить Южный Курдистан в Месопотамию, что, по сообщению агентства Рейтер от 22 ноября, было единственным способом «сохранить мир в районе Ханекина — Сулеймании, который необходим в связи с нашей ответственностью в Персии»⁷⁵.

Министр по делам Индии Монтегю изложил следующие принципы политики правительства по отношению к Южному Курдистану: 1) с военной и политической точки зрения границы Месопотамии должны быть возможно короче; 2) надо избегать военной активности за внешними пределами этих границ; 3) «ни при каких обстоятельствах» Англия не примет мандат на Курдистан; 4) если какая-либо держава примет мандат на Армению, ее границы не должны примыкать к Месопотамии; 5) не разрешать восстановления турецкого господства над Курдистаном⁷⁶.

Таким образом, в рассматриваемое время (конец ноября 1919 г.) английское правительство еще не имело четкого представления о том, какую форму следует избрать для установления своего влияния и контроля в Южном Курдистане. Вырисовывался только некий контур общего замысла создания из южнокурдских районов политического образования, которое взяло бы на себя роль буфера, обеспечивающего защиту новоприобретенной колонии — Ирака, полностью или на худой конец частично избавившего от этого дела британскую армию и финансы. Притом надо было избежать опасности возникновения подлинно независимого и единого курдского государства на земле Месопотамии.

Последний мотив явственно прозвучал в ответном послании А. Вильсона. Он заявил, что с тремя условиями Ноэля «глубоко

не согласен». Турецкая власть в Курдистане⁷⁷, по мнению британского гражданского комиссара, существует и будет даже усиливаться из-за интервенционистской политики союзников в Смирне и Киликии, но она не затрагивает проблему безопасности месопотамских границ. Курдистан никогда не был объединен, а Сулеймания и Эрбиль не имеют ничего общего с другими его частями. Они могут войти в Курдистан, только если он будет объединен под властью одного мандатария, что в нынешней обстановке нереально. К тому же население Эрбиля — в основном турецкое по языку и расе, население же Сулеймании вообще довольно нынешней британской администрацией и настроено против шейха Махмуда, имеющего из 200 тыс. населения только 500 «апатичных» сторонников, содержащихся за его счет.

Вильсон не разделял мнение Ноэля, что курды, предоставленные самим себе, будут настроены пробритански. Этнические границы для Курдистана также — не лучшее из решений. Должны перевешивать экономические и географические (т. е. стратегические) соображения. Например, населенные курдами Акра и Джазира не должны входить в Курдистан. Лучшая политика для обеспечения безопасности северных границ Месопотамии — создание пояса автономных курдских государств. Необходимо оказывать покровительство ассирийцам и поселить их в районе Амадии. Желательно «восстановление старого правления» Бадрханов на севере Ирака, но только под покровительством и при активной помощи Англии. В настоящее время совершенно невозможно представить себе политическое единство Курдистана. Оно может быть достигнуто только при строгом иностранном контроле⁷⁸.

А. Вильсон, таким образом, излагает цельную программу решения курдского вопроса, которая в принципе отвечала намерениям Лондона. Для согласования деталей 6 декабря 1919 г. в «Индия офис» состоялось совещание по курдскому вопросу.

На этом совещании министр по делам Индии Э. С. Монтегю подробно изложил общий план и конкретные мероприятия, связанные с урегулированием курдской проблемы в регионе. «Южный Курдистан должен оставаться в сфере нашего влияния» — таков лейтмотив этого плана. В соответствии с ним министр обосновывал необходимость вмешательства во внутрикурдские дела, мотивируя его необходимостью обороны Мосула с севера и Персидского залива с востока. Естественно, Мосул должен остаться в «Месопотамском государстве», но в таком случае из-за стратегических соображений следует удержать Захо, Джазиру и Дохук. Для защиты со стороны Персии нужен контроль над Сулейманией. Преимущественно курдские районы должны оставаться вне Месопотамии.

По мнению Монтегю, граница между Южным Курдистаном и Месопотамией должна проходить к северу от Ханекина, дальше — к Кифри, Киркуку, Алтынкёпру, Эрбилю, Дохуку, Захо, Фейш-Хабуру. Все эти города должны быть включены в состав

Месопотамии, за исключением Эрбиля, судьба которого оставляется на усмотрение местных вождей. Восточная граница Южного Курдистана идентична существующей общепризнанной границе между иракскими вилайетами и Ираном. Для обеспечения безопасности Захо необходим контроль над Джазира-ибн-Омаром, где в качестве правителей следует поставить Бадрханидов, власть которых надо подкрепить британским гарнизоном и помощью оружием и деньгами.

В финансовом и политическом отношении Южный Курдистан отделялся от Месопотамии. В нем вводился автономный режим с курдским исполнительным советом, которому «помогают» британские советники, назначаемые в Багдаде. Впрочем, Сулеймания с районом, лежащим между Большим и Малым Забом, должны объединиться в отдельное государство. Между южнокурдским и этим государством устанавливаются тесные экономические связи (финансовые, таможенные и т. п.). По стратегическим соображениям необходимо проведение железной дороги между Киркуком и Кифри. Ассирийских беженцев лучше оставить в Урмии. Главная задача британской политики — не допустить восстановления турецкого господства в Южном Курдистане. Но курды сами не могут противостоять туркам, а полное выдворение турок из этого района практически трудноосуществимо.

Таким образом, заключал министр, если Керзон примет этот проект, границы Месопотамии будут защищены от турок на северо-западе дружественным государством Бохтан (в Джазире), на севере — укрепленным районом Мосула, на северо-востоке — «свободным курдским государством», отделенным от Центрального Курдистана непроходимыми горами. Наличие дружественного христианского населения в Урмии — дополнительная гарантия безопасности восточных границ Месопотамии⁷⁹.

Вскоре в «Индия офис» было проведено еще одно совещание по курдскому вопросу в Ираке, на котором обсуждались предложения Вильсона о границах между Курдистаном и Месопотамией, содержащиеся в телеграммах от 26 и 27 ноября 1919 г. На нем помощник министра иностранных дел А. Хирцель пытался выяснить, какие части Курдистана «абсолютно необходимо» оставить под влиянием Англии для безопасности Месопотамии, заявив при этом, что в отношении курдов «наши мотивы не могут быть альтруистичными». Обсуждалась «турецкая угроза» (по словам капитана Била, 500 турок без сопротивления пройдут от Вана до Сулеймании), а также притязания Ирана на Равандуз и Сулейманию. Бил предложил создать в Урмии некое «правительство», которое сможет легко контролировать Южный Курдистан. В итоге совещание подтвердило мнение о необходимости создания в Сулеймании под британским руководством государства, которое контролировало бы территорию между Большим и Малым Забом, но без Равандуза. Другое курдское государство должно быть создано в Джазире⁸⁰.

Высказанные мнения примечательны во многих отношениях. Они говорят не только об уже известном намерении британских колониальных властей подчинить себе весь Курдистан (в виде различных форм прямого или косвенного контроля), но и об их стремлении констатировать и увековечить политическую раздробленность курдского общества. Из проектируемых «независимых» курдских государств были исключены все сколько-нибудь значительные в стратегическом или экономическом отношении центры. Курдам оставляли фактически только горные массивы, где было позволено править доказавшим свою лояльность британской короне вождям. Ясно, что такие условия исключали возможность социально-экономического, политического и культурного прогресса курдского общества. Иными словами, предложенный курс был чреват для курдского народа крайне реакционными последствиями. В сущности, англичане хотели перенести в Курдистан политику, уже испытанную ими на северо-восточной, северной и северо-западной периферии Индии, где существовала система полностью зависимых от Англии феодальных и племенных владений, функционировавшая в русле британского колониализма.

Приведенные мнения британских колониальных деятелей не вылились в реальные политические действия. Пока это были только суждения местной иракской администрации и англо-индийских кругов относительно курдской проблемы в масштабе в основном одного Ирака, не санкционированные верховной властью — британским кабинетом, не одобренные его руководителями — премьер-министром Ллойд Джорджем и министром иностранных дел Керзоном. Это и понятно, ибо курдский вопрос как часть турецкого, иранского и сирийского вопросов или одного общего вопроса о судьбе Османской империи еще подлежал решению на международном уровне, а оно было еще впереди.

Наступление 1920 г. не внесло ничего нового в ситуацию вокруг Иракского Курдистана. Она была по-прежнему тревожна и неопределенна. Английские колониальные чиновники корень зла видели в задержке мирного договора с Турцией, что привело к активизации протурецких, антибританских и панисламистских элементов во всем Курдистане. Это создавало почву для распространения всевозможных слухов и предположений о мести курдам за насилия над армянами, о возвращении армянам их имущества, в том числе и недвижимого. «Курдские вельможи в Константинополе», мечтавшие об автономии или независимости Курдистана, начали предпочитать слабую турецкую власть английской. Агрессивные действия греков и итальянцев только подливали масла в огонь⁸¹.

Майор Э. Сон также считал задержку с турецким мирным договором большой ошибкой. По его мнению, главная угроза позициям Англии в Ираке — во «внешней ситуации», т. е. «в успехах большевизма», способствующих распространению антибри-

танской пропаганды. Раздуваемые большевиками антибританские чувства в Месопотамии, Курдистане и Персии могут быть потушены только при условии, что будут предотвращены волнения среди местного населения. Сон уверял, что этого можно достигнуть только с помощью таких преданных Англии вождей, как его друг Хамди-паша Бабан, представитель древнего курдского рода, проживавший в Багдаде. Хамди-паша, претендуя на пост хукумдара Курдистана, обещал англичанам всяческое содействие в сохранении режима оккупации и в предотвращении «индианизации» страны⁸². Хамди просил предоставить ему официальный статус при правительстве Ирака и установить юридические отношения между Ираком и Курдистаном⁸³.

Итак, Сон, прикрываясь дымовой завесой совершенно бездоказательных рассуждений о не существовавшей тогда в природе большевистской пропаганде в Ираке, отражавших реальный страх британских колонизаторов перед нараставшим национально-освободительным движением арабов и курдов, выдвинул оригинальный план создания в стране курдской автономии во главе с английской марионеткой. Но то был явно преждевременный проект, да и Хамди-паша не представлял собой ту фигуру, на которую можно было положиться.

Эфемерность приведенных суждений о путях решения курдской проблемы в Ираке заключается прежде всего в том, что Лондон в то время не был готов к принятию этих проектов, да и вообще к оформлению определенного курса в Курдистане. Министр по делам Индии Монтегю писал вице-королю Челмсфорду 23 марта 1920 г., что правительство не склонно принять предложение министерства (от 25 декабря 1919 г.)⁸⁴ о сведении к минимуму политических и военных мер в Курдистане. Политика правительства — «полный уход из Курдистана и никакой ответственности за администрацию даже в Сулеймании». Проведение «широких мер автономии» в Южном Курдистане может причинить много затруднений. Если курды захотят освободиться от турецкого господства, правительство готово вставить это условие в мирный договор и оказать им моральную поддержку, но не имеет информации на этот счет, главным образом в отношении того, с какими курдскими представителями следует иметь дело. В заключении Монтегю указывал на необходимость обеспечения экономического и политического преобладания Англии в Южном Курдистане независимо от того, какое там будет правление⁸⁵.

В изложенной шефом «Индия офис» позиции британского кабинета много путаного и противоречивого. «Полный уход из Курдистана» никак не вяжется с курсом на преобладание в его южной части. Обещание помочь курдам избавиться от турецкого ига дано в такой неопределенной и условной форме, которая фактически сводит его на нет. Совершенно очевидно, что, во-первых, Англия в действительности не собиралась уходить из Курдистана («уходя, оставалась»), особенно из Южного, и, во-

вторых, не была заинтересована, главным образом из внешнеполитических соображений, четко определять свою позицию по курдскому вопросу, предпочитая оставить его предметом дипломатического торга и колониальных интриг.

Эти соображения были недоступны пониманию руководителей британской администрации в Ираке. Они протестовали против точки зрения, высказанной в послании Монтегю от 23 марта 1920 г. Политика, которая в нем провозглашалась, называлась «фатальной для удержания Месопотамии». Порядок на границе с Ираном, утверждали они, должен поддерживаться курдскими племенами под командованием английских и курдских офицеров. Поэтому эвакуация Сулеймании и уход британской администрации оттуда вызовут на ирано-иракской границе затруднения.

Из Багдада писали о несостоятельности опасений правительства в том, что предоставление автономии Южному Курдистану вызовет затруднения в других частях Ирака, поскольку племенные территории требуют особого статуса. В Ираке следует оставить старую турецкую административную систему (вилайеты Мосул, Багдад и Басра), иначе неизбежна анархия и т. п. Между Курдистаном и Месопотамией не должно быть никакой точно определенной границы. Не надо мешать «постепенному процессу кристаллизации» различных этнических и племенных элементов (племена — номады, племена — оседлые и т. п.), иначе неизбежны волнения и пр. Среди курдов нет деятелей, которые могли бы говорить от имени всего Курдистана. Они могут представлять только свое племя или «долину». «В целом курды обладают расовым, но не национальным чувством... Географические и политические условия в Курдистане всегда предотвращали наличие большого политического согласия». Общественное мнение в Южном Курдистане — за сохранение существующего режима «с местным курдским фасадом». Ничто не поможет британским интересам в Курдистане, если мир с Турцией погрузит этот район в состояние анархии⁸⁶, завершает эту отповедь политический резидент Великобритании в Персидском заливе.

Ясно, что возражения касались не существа политики Англии, в данном случае в Южном Курдистане, а ее форм, методов. В то же время полемика между Лондоном и Багдадом обнажает многие скрытые мотивы и пружины действий британских колонизаторов в курдском и вообще в иракском вопросе. Примечательно, что и «лондонцы», и «багдадцы» отделяли Южный Курдистан от собственно Ирака арабского, считая необходимым установление в первом особого подконтрольного Англии режима.

Отстаивая свою точку зрения, «багдадцы» выдвинули и такой неотразимый аргумент: эвакуация британских войск из Сулеймании и Эрбиля приведет «...к активности пробольшевистских и протурецких партий, которые найдут подходящую почву

для своих действий в Курдистане». Самое действенное средство против большевизма — хорошее управление «с дешевым продовольствием для народа и безопасностью и благосостоянием для всех классов»⁸⁷. Во всяком случае, вывод британских войск следует отложить до заключения мира с Турцией, иначе неизбежно усиление интриг турок среди курдов⁸⁸.

Пугая Лондон большевизмом, колониальная администрация в Багдаде пустила в ход и другие средства убеждения. То были инспирированные обращения курдских вождей с просьбами об английском протекторате. Одно из них, подписанное 62 вождями, было получено 1 июля 1920 г. Мы, представители «курдских племенных общин», говорилось в нем, требуем в соответствии с обещаниями, которые дало британское правительство во время войны, независимости под покровительством Англии и при сохранении связей с Ираком, дабы мы не были лишены тех преимуществ, которые такая связь дает. Англия должна оказать иракским курдам всяческую помощь. Губернатор Багдада должен с одобрения Англии назначить специального представителя для курдов. Мы готовы во всем содействовать Англии, если и она будет нам помогать. Следует назначить представителей «народа Курдистана» на мирную конференцию. Первые подписи — Кака Ахмед, Бабакар-ага⁸⁹.

Наличие подобных обращений говорит о том, что английским властям в Ираке удалось к тому времени сколотить себе группу сторонников среди курдской верхушки. В ход были пущены и политические обещания, и материальные стимулы. В частности, арабским и курдским феодалам были предоставлены возможности извлекать немалые доходы с государственных имуществ⁹⁰. Вместе с тем просматривается стремление британских властей в обстановке начавшегося летом 1920 г. арабского восстания в Ираке противопоставить курдов арабам, суля первым национальное самоопределение, пусть в весьма призрачной форме.

Именно в это время курдская верхушка в Ираке⁹¹ развернула антиарабскую пропагандистскую кампанию в связи с началом организации первого «национального» правительства страны. Она убеждала курдское население, что арабское правительство организуется англичанами с целью подчинить Курдистан и водворить там арабских чиновников и что средства, получаемые англичанами из Курдистана, будут направляться в Арабский Ирак — яркий образец типично националистической пропаганды⁹².

Любопытный проект решения курдского вопроса в Ираке представил в это время англофил Хамди-паша Бабан. Он выразил полное согласие с решением конференции в Сан-Ремо (апрель 1920 г.) о предоставлении Англии мандата над тремя иракскими вилайетами, но фактически исключал из них Южный Курдистан, решительно отвергая назначение туда курдского губернатора как не соответствующее национальным чаяниям кур-

дов. «Курдистан — абсолютно независимая от Месопотамии страна», — провозглашал он. Южный Курдистан должен быть «независимым монархическим государством под вашим (т. е. английским. — М. Л.) мандатом». Здесь следует установить личную власть просвещенного правителя», соответствующую курдской истории и традициям. Хамди-паша — за прямую и не ограниченную никакими конституционными нормами власть такого правителя, пользующегося советами только мандатария; двор его должен служить школой для администрации; племенная система должна быть сохранена. В рамках такой системы, считает Хамди-паша, можно обеспечить экономическое развитие страны⁹³.

Налицо, таким образом, пример курдского феодального национализма явно проколониалистского (конкретнее пробританского) образца. Реализация такого проекта, конечно, была сомнительна. Это прекрасно понимала английская администрация. А. Вильсон в ответе Хамид-паше, ссылаясь на завершавшиеся в те дни переговоры в Севре о мирном договоре с Турцией, писал, что не в компетенции правительства решать вопрос о будущем Южного Курдистана. Только после того, как договор с Турцией будет подписан и ратифицирован, можно будет предпринять «конкретные меры в пределах того, что теперь является оккупированными территориями»⁹⁴.

Отрицательное отношение британских властей к такого рода предложениям объясняется еще и нежеланием полностью отделять Южный Курдистан от собственно Месопотамии даже при условии сохранения контроля Англии над той и другой территориями. Это отделение было нежелательно со стратегической точки зрения и опасно — с политической, ибо расшатывало краеугольный камень британской политики в регионе — политику «разделяй и властвуй». Балансирование между арабским и курдским национальными движениями уже в то время стало характерной чертой курса, проводившегося британским империализмом на Ближнем Востоке.

Симко

Ситуация в Иранском Курдистане затрагивалась главным образом в связи с событиями вокруг соседнего Иракского Курдистана. Однако курдский вопрос в Иране⁹⁵ имел и самостоятельное значение (хотя и относительное), как и в других странах проживания курдов. Особенно в первые послевоенные годы англичане всячески стремились, как уже отмечалось, отделить курдский вопрос в Иране от такового в бывшей Османской империи (Турция, Ирак, Сирия), дабы не допустить к его решению другие державы и в то же время раздробить и ослабить курдский национализм, курдское национально-освободительное движение.

Планам британских колонизаторов способствовала объективная специфика, присущая положению курдов в Иране. Если в рассматриваемый период уровень развития курдского общества во всех частях Курдистана был *более или менее* одинаков, про Иранский Курдистан можно сказать — *менее*. Иранские курды были больше других раздроблены не только по племенному признаку, но также и по географическому, религиозному и даже этническому. Феодалный уклад здесь сохранился почти в неприкосновенности. Курды Иранского Азербайджана (бильбасы, мукри и др.) отличались от курдов Ардалана и Керманшаха (джафы, куляи, сенджаби, кельхор и др.) по образу жизни (первые — больше оседлые), языку (на севере распространен курманджи, на юге — больше сорани и гурани), религии (на севере — сплошь сунниты, в Керманшахе — много шиитов и али-илахов). В Хорасане, отдаленном от собственно Иранского Курдистана многими сотнями километров, проживало около $\frac{1}{3}$ (240 тыс. из 800 тыс. по официальным, сильно заниженным данным на начало 1930-х годов) всех иранских курдов (племена зафаранлу и шаделлу). Эти «некурдистанские курды» имели мало отношения к рассматриваемому здесь курдскому вопросу, разве что только с эмоциональной стороны. Их проблемы были частью общего туркмено-курдского вопроса в Хорасане. Наконец, в Иране проживали этнически близкие к курдам луры (в курдской исторической традиции вообще отождествляемые с курдами); в Лурестане и Фарсе их тогда насчитывалось до 600 тыс. (4 племенные группы Поште-е Куха и Пиш-е Куха в Лурестане и мамасани и кухпилуйе в Фарсе). Не сильно отличались от луров и соседние бахтиары (200—350 тыс.), которых курдская традиция также относил к курдам. Луры и бахтиары — шииты; у них нередко возникали конфликты с правительством, весьма острые, но к собственно курдскому движению, к курдскому вопросу, они прямого отношения не имели⁹⁶.

Специфична была и общая национальная ситуация в Иране. Армянский вопрос здесь не имел значения. Национальные конфликты возникали у курдов больше всего с азербайджанцами — шиитами и с ассирийцами, переселившимися в район Урмии во время мировой войны. Кроме того, на обстановку в Иранском Курдистане повлияли резкое ослабление центральной власти, полнейшая дискредитация (военная, политическая и моральная) тегеранского правительства во время первой мировой войны и в первые послевоенные годы. Хозяйничала в Иране после крушения царской России одна Англия, и она была заинтересована в том, чтобы исключить вмешательство каких-либо иных сил в решение национального вопроса, в частности, курдской проблемы в стране.

Обстановку, сложившуюся в Иранском Курдистане после окончания военных действий и ухода турецких интервенционистских войск, можно назвать одним словом — «анархия». Никакой твердой власти там не было. На местах безраздельно хо-

зяйничали вожди племен. Особенно беспокойно было в наиболее «горячей точке» Иранского Курдистана — Умии. Английский источник сообщал: беспорядки в Урмии таковы, что вообще трудно определить, что там происходит. Он выделил два главных фактора внутривнутриполитической обстановки в этом районе Иранского Курдистана: 1) нежелание населения возвращения ассирийцев и армян и 2) растущее недовольство курдов персидским правлением.

На встрече наиболее влиятельных вождей Иранского Курдистана в феврале 1919 г. был поставлен вопрос о всеобщем восстании. Возражений не было, но решили подождать, пока не станут ясны намерения держав по отношению к иранским курдам и репатриации армян. Собравшиеся высказались за то, чтобы положение курдов Азербайджана и сам ход восстания были под европейским контролем⁹⁷.

Центральной фигурой в движениях иранских курдов в течение всего послевоенного периода (до начала 30-х годов) был по-прежнему Исмаил-ага Симко (Смитко), вождь племени авдон из конфедерации шеккак, правитель пограничной крепости Котур⁹⁸. По своим поступкам это был типичный традиционный курдский феодальный деятель, беспринципный и импульсивный, коварный и жестокий, но могущий быть одновременно мужественным и по-рыцарски благородным. Его целью было создание независимого курдского государства в Западном Иране во главе с собственной персоной. По форме это был типично феодальный идеал, да и методы, которые применял Симко в своей борьбе, также отдавали средневековым. Однако объективно движение Симко, проходившее в революционную эпоху начавшегося кризиса и распада колониальной системы, шло в русле борьбы за национально-государственную консолидацию политически раздробленного курдского народа. Кроме того, оно шло вразрез с агрессивными колонизаторскими планами Великобритании в Иране и Курдистане. Это и предопределяет его конечную оценку.

После ухода турок из Западного Ирана здесь создалась благоприятная обстановка для реализации далеко идущих замыслов Симко. Они первоначально сводились к созданию независимого курдского государства на территории Иранского Азербайджана. Однако сил для этого у Симко было маловато. Он располагал только племенными ополчениями, отличавшимися невысокой боеспособностью. В конце войны возникла бы идея заключения боевого союза с поселившимися в приурмийском районе ассирийцами, но ничего из этого не вышло. Иранским властям (видимо, не без инспирации англичан) удалось спровоцировать столкновения между курдами и ассирийцами, кульминацией которых было убийство Исмаилом Симко в марте 1918 г. главы ассирийской общины Мар-Шимуна (патриарха) Беньямина. Вскоре после этого подавляющее большинство ассирийцев было вывезено англичанами в Ирак⁹⁹. В это же вре-

мы начали ухудшаться отношения между курдами и азербайджанцами¹⁰⁰.

Тем не менее Симко продолжал добиваться своих целей. Заклучив союз с сейидом Таха, он шаг за шагом стал устанавливать свой контроль сперва над турецко-иранской пограничной полосой, а затем далее на восток. Правительство не имело средств оказать ему эффективное противодействие, и тогда вице-губернатор Азербайджана Мокаррам оль-Мольк прибег к типичному для Ирана методу обращения с непокорными племенными вождями — организовал покушение на Симко. Оно оказалось неудачным (от взрыва адской машины погиб его брат) и только еще более озлобило Симко. Он собрал отряд и стал угрожать Урмии, Шахпуру и Хою. Пытаясь задобрить Симко, Мокаррам выдал ему убийц. Беспощадно расправившись с ними (а заодно и с эскортом правительственных войск), Симко тем не менее продолжал расширять захваченную территорию, взяв Урмию, Шахпур, Салмас. К лету 1919 г. положение в Иранском Азербайджане и Курдистане стало критическим¹⁰¹.

Правительство вынуждено было принять чрезвычайные меры. Против повстанцев была брошена наиболее боеспособная часть иранской армии — персидская казачья бригада под командованием русского полковника Филиппова, которая начала теснить курдов. Удалось внести разлад в ряды повстанцев, некоторые племена стали покидать Симко. Он вынужден был очистить район Урмии, но удержал Чехрик. На некоторое время было установлено перемирие¹⁰².

С начала 1920 г., собравшись с силами, Симко активизировал свои действия, провозгласив лозунг курдской независимости. Пользуясь удалением с правительственной службы Филиппова (наряду с другими старослужащими царскими офицерами), он вновь захватил оставленные им районы и нанес несколько поражений правительственным войскам¹⁰³.

В своих операциях против иранских правительственных войск Симко был не одинок. Будучи вообще политически неразборчивым, он охотно принимал помощь своих вчерашних заклятых врагов — турок. Последние, равно иттихадисты и итиляфисты, были не прочь использовать воинственного курдского вождя в своих целях, по крайней мере для отражения угроз ожидавшей своего окончательного приговора империи со стороны иранской границы. Обострение курдского вопроса в Иране, где формально правили подручные англичан, могло в какой-то мере побудить Лондон быть более покладистым на протекавших в то время мирных переговорах, на которых решалась и судьба Турции. Этот мотив, как общепатриотический, в определенных условиях мог быть близок и набиравшим силу националистам-кемалистам, и чем больше они укрепляли свои позиции в Анатолии, тем сильнее. Вот почему «турецкий фактор» и после окончания первой мировой войны продолжал играть важную роль в событиях, развертывавшихся в Иранском Курдистане.

По сведениям английского источника, в операциях Симко в 1919 г. участвовали от 400 до 500 турок, возглавляемых офицерами под общим руководством эмиссара ванского вали Халил-паши Мирза Али Акбара. У Симко были и посланцы неких англофобских кругов из Дамаска. Туркам удалось создать свою базу в Хое, где они хотели соединиться с Симко. Поражение шейха Махмуда в Сулеймании побудило иранских курдов усилить крен в сторону турок, в которых они видели теперь своих единственных союзников¹⁰⁴.

Естественно, что отношение Англии к замыслам и действиям Симко было резко враждебным, ибо они представляли реальную опасность для целостности Ирана и для существования тегеранского режима — гаранта монопольного влияния британского империализма в этой стране. Особенно неприемлемыми, как уже отмечалось, были объединительные планы Симко и его тогдашнего союзника Таха, в которых Лондону чудился прообраз действительно независимого Курдистана. Опасались англичане и усиления турецкого влияния на иранских и иракских курдов, что могло создать дополнительные трудности на мирных переговорах¹⁰⁵.

Отношение Англии к курдскому вопросу в Иране, особенно к ситуации в Урмии, где орудовал Симко, рельефно характеризует один любопытный документ — меморандум, подписанный 8 июля 1919 г. майором Э. Дж. Россом из «Курдского бюро» в Багдаде¹⁰⁶. В нем указывалось, что положение в Урмийском районе тесно связано с таковым во всем Курдистане. Нынешняя граница между Ираном и Турцией неприемлема для персов, турок и курдов и имеет формальное значение (постоянное проживание многих «собственников» из Урмии в Турции, свободные переходы племен через границу и т. п.). Дальнейшая судьба Урмии как часть вопроса о судьбе всего Курдистана будет касаться мандатария, но до этого следует водворить здесь порядок, с тем чтобы и курды не были ущемлены, и персы продолжали следовать советам Англии.

Меморандум излагает разные варианты решения проблемы. Один из них — передать Урмию под управление иностранной державы или международной комиссии, т. е. сделать ее подмандатной территорией. Это решение было бы подходяще для курдов, но вряд ли осуществимо, ибо никакая держава не пойдет на такую временную меру. Другой вариант — принуждение урмийских курдов остаться под властью Ирана — был также непригодным, так как для этого необходимы были значительные воинские соединения, которыми Англия не располагала; кроме того, безоговорочная поддержка персидской власти над курдами, полностью дискредитировавшей себя, подорвала бы влияние Англии во всем Курдистане. Лучшее решение, как считал Росс, было в отделении Урмии от Ирана и присоединение ее к проектируемому курдскому государству, контролируемому Англией. Урмия может управляться и как самостоятельная

административная единица, но связанная с этим государством. И хотя дезинтеграция Ирана не в интересах Англии, последний вариант — единственное решение, имеющее шансы на стабильное будущее при условии, однако, что будут защищаться права и некурдского населения¹⁰⁷.

Мнение Росса интересно тем, что, видимо, отражает настроение в «Курдском бюро». Очевидно, там уже созрела идея создания марионеточного «независимого» курдского государства. Новым была готовность некоторых колониальных кругов Великобритании поступиться, если понадобится, принципом сохранения целостности иранской территории, отторгнув от нее часть Иранского Курдистана — стратегически важную Урмийскую область. Так что догм для вершителей курдской политики Англии не существовало. Они действовали в соответствии с обстоятельствами места и времени. Принципиальным для английских колонизаторов было только нежелание считаться с национальными интересами курдского народа как в Восточном, так и в других частях Курдистана. Ибо план Росса в основе своей был направлен против национального движения иранских курдов, основным центром которого была именно Урмийская провинция, о возможности которой шла речь в его меморандуме.

В сущности, аналогичной была и позиция Ноэля. Он, как и сотрудники «Курдского бюро», выступал против безусловной поддержки Тегерана в курдском вопросе, тем более в ущерб хорошим отношениям Англии с курдами. «Нынешнее движение за национальное единство Северного и Персидского Курдистана, — писал он, — является естественным, так как базируется на твердых экономических и этнических основаниях»¹⁰⁸. Разумеется, Ноэль, как и другие сотрудники британских спецслужб на Ближнем Востоке, добивался не подлинной независимости Курдистана, а использования курдского национального движения в интересах британской политики в этом регионе. Впрочем, соображения низовых работников британской колониальной администрации, с их точки зрения, может быть, вполне здравые и сообразующиеся с конкретной обстановкой на местах, далеко не всегда принимались во внимание вершителями имперской политики в Лондоне и Дели.

Курдский национализм в Турции и политика Англии

Кроме вполне естественной причины — «сверху виднее», была еще одна, специфическая. Центр тяжести курдского вопроса в рассматриваемый период (первые послевоенные годы) находился не в Южном и тем более не в Восточном Курдистане, а в его северной и западной частях, расположенных на территории Восточной Анатолии, т. е. в Турции. Территория Турецкого Курдистана занимала до половины всего этнического Курдиста-

на, на ней обитало и около половины всех курдов¹⁰⁹. Но дело не только в количественных факторах. Именно курды Восточной Анатолии в течение целого столетия стояли в авангарде освободительной борьбы, внесли в нее наибольший вклад. И именно в Восточной Анатолии произошли наиболее крупные курдские восстания и выработались наиболее устойчивые традиции движения за освобождение Курдистана от гнета поработителей. Не называя все причины этого, отметим основную: при общем весьма низком уровне социально-экономического и общественно-политического развития Курдистана его турецкая часть в этом отношении несколько опередила другие, как Турция опередила своих восточных соседей. Естественно, что у турецких курдов уровень национального самосознания был выше, чем у их иранских или иракских собратьев. Поэтому именно в Турции в начале XX в. зародился курдский национализм, который к концу первой мировой войны успел проделать некоторую эволюцию.

Немалую роль в этом сыграли и конкретные условия, сложившиеся после окончания военных действий на турецко-азиатском театре первой мировой войны в Северном и Западном Курдистане и вокруг него. Если в Южном Курдистане был установлен режим военной оккупации, затруднявший национальную борьбу, а Восточный Курдистан был разорен бесконечными военными действиями и внутренними смутами, то в Турецком Курдистане обстановка была сравнительно благополучной. Лишь часть его территории подверглась нашествию, и один только раз. После войны здесь была восстановлена власть центрального (стамбульского) правительства. Однако власть эта была непрочной, и вскоре у нее появился грозный конкурент в лице кемалистского национально-освободительного движения, первоначальный очаг которого возник именно в Анатолии.

Курдскому движению такая ситуация объективно была на руку, ибо давала некоторую свободу для маневра. Что же касается иностранной угрозы, то она существовала тогда только в Юго-Западном Курдистане, прилегавшем к Ираку и Сирии. Реально же курдам несколько позже пришлось встретиться только с французской интервенцией в Сирии и Киликии, но она не затронула основных центров Курдистана. Правда, некая опасность для курдов маячила с севера, где с непомерными территориальными притязаниями выступала дашнакская Армения, однако угроза эта была призрачной, как и само это марионеточное государство, пешка в руках Антанты, не имевшая поддержки собственного народа.

Для курдского движения в Турции того времени был характерен определенный полицентризм. Идеологи и политические лидеры его обитали главным образом в Стамбуле, а также в некоторых других крупных центрах Ближнего Востока (Каир, Бейрут) и Западной Европы (больше в Париже). Само же движение разворачивалось в Восточной и Юго-Восточной Анатолии под непосредственным руководством племенных вождей и рели-

гиозной верхушки, руководимых нередко своекорыстными стремлениями и субъективно малоподготовленных для восприятия подлинно национальных идей. Еще менее были подготовлены к этому рядовые члены племен, вынесшие на своих плечах всю тяжесть борьбы. Этот разрыв между «теорией и практикой», ослабляя курдское движение в Турции, сыграл роковую роль в дальнейшей судьбе турецких курдов.

В конце первой мировой войны и сразу после ее окончания курдские националисты стояли на перепутье. У них не было четкой политической цели и тем более представления о средствах ее достижения. В первую очередь это касается проблемы внешней помощи, союзников курдского освободительного движения. Изменившаяся обстановка заставила внести существенные коррективы во взгляды, распространенные среди них прежде.

До и в первые годы войны курдские националисты уповали больше всего на Россию, как на самую вероятную освободительницу Курдистана. Лишь немногие из них рассчитывали на Англию. Революционные события в России, выход ее из войны коренным образом изменили ситуацию. В курдском движении окрепло течение (особенно в период турецкой интервенции в Закавказье и в Иранском Азербайджане), готовое примириться с младотурками, если те пойдут навстречу курдам. Однако антантофильское течение было намного сильнее. «14 пунктов» президента США В. Вильсона его окрылило. «Младокурды»¹¹⁰ начали активнее выступать за независимость, уповая на всемерную помощь Антанты. Они организовали ряд комитетов, развернувших пропагандистскую кампанию в пользу «курдского дела». В конце войны Сурейя Бадр-хан создал в Каире Комитет независимости Курдистана (Эстекляль-е Кордестан), представителя которого Шериф-паша был отправлен в Париж отстаивать интересы курдов перед союзниками. Единственным достижением Шериф-паши было, однако, установление взаимопонимания с видным деятелем армянской эмиграции, бывшим египетским министром Погосом Нубар-пашой, главным ходатаем перед Антантой армянских националистов. С последним было подписано специальное соглашение, которым европейские дипломаты и журналисты «были ошеломлены», ибо полвека они привыкли писать только о глубокой вражде, разделявшей оба народа¹¹¹.

В конце войны и вскоре после ее окончания были созданы и другие курдские патристические и националистические общества. Крупнейшим из них было Общество возрождения Курдистана (Джамият-е Таали-е Кордестан). Отдел младокурдской пропаганды издавал газеты на курдском языке: «Жиан» («Жизнь») и «Кордестан» («Курдистан»), а также брошюры и литературные сборники¹¹².

Поражение Турции в войне и крах репрессивного младотурецкого режима создали благоприятную обстановку для деятельности (главным образом в столице) курдской интеллектуальной

элиты, в которой на первых ролях были Бадрханиды: Сурейя, Камуран, три сына Джамиль-паши Заде из Диарбекира (Экрем-бей, Кадри-бей и Омар-бей), сенатор сейид Абдул-Кадыр, Мемдух Селим-бей, Мустафа-паша из Сулеймании, Эмир Али-бей¹¹³. Они и составили тот штаб курдского национализма, который питал идеями курдское национальное движение в послевоенный период. К сожалению, организационная сторона их деятельности была выражена гораздо слабее, чем и сказалось самым неблагоприятным образом на курдском движении. Но это выяснилось позже.

Персидский революционер Абулькасим Лахути (курд по национальности), нашедший свою вторую родину в СССР и ставший известным поэтом, в первом написанном с марксистских позиций очерке курдского вопроса, сохранившим свое научное значение до нашего времени, указал на следующие четыре линии в послевоенном курдском движении: 1) полная независимость — программа интеллигенции; 2) внутренняя автономия под турецким протекторатом — непопулярный лозунг, отстаивавшийся незначительной группой; 3) независимость под покровительством Ирана — цель влиятельных вождей во главе с Шериф-пашой, главой курдской делегации в Париже, который вел по этому вопросу переговоры с иранским министром иностранных дел Мошавер-оль-Мамалеком, не получившим, однако, поддержки в англофильском кабинете; 4) независимый Курдистан под британским покровительством — партия Абдул-Кадыра, Мустафы-паши и других курдских нотаблей¹¹⁴.

Лахути верно подметил две основные черты поднимавшегося курдского национализма — стремление к независимости и заметная слабость, ущербность его основного политического содержания, выражавшиеся в готовности поставить эту независимость под иностранный контроль. Таким образом, курдский национализм рассматриваемого периода — в значительной мере «неполноценный» национализм, порожденный отсталостью тогдашнего курдского общества. В этом отношении он уступал турецкому, персидскому или индийскому национализму, как и национализму некоторых арабских народов (например, египетского), но ненамного отличался от национализма иракских или сирийско-ливанских национальных кругов, также ориентировавшихся в то время на Англию или Францию.

Правда, курс курдских националистов на внешнее покровительство имел и определенное объективное оправдание — своего рода исключительность и сложность международного положения Курдистана. Курдская независимость имела слишком много противников, и на Ближнем Востоке, и (особенно могущественных) за его пределами, чтобы курдские лидеры могли добиваться программы-максимум как реальной цели. Поневоле приходилось обзаводиться союзниками, а те, естественно, соглашались помогать отнюдь не бескорыстно. Среди руководителей и идеологов курдского национального движения были и подлин-

ные патриоты, которые пользовались лозунгами «автономии» или «протектората» в тактических целях, как временной программой-минимум. Впоследствии они круто меняли свою ориентацию, переходили на более радикальные позиции (например, Абдул-Кадыр). Но среди них были, конечно, и политические честолюбцы и карьеристы, деятели феодально-компрадорского толка, в корыстных интересах проводившие линию, выгодную угнетателям курдского народа.

Итак, курдская независимость издания конца 10-х — начала 20-х годов имела несомненно ограниченный характер, хотя исторически это можно объяснить, а стало быть частично и оправдать. Все же сам лозунг независимости при всей ее ущербности имел тогда для курдского народа, для его борьбы позитивное значение, ибо обладал большой мобилизующей силой, был подлинно всенароден и популярен во всем Курдистане. Не случайно в западных кругах этот лозунг был встречен с нескрываемой враждебностью и, как водится, приписан пропаганде «большевистских агентов»¹¹⁵.

Здесь налицо неприятие империалистами и колонизаторами идеи подлинной курдской независимости, стремление ее дискредитировать, приписав ей агентурное происхождение. Явно виден и страх (для описываемого времени в значительной степени преждевременный) перед революционизирующим влиянием событий в Советской России на курдов. Все это, однако, не исключало возможности манипулирования лозунгом курдской независимости в интересах империализма и региональной реакции.

Таким образом, после окончания первой мировой войны Турция стала главной ареной курдского национального движения. Развернувшаяся здесь борьба имела не только местное, но и общекурдское значение. Она шла и на международной арене (в связи с подготовкой мирного договора с Турцией), и на идейно-политическом поприще (главным образом в Стамбуле, где находился тогда мозговой центр курдского национализма), и в самом Турецком Курдистане (где под руководством вождей продолжались и нарастали выступления племен).

В политическом спектре курдского национализма в этот период безусловно преобладало проантантовское направление с ярко выраженным проанглийским оттенком. Именно от Англии как главной силы на Ближнем Востоке курдские лидеры ждали помощи в борьбе за независимость, видимо отдавая себе отчет, что за эту помощь придется расплачиваться. Англофилом был и Шериф-паша. Англичане, после того как их военно-политические представители обосновались в столице поверженной Османской империи, приложили руку к формированию курдской делегации (в составе сыновей Амина Али Бадр-хана — Джеладета и Камурана и сына Джамиль-паши Заде Экрембея), которой было поручено обследовать Восточную Анатолию, чтобы «из первых рук получить доказательства о настроениях местных курдов»¹¹⁶. В Париже Шериф-паша трудился над со-

зданием «группы патриотов», призванной провозгласить независимый Курдистан. Он открыто заявлял о заинтересованности в этом Англии¹¹⁷. В январе 1919 г. Шериф-паша прямо обратился к Англии с просьбой о помощи в создании курдского государства¹¹⁸.

Англичане вступили в непосредственный контакт с руководителями курдского национального движения. Турецкий исследователь этого вопроса высказался так: «Англия вела переговоры с курдскими шейхами о создании „Великого Курдистана“ и обещала им помощь в получении Диарбекира, Урфы и Мосула»¹¹⁹. Этой лапидарной фразой, к тому же содержащей фактическое искажение (англичане никогда не сулили курдам Мосула), в сущности, ограничивается рассмотрение англо-курдских отношений в Турции в первые послевоенные годы в одном из популярных сочинений турецкой историографии по политической истории страны. (Типичный образец характерного для турецкой историографии приема фальсификации истории курдской проблемы в Турции — фактическое умалчивание самого ее существования.) В действительности взаимоотношения Англии с курдскими националистами заслуживают куда более пристального взгляда.

Контакты были и прямые, и косвенные — через членов англо-фильски настроенного и фактически подчиненного приказам британских военных властей итльяфистского кабинета. Последние были даже более интенсивные и плодотворные. Один из вариантов решения прорабатываемых в Лондоне турецкого, курдского и других ближневосточных вопросов можно назвать полукOLONиальным или «иранским», когда функции по обеспечению интересов британского империализма в регионе предполагалось возложить на стамбульских марионеток. Такой вариант обошелся бы британским правящим кругам дешевле, а главное, избавил бы их от возможных внешнеполитических издержек, связанных с притязаниями США, Франции, Италии, и от осложнений с общественным мнением стран мусульманского мира, когда покушение на суверенитет Турции, страны пребывания султана-халифа, подлило бы еще масла в огонь их разгоравшихся антизападных и антиколониальных настроений.

Вскоре после заключения перемирия часть членов нового турецкого кабинета выступила за привлечение на сторону правительства курдов, обещая им автономию под турецким суверенитетом. Это можно было бы назвать важным сдвигом в политическом мышлении турецких правящих кругов, которые прежде (и в султанские времена, и в младотурецкую эпоху) никогда не допускали и мысли о предоставлении курдам какого бы то ни было самоопределения. Однако в политической обстановке, сложившейся в ближневосточном регионе после окончания первой мировой войны, эта новация не имела серьезного значения. Во-первых, она отвечала главным образом интересам Англии и, видимо, была ею инспирирована. Во-вторых, авторитет и реаль-

ная политическая власть Порты были незначительны, а в восточных вилайетах, где обитали курды, и вовсе фиктивны. Поэтому Стамбул, если бы даже и захотел, не смог ввести автономный режим в Курдистане. В-третьих, далеко не все представители феодально-компрадорских, клерикальных и придворных кругов, пришедшие к власти в Стамбуле после крушения младотурецкого режима, были готовы пойти навстречу национальным требованиям курдов. Среди них по-прежнему были сильны старотурецкий шовинизм и панисламистские настроения, принципиально отрицавшие само существование национального вопроса в Османской империи. Распространены были и враждебность, и недоверие к Англии и ее союзникам, питавшиеся горечью недавнего поражения. Кроме того, как уже говорилось, не сложили оружия иттихадисты-пантюркисты, особенно в провинции. Хотя они и пытались манипулировать курдским движением, но на деле оставались заклятыми врагами курдской независимости. И наконец, идея курдской автономии не могла найти сочувствия у набравших силу кемалистов, которые поддерживали курдское движение лишь в той мере, в какой оно конфронтировало с западными агрессорами (английскими, французскими, греческими), но во внутреннем, «турецком», аспекте кемалисты всегда оставались ярыми националистами, а стало быть, антиподами курдских националистов.

Таким образом, в турецком обществе, каким оно выглядело после заключения Мудросского перемирия, не было политической силы, которая всерьез могла бы выступить в защиту права курдского народа на национальное самоопределение. Но и позиция самих курдских националистов (имеется в виду их «стамбульская» верхушка) была весьма уязвимой. На обещания некоторых высокопоставленных лиц из Порты они не особенно полагались, и совершенно справедливо. В самой Турции им неоткуда было ждать реальной поддержки. Они чаяли получить ее от Англии, но и здесь у них оставались серьезные опасения. Их главным источником оставалась позиция Англии (и других держав Антанты) в армянском вопросе, в которой они видели угрозу в первую очередь своим территориальным притязаниям. Правда, в этом пункте они могли надеяться на взаимопонимание почти со всеми действовавшими тогда в Турции политическими силами, от крайне правых до левонационалистических, взбудораженных «измирским инцидентом» на востоке Анатолии¹²⁰. Но это было слишком шаткое основание для каких-либо долговременных политических расчетов. Курдский национализм в то время был слишком слаб, чтобы играть самостоятельную политическую роль. Он должен был стать и действительно стал объектом политической игры, которую вели на ближневосточной арене, с одной стороны, британский империализм, с другой — различные противоборствующие силы главным образом турецкого общества.

Уже с весны 1919 г. английские службы в Турции на разных

уровнях начали вести переговоры с курдскими лидерами в Стамбуле и в самом Турецком Курдистане. Актуальной задачей для англичан было в то время противодействие раздуваемой иттихадистами пропаганде среди курдов, имевшей известный успех благодаря использованию панисламистских и антизападных лозунгов¹²¹. Британская агентура старалась завоевать общественное мнение Турецкого Курдистана. На переговорах с Абдул-Кадыром и бадрханидами, которые велись при посредничестве Ноэля, англичане не скупились на уверения в симпатиях к курдскому движению, в готовности предотвратить установление «армянского господства» над курдами и защищать их интересы на мирной конференции¹²². Такие же посулы расточались Шериф-паше и его эmissару в Курдистане майору Галибу Алибею¹²³.

Шериф-паша не замедлил, со своей стороны, представить план решения курдского вопроса. Прежде всего он посоветовал англичанам иметь дело не с племенными вождями, а с теми курдскими «нотаблями», которые получили европейское образование и свободны от племенных пристрастий. Из них должен быть выбран эмир, который создал бы совет из курдских вождей и правил с помощью британских гражданских и военных советников. Кроме того, предлагалось создать при эмире сенат, наполовину назначаемый из вождей, наполовину избранный, палату депутатов и законодательный совет государства. При отсутствии других кандидатур Шериф-паша без ложной скромности выразил готовность возложить эмирство на себя¹²⁴.

Таким образом, Шериф-паша предложил создать зависимое от Англии государство, которое он прямо назвал протекторатом. Он не конкретизировал его географические рамки. Главным для него было удовлетворение его личных притязаний на главенство в этом государстве (поскольку были и другие кандидатуры). «Я возьму на себя миссию организации Курдистана, — писал он, — только при условии, что она будет поручена мне и мне будет оказано полное доверие»¹²⁵.

На эту роль претендовали и другие курдские лидеры: Абдул-Кадыр, Сурейя Бадр-хан, основатель «Комитета защиты прав восточных вилайетов» Сулейман Назиф. Все они видели проектируемый автономный Курдистан как британский протекторат и всемерно старались заинтересовать британское правительство этой идеей¹²⁶. Однако Лондон не спешил отреагировать на эти, казалось бы, заманчивые предложения курдских националистических лидеров.

Занять определенную позицию по поводу предложений курдских лидеров Лондону мешали внешнеполитические соображения. Хотя в ближневосточной игре у британского правительства на руках были старшие козыри, единолично распоряжаться судьбой Курдистана (как и других территорий Османской империи) оно не могло: оставалась зависимость от союзников по другим важным международным вопросам (германскому, во-

сточноевропейскому, колониальному). Однако была и специфическая причина осторожного отношения британского кабинета и англо-индийских властей к проекту автономного Курдистана под протекторатом Англии. То была политическая слабость курдских националистов, неспособных реально повлиять на обстановку в курдских районах Восточной Анатолии. Слишком тесные политические связи с ними грозили обернуться непредвиденными осложнениями в одном из самых беспокойных и взрывоопасных районов Ближнего Востока. На таких партнеров в Лондоне и Дели остерегались делать ставку.

В первую очередь это касалось Шериф-паши. Как уже отмечалось, еще во время войны союзники без энтузиазма отнеслись к его предложениям о политическом сотрудничестве. Холодно был встречен и его проект послевоенного устройства Курдистана. Министр по делам Индии, сообщая вице-королю о предложениях Шериф-паши (назначить его главой будущего курдского государства, создать смешанную англо-курдскую комиссию для определения его территории, предоставить субсидии курдским вождям), писал, что правительство считает его негодным для этой роли из-за возраста и долгого пребывания в Париже (!) ¹²⁷. Впрочем, министр поинтересовался и мнением багдадской администрации. Он писал одновременно в Багдад, что заслуги Шериф-паши перед союзниками невелики и оцениваются поэтому невысоко. Его влияние признается только в Мосуле. Но и в курдских кругах он известен больше по прозвищу «бош хоруф» («пустой малый»). По мнению английского правительства, он нежелателен как глава будущего курдского государства, хотя и хочет выглядеть таковым ¹²⁸. И ответ А. Вильсона из Багдада был краток и многозначителен: «Шериф-паша целиком не подходит к роли, которую, я думаю, ни один человек не будет способен играть» ¹²⁹.

Таким образом, с Шериф-пашой все было ясно. Знаменательно, что вопрос о создании курдского государства (мыслимого только как протекторат Англии) в Лондоне уже обсуждали как возможную реальность, хотя «багдадцы» и проявляли в этом отношении явный скепсис. Но с практическими мероприятиями (создание правительства, определение границ и т. п.) англичане не спешили. Более своевременным они считали подготовку соответствующей почвы в самом Турецком Курдистане. Верховный комиссар Англии в Константинополе поддержал мнение Ноэля о том, что проживавшим в столице курдским лидерам англо-фильской ориентации (Абдул-Кадыру, бадраханидам и др.) полезнее было бы вернуться в Курдистан и организовать борьбу против местных властей, которые закрывают курдские клубы (например, в Диарбекире) и вообще преследуют тех курдов, которые держат сторону Англии. Большие опасения внушали верховному комиссару кемалисты, которые использовали оккупацию Измира греками, создание «Армянской республики» и курдское движение для антиправительственной пропаганды. Та-

ким образом, он признавал, что ситуация в Восточной Турции, в сущности, вышла из-под контроля стамбульского правительства. Верховный комиссар считал делом большой политической важности поддержку курдских вождей, желавших перейти под покровительство Англии, но при условии, что они будут вести себя «тихо», не выступать активно с национальными требованиями и преследовать христиан; за прошлые эксцессы против христиан курдов не следует карать ¹³⁰. Со своей стороны, А. Вильсон предлагал не оказывать христианским меньшинствам ни малейшего предпочтения перед курдами, дабы не настраивать последних против Англии ¹³¹.

Вообще, ситуация в Турецком Курдистане внушала британским властям как в Стамбуле, так и в Багдаде большие опасения. Здесь противоборствовали три основные политические силы тогдашнего турецкого общества — проанглийски настроенные сторонники малопопулярного султанского правительства, сохранившие во многих местах свое влияние иттихадисты и день ото дня крепнущие кемалисты. Все они пытались использовать в своих политических целях курдское население, стихийно выступавшее за самоопределение, но лишенное целенаправленного единого политического руководства. Свободолюбивые и антиимпериалистические настроения курдского народа стали объектом беззастенчивой манипуляции.

В это «смутное время» выявилось уже несколько кандидатов на роль главы загадочного курдского государства. То были кроме Шериф-паши, которому Англия отказала в доверии, Абдул-Кадыр, бадраханиды и новое лицо — вождь могущественной конфедерации милли, сын некогда знаменитого Ибрагим-паши ¹³² Махмуд-бей, которого турки во время войны держали в тюрьме. После войны турецкие власти в Юго-Восточной Анатолии, еще находившиеся под влиянием иттихадистов, освободили Махмуда из заключения и обещали восстановить его власть над всеми курдами милли (обитавшими к западу от Евфрата), если он организует сопротивление англичанам и выгонит их из района Урфы. Однако Махмуд-бей не проявил ни желания, ни способностей выполнить возложенную на него миссию. Более того, он установил отношения с англичанами и стал фигурировать в качестве кандидата на «гипотетический пост правителя объединенного Курдистана» (выражение Гертруды Белл) ¹³³. Но и здесь ему не светила удача именно в силу «гипотетичности» всего этого предприятия. Впрочем, не большего успеха добились и его конкуренты Абдул-Кадыр, бадраханиды и др. В феврале 1919 г. великий везир собрался было отправить Абдул-Кадыра с миссией умиротворения Курдистана, но эта командировка по неизвестным причинам не состоялась. Слухи же о ней возбудили подозрения его соперника сейида Таха, немедленно переметнувшегося на сторону противников Англии — иттихадистов.

Иттихадисты пытались превратить существовавшие в ряде городов Восточной Анатолии курдские клубы (особенно в Ди-

арбекире и Мардине) в оплот борьбы против растущего английского влияния. Клубы состояли из представителей курдской знати (по словам Ноэля, «продажной и вырождающейся»), которой иттихадисты обещали автономию. По словам Гертруды Белл, иттихадисты хотели превратить курдские клубы в оплоты борьбы «против британской интервенции и армян». Однако, по ее же признанию, в них состояли и искренние патриоты ¹³⁴.

Короче говоря, вести из Турецкого Курдистана были неважные, Лондону было из-за чего тревожиться. В апреле 1919 г. для сбора информации и проведения агентурно-политической работы туда был направлен один из главных специалистов по курдским делам, майор Ноэль, который посетил район от Нусайбина до Диарбекира. Ему удалось выяснить расстановку политических сил в этом районе. В частности, он пришел к выводу, что «панкурдистская партия», требовавшая полной независимости Курдистана, отнюдь не была настроена целиком антибритански, как можно было ожидать. Он установил контакты с христианскими меньшинствами, которые просили о британской военной помощи. Ему удалось собрать ценную информацию о деятельности курдского клуба в Диарбекире, проникнутого «духом независимости» и по этой причине закрытого властями в начале июня 1919 г. ¹³⁵.

Однако свою задачу Ноэль, выполнил не до конца. Оставалось еще много невыясненного и, стало быть, оснований для тревоги в Лондоне, Дели и Багдаде. Особенно беспокоили связи между курдским движением в Юго-Восточной Анатолии и турками (имелись в виду главным образом активизировавшиеся иттихадистские организации, но не исключалось установление взаимопонимания с кемалистами). Английские власти решили добиться разрыва между курдами и турками и для этого (а также, естественно, для осуществления других задач в Западном Курдистане) в сентябре 1919 г. вновь отправили к турецким курдам Ноэля, на этот раз в компании с англофилами Камураном и Джеладетом Бадрханами ¹³⁶. К тому времени восстание шейха Махмуда в Ираке было подавлено, и англичане чувствовали себя в курдском регионе более уверенно.

Поездки Ноэля дали британскому правительству ценную информацию о Турецком Курдистане. Объехав обширный район от Айнтеба (современный Газиантеп) до Малатьи, Ноэль установил, что от 70 до 80% его населения составляют курды. Армянская прослойка здесь почти полностью исчезла (трагический итог многолетнего геноцида), а следовательно, не стало и «довоенного расового вопроса». 75% местных курдов — шииты, остальные — сунниты ¹³⁷. Население Юго-Восточной Анатолии разорено, запугано и устало от войны. В целом курдские племена настроены резко антитурецки, но их ненависть направлена главным образом против младотурок, в которых они видели непосредственных виновников их бедствий. Ноэль отметил и их проанглийские настроения, и готовность принять английскую ок-

купацию, если только местная власть будет курдской. Панисламистские лозунги среди курдов непопулярны. Турецкое же местное население, по утверждению Ноэля, опасается установления в регионе курдской власти, предпочитая ей даже армянскую (значит, «расовый вопрос» все же существовал?) ¹³⁸.

Вообще говоря, межнациональные отношения на востоке Анатолии были предметом первой заботы британских колониальных деятелей, связанных с ближневосточными, в том числе и с курдской, проблемами. Уже говорилось, что, несмотря на резкое уменьшение армянского этнического элемента на востоке Анатолии, армянский вопрос после войны вновь актуализировался. Державы-победительницы, поднимая его на щит, в новой ситуации, как и прежде, использовали как разменную монету в сложной дипломатической и политической борьбе за колониальные призы на Ближнем Востоке, а также (далеко не в последнюю очередь) в антисоветских целях. О подлинных национальных интересах многострадального армянского народа Антанта, естественно, не заботилась. Прежде всего это следует сказать об Англии, некогда слывшей первой защитницей армянского народа от турецких зверств. Теперь Лондон заметно охладел к армянам, усиленно продвигая в пик у американцам и французам курдскую «альтернативу». Еще в декабре 1918 г. полковник Ф. Р. Маунселл из Военного министерства выдвинул проект образования двух отдельных — армянского и курдского — государств (первое — от оз. Ван до Черного моря, второе — на юг от оз. Ван). Может быть, в какой-то мере на руку англичанам были меры, проводившиеся в конце 1918 г. и в первую половину 1919 г. местными властями в Восточной Анатолии (в большинстве — тогда сторонниками Иттихада) по недопущению обратного возвращения в страну армянских беженцев из Закавказья и Ирана ¹³⁹.

В британских колониальных кругах обычно рассматривали курдскую и армянскую проблемы в тесной взаимосвязи. В записке эксперта по этим вопросам из министерства по делам Индии Артура Хирцеля утверждалось: «Армянский вопрос есть курдский вопрос». По мнению Хирцеля, создание армянского государства будет противоречить «принципу самоопределения», ибо в Восточной Анатолии, за исключением Киликии, армян осталось очень мало и курды не захотят им подчиниться. Зато образование курдского государства — реальная перспектива. В этом государстве, которое, разумеется, должно быть под английским, французским или американским мандатом (предпочтительнее — под английским), и армяне получат права, причем благодаря своему относительно высокому культурному уровню больше, чем они могли ожидать из-за своей малочисленности ¹⁴⁰.

Сам Хирцель полагал, что армяне в этом курдском псевдогосударстве получат примерно такие же права, какие предполагалось дать индийским мусульманам по известному закону Мор-

ли—Минто 1909 г.¹⁴¹ (примечательная параллель, свидетельствующая о том, что эксперты из «Индия офис» прорабатывали сугубо колониалистский вариант решения как курдского, так и армянского вопроса. Кроме того, из этого документа ясно видно, что армянофильство в этом учреждении не пользовалось популярностью).

Итак, ставка делалась на курдов, доказательством чему была курдская миссия Ноэля. Ее результаты Ноэль оценивал довольно высоко, хотя это, как будет показано ниже, не соответствовало действительности. По возвращении в Халеб он писал, что включение в состав миссии бадраханидов дало ожидаемый эффект: население Западного Курдистана отнеслось к ним весьма положительно, лишь отдельные вожди выказали враждебность из опасения за свое влияние. Ноэль советовал использовать бадраханидов как против кемалистов, особенно если их положение станет серьезным, так и против иттихадистов и тесно связанных с ними командиров воинских частей, дислоцированных в Восточной Анатолии. Он рекомендовал бадраханидов в качестве вали и мутессарифов в курдских районах, в частности, Амина Али Бадр-хана — на должность вали Диарбекира, как-нибудь близкого к нему человека — мутессарифа Мардина, а генерала Хамди-пашу — командующим 10-м корпусом¹⁴².

Характерно, что Порта восприняла рекомендации английского майора как руководство к действию. Великий везир Дамад Ферид-паша¹⁴³ согласился назначить одного из курдских нотаблей вали Диарбекира или другого крупного центра Турецкого Курдистана с возложением на него задачи удерживать курдов от выступлений против правительства. Упоминались кандидатуры Абдул-Кадыра, сейида Таха и Мустафы Бабан-заде. Правда, Порта высказывала опасение, что курдская администрация будет проводить националистический курс, но утешалась мыслью, что престиж правительства в Курдистане все равно не станет ниже, чем есть.

Британская администрация в Багдаде поддержала эту идею, но возражала против кандидатуры сейида Таха, рекомендуя Мустафу Бабан-заде как не имевшего в Западном Курдистане личных врагов и более гибкого политика, что было существенным в связи с возможными изменениями в Стамбуле¹⁴⁴. Это ли не доказательство того, что затея (впрочем, неосуществившаяся) с внедрением курдской администрации имела чисто английский происхождение. Мнение Порты англичан мало интересовало, да они и не рассчитывали, видимо, на долголетие стамбульского правительства.

Среди британских представителей на Ближнем Востоке существовали все же известные разногласия по вопросу о будущем устройстве Турецкого Курдистана и формах участия в нем Англии. На крайних «прокурдских» позициях (при полном союдении, конечно, интересов Англии) стоял Ноэль. Он предлагал, в случае, если мирная конференция не решит вопрос о

курдском государстве, сделать шаг к удовлетворению требований «курдской партии». При сохранении турецкого суверенитета в восточных вилайетах им должно быть предоставлено широкое самоуправление. Новое административное деление следует провести по этническому принципу — с чисто курдскими вилайетами, в которых 95% населения должно быть курдским. Администрация, включая жандармерию, также должна состоять из курдов. Курдский язык следует сделать официальным и вести на нем преподавание в школах. Назначение на высшие административные посты — вали, мутессарифов и каймакамов — должно быть прерогативой только мандатария, дабы турки не ставили на эти должности свои креатуры. В районах с этнически смешанным населением следует установить более строгий контроль мандатария; жандармерия в них должна состоять из представителей разных национальностей¹⁴⁵.

Таким образом, проект Ноэля предусматривал создание в Восточной Анатолии не «курдского» и не «турецкого» Курдистана, а скорее английского. В то же время Ноэль предлагал сделать большой шаг навстречу курдскому национализму, хотя и отвергал две его основные установки — независимость и объединение Курдистана.

Соображения Ноэля касательно будущего Турецкого Курдистана не встретили, однако, сочувствия у непосредственных вершителей британской политики на Ближнем Востоке. По мнению верховного комиссара Англии в Константинополе, не следовало непосредственно вмешиваться в турецкие внутренние дела, в том числе и по курдскому вопросу. Сотрудничество курдских вождей с Ноэлем, считал он, допустимо только для наведения «порядка» на востоке Малой Азии. Раздача административных постов в этом регионе курдским вождям несовместима с этим принципом невмешательства. В особенности же Верховный комиссар возражал против назначения Амина Али Бадр-хана вали Диарбекира, видимо не доверяя этому видному курдскому лидеру¹⁴⁶.

Отрицательное отношение проект Ноэля встретил и в Багдаде. А. Вильсон писал, что в шести армянских вилайетах должен быть сохранен (и не только формально) турецкий суверенитет. Создание армянского или курдского государства зависит от принятия США мандата над частью Азиатской Турции. Не следует принимать добавочную ответственность в этих вилайетах. Принятие предложения Ноэля может вовлечь Англию в военные предприятия, ослабляющие ее позиции в Месопотамии¹⁴⁷.

Объяснение единодушной оппозиции британских властей проекту Ноэля, казалось бы учитывавшего курдскую специфику и обеспечивавшего имперские интересы Англии в Курдистане, следует искать прежде всего в его несвоевременности. В то время (середина 1919 г.) вокруг турецкого (в широком смысле) вопроса шла напряженная дипломатическая и политическая борьба. В такой обстановке выступать с открытыми притязаниями

на преобладание в восточноанатолийском регионе было нецелесообразно, тем более что курдский вопрос не был первостепенным для британской ближневосточной политики. Уделяя все большее внимание курдскому вопросу, руководители Британской империи не сбрасывали со счетов и армянскую проблему, рассчитывая использовать в своих интересах дашнакское государство. Англичане не спешили выдвигать на авансцену курдский вопрос в Турции еще и потому, что не хотели причинять дополнительные трудности стамбульскому правительству, во главе которого до октября 1919 г. стоял их человек — Дамад Ферид-паша. Они тогда еще предпочитали действовать его руками, особенно, в том, что касалось внутривнутриполитической ситуации в стране.

Наконец, Лондону в его расчетах на использование национальных движений в Турции пришлось учитывать еще один фактор, возникший летом 1919 г. и начавший оказывать возрастающее влияние на расстановку политических сил. То было кемалистское движение, поднявшее знамя борьбы за независимое турецкое национальное государство. Значение этого события явно было недооценено англичанами в отношении как его масштаба, так и политической значимости. Годом позже, когда кемализм стал серьезно угрожать имперским замыслам Англии в Турции, она пошла на него войной (по своему стародавнему обычаю в основном чужими руками). Но в 1919 г. отношение англичан к кемалистскому движению до конца еще не определилось. Опираясь на Порту как на главный рычаг своей политики в Турции, они одновременно пытались прибрать к рукам и кемалистов, дабы попытаться примирить их со Стамбулом или в крайнем случае использовать как запасной вариант в своих целях. В такой ситуации открытая поддержка курдского национализма даже в виде принятия мандата над Турецким Курдистаном могла только помешать.

Вообще сама идея мандата над Курдистаном была для Лондона в тот период неприемлема. По понятным причинам он не желал видеть мандатариями ни Францию, ни США, но и сам не спешил брать на себя эту роль. Имея «под рукой» правительство Дамада Ферид-паши, пользовавшееся полным доверием Мехмеда VI Вахидеддина, англичане рассчитывали единолично управлять всей Турцией. Они вели с Ферид-пашой переговоры о мандате на всю Турцию. В литературе можно встретить утверждение, что 12 сентября 1919 г.¹⁴⁸ об этом Ферид-паша подписал с Англией тайное соглашение, предусматривавшее, в частности, независимость Курдистана. Хотя англичане и турки отрицали наличие такого договора и текста, его достоверно никто не видел, да и осуществить передачу Англии мандата на всю Турцию было практически невозможно из-за неминуемого сопротивления других членов Антанты¹⁴⁹, несомненно, что Англия пыталась в то наиболее благоприятное для нее время лишить своих союзников причитавшейся им доли турецкой добычи, ус-

тановив тем или иным способом косвенный контроль над всей страной. При такой установке отдельный мандат над Курдистаном был просто излишним, а вот его независимость (вернее, разговоры о ней) могла сослужить Лондону полезную службу, сохранив его действительное влияние в этом стратегически важном районе и в то же время позволив отвергать обвинения в нарушении завоевавшего большую популярность принципа самоопределения национальных меньшинств.

Но все это — из области «высокой политики», о чем специально речь будет идти дальше. Здесь же нас интересуют истоки конфликта между курдскими националистами и кемалистами, проявившиеся именно в итоге двух поездок Ноэля в Турецкий Курдистан в 1919 г.

Курдское движение и кемалисты

В период между первой и второй миссиями Ноэля в Анатолии, в том числе и в ее восточной части, произошли события важного исторического значения не только для Турции, но и для всех стран Ближнего Востока. Именно здесь возникло, окрепло и одержало первые политические и военные успехи турецкое национально-освободительное движение, явившееся ответом турецкой нации на империалистическую агрессию и антинациональную политику правящей верхушки агонизировавшей Османской империи — султанской клики и раболепствовавшего перед Англией стамбульского правительства. Появился и бесспорный лидер этого движения — генерал Мустафа Кемаль-паша, снижавший популярность в стране еще во время войны своими полководческими дарованиями и патриотическим поведением. Он быстро организовал альтернативный центр власти в Анатолии, объединивший в основном все патриотические и антиимпериалистические силы турецкого общества, который уже в конце 1919 г. обрел свою столицу — Ангору (Анкару). Перед Турцией вылезли новые горизонты, но предстояла еще долгая и упорная борьба против многочисленных и сильных врагов турецкой независимости.

Казалось бы, у курдского народа в этот период были те же враги и те же друзья, что и у турецкого, т. е. существовала объективная основа для союза между курдским и турецким национальными движениями. Но такой союз не сложился, более того, между этими движениями именно тогда возникла конфронтация, и надолго...

Тому были две основные причины. Первая коренилась в классовой природе любого буржуазного национализма, который органически не способен «мирно сосуществовать» с таковым же в одном государстве. Только при режиме развитой буржуазной демократии возникающие антагонистические противоречия могут быть смягчены или даже сглажены, но как показывает ев-

ропейский опыт, — только временно. Во всех же остальных случаях неизбежно возникновение антагонистических противоречий в системе «господство — подчинение» между господствующей нацией, т. е. этническим большинством, и национальными меньшинствами. Именно это произошло в новой Турции уже на первоначальном этапе ее истории. Кемализм — безусловно прогрессивное в ту историческую эпоху общественное движение, обладавшее большим зарядом антиимпериализма, резко враждебное старотурецким феодально-клерикальным традициям, ориентированное на дружбу и помощь со стороны Советской России, — при всем том в аспекте своих внутривнутренних установок не выходил из рамок турецкого буржуазного национализма, обремененного грузом великодержавных предрассудков, питавшихся воспоминаниями о былом величии Османской империи.

Вторая причина заключалась в особенностях молодого, недавно возникшего курдского национализма. Он был слишком слаб и незрел в политическом и организационном отношениях, чтобы надеяться самостоятельно, действуя в одиночку, добиться быстрого и осязаемого успеха — независимости хотя бы части территории этнического Курдистана, реальнее всего — Турецкого Курдистана. Нужна была внешняя помощь, которая и была предложена Англией. Естественно, что Лондон при этом руководствовался вовсе не курдскими, а собственными, сугубо колониалистскими мотивами, в конечном счете направленными и против интересов курдского народа. Курдские же лидеры, идя на сближение с Англией в лице представителей ее дипломатических, военных и разведывательно-политических служб, также рассчитывали на признание с ее помощью права курдского народа на самоопределение, а не на исполнение роли британских марионеток¹⁵⁰. Даже члены стамбульского правительства и султанский двор, послушно следуя приказам Антанты, старались сохранить от старой османской системы то, что было возможно.

Но то были все субъективные намерения. Объективно же вскоре после перемирия возник временный союз между Англией и руководством находившегося в Стамбуле центра курдского национализма. Роль посредника играло находившееся под контролем партии «Хюрриет ве итиляф» («Свобода и согласие») стамбульское правительство, состоявшее из отъявленных англофилов (и первый из них — двукратно занимавший пост великого везира Дамад Ферид-паша). Поэтому кемалисты имели все основания видеть в курдских националистах, возглавлявшихся стамбульскими «нотаблями» (Абдул-Кадыр, бадрханиды и др.), своих непримиримых политических противников.

Правда, как уже говорилось, Турецкий Курдистан отнюдь не контролировался ни стамбульским правительством, ни руководителями курдских политических организаций. Влияние националистов на племена было, в общем, незначительным и не повсеместным¹⁵¹. Продолжали существовать объективные причины, которые могли бы способствовать (и часто на деле спо-

собствовали) сближению, а то и союзу курдского национально-го движения с турецким (в особенности продолжение и расширение агрессии французских и английских империалистов в Южной и Юго-Восточной Анатолии). Тем не менее с самого начала по указанным причинам отношение кемалистов к курдской национальной идее и к ее проводникам было отчетливо враждебным. Создавалось даже впечатление, что влиятельные круги в кемалистском движении (особенно его правое крыло, исповедовавшее национализм шовинистического толка) сознательно раздували версию об агентурном, проанглийском характере всего курдского движения, дабы оправдать свой антикурдский курс. Миссии Ноэля в этом отношении давали им удобный предлог для раздувания антикурдской пропаганды.

Кемалисты с самого начала своей деятельности в Анатолии неоднократно видели доказательства несомненной заинтересованности англичан в курдском национальном движении и готовности Порты услужить им в этом деле. 13 апреля 1919 г. Шакир-паша, военный министр кабинета Дамад Ферид-паши, отдал распоряжение пограничным властям в Восточной Анатолии в случае требований англичан удерживать пограничных курдов от выступлений против них¹⁵². В конце мая того же года стало известно о переговорах капитана британского генштаба Вули с главой милли Махмуд-беем об образовании «независимого» Курдистана под протекторатом Англии. Вскоре с Махмудом встретился в Вираншехире Ноэль, подкрепив свои аргументы «кавалерией святого Георгия»¹⁵³. Правда, как уже говорилось, из этой затеи ничего не вышло. Ноэль агитировал перед членами курдского клуба за отделение курдских районов от Турции.

Таким образом, уже в начальный период развернувшегося в Анатолии турецкого национально-освободительного движения кемалисты столкнулись с интригами английской агентуры в курдских вилайетах. Примерно год спустя на сессии Великого национального собрания Турции (ВНСТ) Кемаль по поводу поездок Ноэля сказал следующее: «...англичане еще раньше всячески старались ввести в заблуждение весь Курдистан и отторгнуть его от турок и других единоверцев. Наибольшую активность проявлял один английский капитан или, кажется, майор; к сожалению, ему помогли также один-два мусульманина. В это время Невиль¹⁵⁴ и прибыл в Малатю, где вступил в контакт с Али Галибом-беем¹⁵⁵ и возглавил силы, которые предполагалось двинуть на Сивас»¹⁵⁶. Кемаль далее цитировал свое письмо новому великому везиру Али Риза-паше, пришедшему на смену Дамад Ферид-паше в начале октября 1919 г.¹⁵⁷ «Бывшее правительство прибегло к созданию бандитских шаек в Элязизском вилайете с целью истребления делегатов конгресса, ставших на защиту существования и священных прав нации. Оно также дало указания изыскать предлог для организации междоусобиц среди населения Сивасского и Элязизского вилайетов»¹⁵⁸.

Уже в этих кратких высказываниях Мустафы Кемалья выражено его отношение и к английской политике в Курдистане, и к самому курдскому движению («бандитские шайки»). Безусловно, Кемаль имеет в виду «весь» (в том числе арабскую и персидскую части) Курдистан, населенный единоверцами турок. Таким образом, притязание на «весь Курдистан» входило в политическое мышление Кемалья начального этапа национально-освободительной борьбы, для чего использовался и исламский аргумент.

Через семь с половиной лет после упомянутой сессии ВНСТ в пространной речи, произнесенной на втором съезде Народно-республиканской партии и изданной на нескольких языках, в том числе и на русском, с приложением многочисленных документов, Мустафа Кемаль вновь довольно подробно остановился на ситуации в курдо-армянских вилайетах весной, летом и осенью 1919 г., видимо придавая ей важное историческое значение. Приведенный в этой речи документальный и мемуарный материал прежде всего говорит о серьезных опасениях, которые ему внушал нарастающий подъем курдского национального движения в Восточной Анатолии. По его словам, цель Общества возрождения курдского народа¹⁵⁹, имевшего отделения в Диарбекире, Битлисе и Харпуте (очевидно, речь идет об упоминавшихся курдских клубах), с руководящим центром в Константинополе, «заключалась в создании курдского государства под иностранным протекторатом»¹⁶⁰. Аналогичная информация поступала с мест. Временно исполняющий должность вали в Диарбекире сообщал Кемалю о создании «несколькими молодыми людьми» курдского общества, которое «начало вести пропаганду за создание автономного Курдистана под английским протекторатом». Далее, извещая о деятельности Ноэля, о роспуске общества и преследовании его членов, информатор утверждал, что население вилайета «резко отклонило подобную пропаганду»¹⁶¹.

В своем ответе Кемаль писал: «Я вполне одобрил ваши меры в отношении курдского клуба». Но дальше он предложил не ужесточать репрессии против членов клуба, а, напротив, объединяться с ними против Антанты в рамках возникших тогда в Анатолии обществ «Защиты прав» и «Против аннексии»¹⁶². Вероятно, в это время (июнь 1919 г.) у него возникло серьезное намерение оторвать участников курдского национального движения, объединявшихся в провинциальных курдских клубах, вроде диарбекирского, от стамбульских нотаблей и английской агентуры. В частном письме «некоторым лицам в Константинополе» (т. е. своим единомышленникам) от 21 июня он писал: «Созданные английской пропагандой движения, например развертывающееся теперь движение за курдскую независимость, когда встал вопрос расчленения империи, повернулись, слава богу, в нашу пользу. Благодаря переписке с участниками этих движений последние были привлечены к общему делу и вместе

с нами объединились вокруг халифата и короны. Между нами установилось полное согласие, и они были приглашены на конгресс»¹⁶³.

Попытка привлечь на сторону турецкого национально-патриотического движения курдских вождей была предпринята на Эрзерумском конгрессе. Членом избранного конгрессом и возглавлявшегося Кемалем «Представительного комитета» был избран и вождь племени мотки Хаджи Муса-бей (правда, никак не проявивший себя и названный Кемалем «случайным» человеком)¹⁶⁴. В публикации упомянутой речи Кемалья приводится его обращение к вождю одного курдского племени из Гарзана Джемилю Чато-бею с приглашением присоединиться к Обществу защиты прав восточных вилайетов. Обращение было насыщено комплиментами в адрес вождя, перемежавшимися с обвинениями против англичан¹⁶⁵. Это обращение, публиковавшееся в качестве примера, было не единственным.

В обращении с курдской племенной верхушкой кемалисты не только пускали в ход эмоции, но и выставляли себя защитниками халифата и султаната. Своими непосредственными врагами они объявляли только иностранцев (главным образом англичан и послушных им греков) и раболепствовавшее перед ними стамбульское правительство, особенно ненавистного всем турецким патриотам Ферид-пашу¹⁶⁶. Это было характерно для политической тактики кемалистов на первоначальном этапе их борьбы, когда они стремились расширить социально-политическую базу своего движения. Но для привлечения курдов они выдвинули еще один испытанный (для всех турецких националистов) аргумент — армянский вопрос, обострению которого (на беду всему армянскому народу) способствовала политика дашнакских правителей «независимой» Армении, направляемых режиссерами из держав Антанты.

Кемалисты и поддерживавшая их верхушка армейского командования в Восточной Анатолии использовали амбициозную и провокационную внешнюю политику дашнакской Армении для того, чтобы направить курдское национальное движение в нужное для них русло. Среди курдов велась агитация за единение с турецким населением против территориальных посягательств Армении. По словам командующего 12-м армейским корпусом Селяхеддина, основой турецко-курдского союза должно быть «недопущение разделения территорий между турецким и курдским большинством и разными меньшинствами, проживающими на той же территории»¹⁶⁷. Селяхеддин, ссылаясь на мнение политических партий, допускал переселение турок и курдов из некоторых районов, передаваемых армянам, но только при условии принятия американского мандата над всей Турцией¹⁶⁸. Кемаль, не упоминая об американском мандате, резко возражал против уступки Армении территории тех восточных вилайетов, где большинство населения составляли к тому времени турки и курды. «Даже до войны население этих районов¹⁶⁹, — пи-

сал он в ответ Селяхеддину, — состояло в большинстве из турок, ничтожного количества курдов, так называемых *заза*¹⁷⁰, и очень небольшого количества армян»¹⁷¹.

Использование империалистами движений этнических меньшинств Османской империи, особенно христианских, безусловно способствовало разжиганию исторически укоренившихся шовинистических настроений у турецких буржуазных националистов всех оттенков, в том числе и у кемалистов (не говоря уже о феодально-клерикальном лагере). Резко армянофобски традиционно была настроена высшая армейская верхушка. Однако попытка кемалистов, манипулируя «армянской угрозой», вбить клин между курдским «мозговым центром» в Стамбуле и курдами Восточной Анатолии, в общем, потерпела неудачу. Анти-армянская почва была слишком зыбкой, чтобы построить на ней прочный фундамент турецко-курдского сотрудничества: противоречия между турецкими и курдскими националистами были антагонистическими, допускающими лишь временные компромиссы (когда внешняя угроза со стороны империалистов одновременно касалась и Турции, и Курдистана).

Лишь в отдельных случаях зарегистрированы нападения курдских и турецких (точнее, азербайджанских из Нахичевани) иррегулярных отрядов на армянские селения (в Кагызмане и в других пунктах в районе тогдашней фактической границы между Турцией и Арменией)¹⁷². В целом же нет фактов, которые говорили бы о сколько-нибудь серьезной вспышке курдо-армянской национальной резни в рассматриваемое время. Это свидетельствует о более зрелом состоянии курдского общества в целом и курдского национализма в частности в сравнении с предшествовавшими десятилетиями. Поднимавшиеся на борьбу за свои национальные права курдский народ, его лидеры ясно видели своих действительных противников и не давали себя отвлекать на давно изжившую себя вражду с армянским народом.

Кемаль и его соратники очень быстро разуверились в возможности приручить курдов и заручиться лояльностью их вождей и националистических лидеров (впрочем, на последних они, наверное, и не рассчитывали). Сильное беспокойство у кемалистов вызывала заметная активизация курдских нотаблей из Стамбула, их стремление установить непосредственный контакт с вождями Восточной Анатолии. Еще в июле 1919 г. Кемаль, прознав о поездке из Стамбула в Курдистан Джебедета, Камурана и Экрема Бадраханов, негласно приказал командующему 13-м корпусом в Диарбекире арестовать их. Местные власти не решились на эту меру без санкции Порты. Бадраханы с помощью Хартута Али Галиб-бея успели скрыться. Разгневанный Кемаль предписал властям «принять меры к тому, чтобы лишить сапаратистское курдское движение какой бы то ни было благоприятной почвы»¹⁷³.

В публикации речи Кемалья все эти события изложены довольно сумбурно, с нарушением хронологии и последовательно-

сти событий. Неясно, в частности, посетил ли Ноэль Турецкий Курдистан летом 1919 г. Молчат об этом и английские источники. Сам Кемаль всячески стремился выпятить причастность англичан к курдским волнениям, подчас не утруждая себя доказательствами. Например, ничем не подкрепляется его утверждение, что англичане готовы были послать из оккупированной ими Урфы дивизию на помощь курдам¹⁷⁴. Голословными выглядят и некоторые другие сведения, содержащиеся в данной публикации. Создается впечатление, что Кемаль сознательно сгущает краски, чтобы нарисовать картину крупного англо-курдского заговора с целью отторжения от Турции всей Восточной Анатолии, создания на ее территории сателлитного курдского государства и удушения турецкого национального движения.

Однако несомненно и то, что у кемалистов были основания для тревоги, и немалые. Курдские племена в районе Малатии, Харпута и Дерсима находились в состоянии брожения, подогреваемого репрессиями кемалистов против отдельных непокорных вождей и эмиссаров стамбульских националистов. Курдское движение представляло для кемалистов особую опасность еще и потому, что оно возникло и развивалось в непосредственной близости от их главной базы, находившейся в Восточной и Центральной Анатолии, где начала консолидироваться их политическая власть. Необходимо было возможно скорее и с наименьшими помехами завершить этот процесс. Вот почему Кемаль и его окружение стремились в зародыше подавить курдский «сепаратизм», дабы не дать ему разрастись до действительно грозных размеров.

Наибольшей остроты ситуация в указанном районе достигла в первой половине сентября 1919 г. В это время в Центральной и Восточной Анатолии произошли два далеко не равнозначных события. Первое — конгресс обществ защиты прав всей Турции в Сивасе (4—12 сентября), на котором произошла дальнейшая консолидация турецкой национальной власти, было образовано Общество защиты прав Анатолии и Румелии и избран новый Представительный комитет — фактически временное правительство — во главе с Кемалем. И второе — поездка майора Ноэля в сопровождении Камурана и Джебедета Бадраханов и других влиятельных курдских националистов в некоторые районы Юго-Западного Курдистана (главным образом в Айнтеб и Малатию).

Историческое значение Сивасского конгресса, как и предшествовавшего ему Эрзерумского, в становлении и развитии турецкого национально-освободительного движения известно и оценено достаточно высоко. Однако сопоставлять с этим событием миссию Ноэля и его курдского эскорта и тем более утверждать, что она могла решающим образом повлиять на его ход и результаты, нет достаточных оснований. Конечно, прибытие Ноэля в эту «горячую точку» Турецкого Курдистана подлило масла в огонь, особенно если учесть враждебную обстановку

вокруг Сивасского конгресса, которую создали многочисленные внутренние и внешние враги кемалистского движения.

Главным очагом курдских волнений был тогда район Малатьи, где, по слухам, курды собирались поднять свой национальный флаг. Говорили также о намерении курдов Дерсима пойти на Харпут. На Сивасском конгрессе Кемаль выступил с информацией о событиях с Малатье, обвинив Ноэля и его окружение в стремлении поднять восстание курдов «под лозунгом создания независимого Курдистана»¹⁷⁵. Кемалисты обвиняли мятежников-курдов в сговоре с военным министром и министром внутренних дел стамбульского правительства с целью нападения на Сивасский конгресс и провоцирования восстания во всем Курдистане¹⁷⁶. Кемаль в телеграмме султану (от 11 сентября 1919 г.) обвинял правительство Ферид-паши в том, что оно «приступило к разделу... родины, материально поддерживая сепаратистское движение в Курдистане»¹⁷⁷.

«Для подавления начинающегося волнения» кемалисты приняли экстренные и эффективные меры. 10 сентября 1919 г. Мустафа Кемаль дал командиру 15-го полка Ильяс-бею следующую директиву: «Необходимо самым радикальным образом надлежащими средствами подавить курдское движение и повсеместно оповестить ни в чем не повинное и лояльное население, что эти бежавшие изменники, соблазненные английскими деньгами, пытались убедить курдов поднять восстание против падишаха и армии и что те, кто попадет в их западню, будут беспощадно истреблены.

Следует также иметь в виду возможность совместных выступлений этих предателей с англичанами и то обстоятельство, что в связи с этим может возникнуть необходимость оказать сопротивление даже иностранным войскам, угрожающим нашему национальному существованию»¹⁷⁸.

В Малатью было направлено несколько небольших подразделений турецких войск (каждое не превышало размеров взвода или эскадрона), при приближении которых курдские повстанцы (вернее, считавшиеся таковыми) числом менее 1 тыс. рассеялись, не приняв боя. Бадрханы, а также помогавшие им вали Харпута Али Галиб-бей, мутесарриф Малатьи Халиль Рами-бей и некоторые другие переехали в Урфу и Халеб, где были расположены британские войска¹⁷⁹.

Пришлось ретироваться и Ноэлю. Кемаль грозил арестовать его, но не решился на такую крайнюю меру. Англичане, со своей стороны, видимо, сочли несвоевременным обострять отношения из-за курдов, в своей основной массе не желавших бороться за британские интересы, с такой сильной личностью, обладавшей вполне реальной властью на значительной части Анатолии, как Мустафа Кемаль. Поэтому они фактически дезавуировали Ноэля.

13 сентября 1919 г. в Малатью прибыл полковник Белл из «Интеллидженс сервис», который заявил турецким властям,

что английское правительство не знало о действиях Ноэля и он будет отозван, что незамедлительно и произошло¹⁸⁰.

Такова была внешняя канва событий, связанных с ситуацией в Турецком Курдистане весной, летом и в начале осени 1919 г. Обращает на себя внимание, что реакция кемалистов на волнения курдских племен, деятельность националистов и интриги англичан была неадекватна масштабу и значению означенных событий. Ведь имеющиеся в наличии факты не подтверждают существования в указанный период какого-либо значительного курдского движения в Турции ни в отношении территории его распространения, ни в отношении количества участников. Курдские выступления охватили сравнительно небольшую территорию в районах Малатьи, Харпута (Элязыга), Дерсима (Тунджели); весь остальной Турецкий Курдистан остался затронутым. Да и выступления эти, в сущности, не вышли из подготовительной стадии, каких-либо серьезных вооруженных столкновений не отмечено. Показательно, что карательному отряду кемалистов противостояло менее 1 тыс. курдов, рассеявшихся, по существу, без единого выстрела. Ясно, что никакой серьезной угрозы Сивасскому конгрессу при наличии у кемалистов, может быть, небольших, но боеспособных воинских контингентов¹⁸¹ эти мизерные силы не представляли. Поэтому утверждение, что враги кемалистов планировали силами курдских повстанцев осуществить разгон Сивасского конгресса¹⁸², представляется необоснованным или, во всяком случае, сильно преувеличенным¹⁸³.

Также преувеличены страхи кемалистов перед курдскими националистами и их связями с англичанами. Кемаль и его окружение не могли не понимать, что поездка нескольких бадрханидов и одного английского майора в Курдистан еще не делает погоды, особенно при отсутствии в курдских вилайетах массового антитурецкого освободительного движения. Это не было из ряда вон выходящим событием, на которое следовало бы реагировать так резко. Но причины для большого шума насчет «курдской угрозы» и «британских интриг» у Кемалья были, и достаточно веские.

Главная из этих причин — стремление использовать обострившийся курдский вопрос для борьбы против своих политических противников в самой Турции и для развертывания пропагандистской кампании против Англии, самого сильного и опасного противника турецкого национально-освободительного движения. Имея в виду эту цель, Кемаль и раздувал, в общем, малозначительный инцидент в Малатье до размеров «государственной опасности». Это было тем удобнее, чем в инциденте были одновременно замешаны и кабинет Дамада Ферид-паши, свержения которого как антинационального добивались все турецкие патриоты с кемалистами во главе, и англичане. Таким образом, налицо был как бы двусторонний заговор против турецкой независимости, основной движущей силой которого выступ-

пал жупел курдского сепаратизма. Так интерпретировал события сам Мустафа Кемаль впервые еще на Сивасском конгрессе, в развернутом виде повторив эту далекую от истины версию на втором съезде НРП в 1927 г. С тех пор она стала традиционной для турецкой историографии, перейдя частично и в зарубежную¹⁸⁴.

Кемалисты манипулировали курдским вопросом в чисто политических целях, преувеличивая его действительное значение в период Эрзерумского и Сивасского конгрессов. Однако такой подход отражал лишь конъюнктурный момент, «злобу дня», а отнюдь не объективную роль курдской национальной проблемы в послевоенной Турции. Кемалисты во главе с их прозорливым лидером прекрасно понимали, какую потенциальную угрозу может представить для них курдское национальное движение в его дальнейшем развитии. И как истые буржуазные националисты они спешили упредить события, подавить это движение в зародыше. Такова была другая причина обостренной реакции кемалистов на выступления курдов в Малатье, Харпуте и Дертисе.

Итак, с самого начала своей политической деятельности кемалисты в национальном вопросе, имевшем жизненно важное значение для Турции, проводили последовательно шовинистическую линию. Она прослеживается буквально с первых их шагов как самостоятельной политической силы. Уже резолюция Эрзерумского конгресса фактически отвергала сам принцип территориального и любого другого самоопределения этнических меньшинств и даже не содержала упоминания о существовании таковых. Она гласила:

«§ 1. Восточные вилайеты Малой Азии, вилайет Трапезунда и санджак Джаника составляют единое, неделимое целое и входят в качестве интегральной части в состав Османской империи. Вилайет Трапезунда (современный Трабзон) с санджаком Джаник, равно как и вилайеты Эрзерума (современный Эрзурум), Сиваса, Диарбекира, Харпута, Вана и Битлиса, именуемые вилайеты Восточной Анатолии, и все автономные санджаки, расположенные в районе этих вилайетов, не могут никоим образом, ни под каким видом и ни по какому поводу быть отчуждены друг от друга и составляют таким образом единое целое, все части которого вполне солидарны между собой, будь то в дни несчастья или в дни благополучия, и стремятся в вопросах, касающихся их будущей судьбы, к достижению одной и той же цели. Мусульманские элементы, населяющие эти области, охвачены одинаковыми чувствами взаимного уважения и самопожертвования и считают себя братьями, рожденными от одних родителей, в учете этнического и социального положения каждого из них, равно как и иных условий, свойственных тем местностям, в которых они проживают.

§ 2. Рассматривая всякую оккупацию нашей территории, равно как и всякое вмешательство в наши дела как тенденцию,

направленную к созданию греческой и армянской общины, мы выдвигаем принцип самообороны и взаимной поддержки»¹⁸⁵.

Аналогичный характер носила и резолюция Сивасского конгресса. В ней говорилось: «Территории, находящиеся в пределах границ, определенных условиями перемирия, подписанного 30 октября 1918 г. между союзниками и Османской империей, большинство населения которых составляют мусульмане, представляют собой единое неделимое целое. Все жители этих территорий, одинаково проникнутые чувством солидарности и взаимного уважения, в учете существующих географических и этнографических условий должны рассматриваться как родные братья»¹⁸⁶.

Патриотическая и антиимпериалистическая направленность этих деклараций несомненна. Но несомненно также и стремление кемалистов и всех блокировавшихся с ними политических группировок под прикрытием этих действительно прогрессивных для конкретных условий того времени лозунгов предотвратить подъем национального движения меньшинств, снять с повестки дня родившейся новой Турции национальный вопрос. Таким образом, для борьбы против сил реакции и империализма кемалисты призывали к сплочению всех народов Турции, но осуществлять это сплочение собирались не на демократической, а фактически на шовинистической основе в соответствии с классовыми интересами турецкой буржуазии. Невразумительные и ни к чему не обязывающие слова об учете «этнических» или «географических и этнографических условий» ничего не меняли. В наиболее завершенном виде программа кемалистов по национальному вопросу в рассматриваемый период отражена в «Национальном обете», принятом находившимся под полным контролем кемалистов османским парламентом в Стамбуле 28 ноября 1920 г. «Национальный обет» («Misaki milli») стал знаменем освободительной, антиимпериалистической борьбы турецкого народа, но по национальному вопросу в нем значилось следующее:

«1. Судьбу территорий, на которых преобладает исключительно арабское население и которые в момент подписания перемирия 30 октября 1918 г. были оккупированы неприятельскими армиями, необходимо определить согласно свободно выраженному желанию населения означенных территорий. Все части территорий, находящиеся как по ту, так и по другую сторону линии, установленной перемирием, в которых преобладает османское мусульманское население, объединенное узами крови и религии, воодушевляемое чувством уважения и готовностью жертв в отношении друг друга и связанное священным для населения национальным и общественным укладом, равно как и местными условиями, представляют из себя единое целое, разделить каковое ни юридически, ни фактически не представляется возможным в силу каких бы то ни было мотивов...

5. Права меньшинств в рамках соглашений, принятых меж-

ду державами Соглашения и их противниками, а также третьими заинтересованными державами, будут нами обеспечены в надежде, что таковые же права будут предоставлены мусульманскому населению в соседних странах»¹⁸⁷.

В этом программном документе примечательны три момента:

11. Кемалисты декларировали свои несомненно шовинистические убеждения с явным османистским и исламистским оттенком, но в отличие от младотурок их националистические идеалы не простирались далее пределов самой Турции, были реалистичны¹⁸⁸.

22. Кемалисты полностью отвергали территориальное самоопределение меньшинств и вообще какие-либо административно-политические меры по решению национального вопроса в стране даже в ограниченных рамках буржуазного национализма и буржуазной демократии; в сущности, они отрицали само наличие в Турции этого вопроса.

33. Вынужденные признать проблему меньшинств как международную (что они не сделали ни в Эрзеруме, ни в Сивасе), кемалисты ловко как бы переадресовали ее Антанте, что позволяло им практически уклониться от ее решения.

Такова была система взглядов кемалистского руководства на национальную проблему в Турции, в том числе и на наиболее актуальный для нее в то время (как и впоследствии) курдский вопрос. Разумеется, ничего хорошего это курдам не сулило. Что касается Англии и других империалистических держав, то избранный кемалистами с самого начала шовинистический курс по отношению к этническим меньшинствам Турции, в особенности к курдам, давал им прекрасные поводы для вмешательства, чем они неоднократно и пользовались.

Однако в начальный период национально-освободительного движения в Турции, до его решительной победы над силами внутренней реакции и поддерживавших их империалистических агентов, завершившейся утверждением в стране нового республиканского строя, открытой и всеобщей конфронтации между кемалистской властью и курдским национальным движением не произошло. Железной рукой подавляя отдельные выступления курдов, кемалисты предпочитали проводить в курдском вопросе политику скорее пряника, чем кнута.

Проведение гибкой и осторожной тактики по отношению к турецким курдам диктовалось необходимостью избежать опасного отвлечения сил от главной общенациональной задачи — завоевания независимости страны. По отношению же к курдам Ирака, Сирии и Ирана кемалисты заняли позицию поощрения их освободительной борьбы против английских и французских колонизаторов и их арабских и иранских подручных, дабы нанести возможно больший ущерб военно-политическому потенциалу Англии и Франции на ближневосточной арене. При этом кемалисты рассчитывали, что такая поддержка окажется ум-

ротиворящее воздействие и на курдов Турции, которым были далеко не безразличны дела их закордонных соплеменников. Да и самим турецким курдам были вовсе не чужды антиимпериалистические и патриотические настроения, подогреваемые агрессивными действиями англо-французов, а также провокациями подталкиваемых ими дашнаков в Восточной и Юго-Восточной Анатолии. Таким образом, в то время объективно существовала почва, на которой побудительные мотивы турецкого и курдского национальных движений частично совпадали. Этим и пытались, в основном безуспешно, воспользоваться в своих интересах кемалисты. Словом, речь могла идти только о временном союзе между кемализмом и курдским движением, в основном той его частью, которая непосредственно противостояла англо-французским интервентам и дашнакам.

Стремясь стабилизировать и по возможности улучшить отношения с курдами в начальный и самый критический период своего движения, кемалисты пошли на некоторые идейно-политические уступки курдской феодально-племенной верхушке, равно как консервативным кругам в самом турецком обществе. Как уже указывалось, они не только не спешили отвергнуть старые османистские, исламистские и «царистские» (традиционное почитание султана-халифа) идеалы, но и использовали их в своих политических целях. Даже по отношению к непосредственному врагу кемалистов — стамбульскому правительству соблюдалась осторожность. Как писал временно командующий 13-м корпусом сразу после окончания Сивасского конгресса, разрыв с правительством преждевременен из-за настроения населения вилайетов Харпут и Диарбекир, где «английская пропаганда и некоторые молодые курды» мешают национальному единству. «Необходимо учитывать, что только при помощи политики почитания халифата мы сможем удерживать многочисленные арабские и курдские племена моего района от выступления»¹⁸⁹. Кемалисты и лично их лидер организовали ряд встреч с курдскими вождями, на которых пытались отвлечь их от национального движения и настроить против правительства Ферид-паши¹⁹⁰.

Кемалисты не оставляли попыток сплотить курдских вождей Восточной Анатолии на антиармянской платформе, благо дашнаки давали тому достаточно поводов. В конце декабря 1919 г. Мустафа Кемаль собрал в Эрзеруме предводителей некоторых курдских и арабских племен; на обсуждение были представлены меры по борьбе против Армении. На этой встрече присутствовали и представители муссаватистского Азербайджана. Мустафа Кемаль предложил создать «исламские силы» («кувва-и исламийе») из курдских и арабских племен под командованием соответствующих вождей¹⁹¹. Примечательно, что не было принято никаких попыток к реализации этого плана — еще один признак резкого ослабления «традиционной» курдо-армянской вражды.

Усилия кемалистов по тушению начинавшегося пожара в Ту-

реком Курдистане увенчались успехом (пусть частичным). Им удалось предотвратить перерастание спорадических выступлений (наподобие вспыхнувших в Малатье или Дерсиме) во всеобщее курдское восстание, которое могло бы потрясти устои их еще неокрепшей власти. Внутренний курдский фронт в Восточной Турции так и не возник. Более того, в связи с активизацией агрессивных действий держав Антанты против Турции часть курдского населения была вовлечена в нараставшую антиимпериалистическую борьбу главным образом на юго-восточной периферии страны, где курды непосредственно встретились с французскими и английскими интервентами. Курды сражались против французских, английских, итальянских и греческих интервентов и в рядах многочисленных партизанских отрядов, и в частях создававшейся кемалистами регулярной армии, и самостоятельно — в племенных ополчениях.

Особенно активным было участие курдов в борьбе против французской интервенции в Киликии, непосредственно примыкавшей к курдским вилайетам и частично населенной курдами. Здесь предводители курдских племен, имевшие боевой опыт, часто командовали турецкими партизанскими отрядами и, откликнувшись на специальное обращение кемалистов, отличались в боях в районе Урфы¹⁹². В конце декабря 1919 г. курды выбили французов из Мараша, не сумев, однако, удержать город¹⁹³. Курды, проживавшие в районе нынешней турецко-иракской границы, по-прежнему, как уже отмечалось, занимали антианглийскую позицию; в Джазира-ибн-Омаре, Ширнаке и других местах нередко происходили столкновения между ними и английскими карательными отрядами¹⁹⁴. Среди курдов Захо, Эрбиля, Акры, Кой-Санджака и Сулеймании большое недовольство вызвало намерение англичан исключить эти районы из курдского государства, которое предполагалось создать на территории Турецкого Курдистана¹⁹⁵. И хотя кемалисты, разумеется, были против создания такого государства, они всемерно подогревали антианглийские настроения у курдов пограничной полосы и Южного Курдистана¹⁹⁶.

Таким образом, на заре кемалистского движения во взаимоотношениях между ним и курдами было немало позитивных моментов, основанных на общих интересах в борьбе против интервенционистской политики западных колонизаторов. Отчасти эта линия продолжалась и в дальнейшем, пока национально-освободительное движение в Турции не одержало решительную победу. Однако в течение всего этого периода прослеживается и противоположная тенденция, отражающая непримиримое противоречие между конечными целями турецкого и курдского национальных движений.

События, происходившие в Турецком Курдистане в период Эрзерумского и Сивасского конгрессов, не могли, разумеется, способствовать улучшению отношений между курдскими националистами в Стамбуле и кемалистами. Напротив, первые успехи

кемализма, укрепление его военно-политических позиций в Анатолии, обнародование им своих внутри- и внешнеполитических программ расширяли брешь между ним и курдским национализмом, устами своих лидеров неоднократно провозглашавшим стремление к освобождению Курдистана от любой формы турецкого господства. Несовместимость и антагонистичность кемализма и курдского национализма были очевидны для всех наблюдателей уже в середине 1919 г.¹⁹⁷

Сам Кемаль был полон подозрений в отношении намерений и деятельности курдских национальных организаций в Стамбуле — Ассоциации курдского прогресса (Курд теали джемиети), Национального курдского клуба (Курд милли джемиети) и других, менее влиятельных. Впоследствии он опубликовал документы, призванные подтвердить наличие в столице крупного курдско-английского заговора, в центре которого стоял некий Саид Молла. Как можно понять из этих документов (довольно туманных и противоречивых), заговорщики посылали эмиссаров в Курдистан и хотели возвести на пост великого везира Зеки-пашу, организатора хамидие и армянских погромов в середине 90-х годов, пользовавшегося «авторитетом и влиянием среди курдов».

Прямых доказательств Кемаль, как водится, не приводит, но тем не менее патетически восклицает: «Мы прибегали ко всем средствам и мерам, имевшимся в нашем распоряжении, чтобы помешать этим широким планам, устранить опасность и выправить создавшееся таким образом положение. Мы прилагали большие усилия, чтобы подавить восстание, мятежи и отбить нападения регулярных сил противника»¹⁹⁸. Налицо явные преувеличения.

С особым пылом обвиняет Кемаль англичан. В письме одному из руководителей организованного Дамадом Ферид-пашой в Стамбуле Общества друзей Англии, пастору Фрю, упрекая его в поддержке Саида Моллы, Кемаль говорит: «Английский офицер Ноэль приложил много усилий, чтобы направить против национальных организаций курдское мусульманское население в районе Диарбекира. Он пытался также организовать в Малатье совместно с бывшим вали Харпута и мютесаррифом Малатьи удар против Сиваса. Разве эти действия дали какой-либо результат, кроме того, что покрыли стыдом цивилизованный мир?»¹⁹⁹.

В послании от имени Представительного комитета Общества защиты прав Анатолии и Румелии великому везиру Али Риза-паше, сменившему ненавистного всем турецким патриотам Дамада Ферид-пашу Кемаль, перечисляя «незаконные действия прежнего правительства», прежде всего упоминает согласие на Парижской мирной конференции «на образование обширной автономной Армении, включающей наши восточные вилайеты», и оставление «за пределами наших национальных границ» двух или трех вилайетов («приняв в качестве границы горы Тавра», т. е. значительную часть Турецкого Курдистана)²⁰⁰. Иными сло-

вами, кемалисты не собирались отдавать кому бы то ни было армянские и курдские земли.

Насколько этот вопрос Кемаль считал важным, показывает тот факт, что в свой первый визит в Анкару, ставшую вскоре столицей Турции, он специально остановился на нем в речи перед «нотаблями» города 31 декабря 1919 г. О границах Турции в речи говорилось: «Граница эта включает в свои пределы те территории, которые действительно находились во власти нашей армии в день заключения перемирия. Она начинается с пункта побережья к югу от залива Александретта, проходит затем через Антиохию, потом через Алеппо и через железнодорожную станцию Катма и доходит до Евфрата к югу от пункта Джераблус. Оттуда она спускается к Дейр Зор, затем идет на восток, включая в наши пределы Мосул, Киркук и Сулейманию. Эта граница не только фактически отстаивалась нашими вооруженными силами, но также включает в пределы нашей территории области, населенные турками или курдами. К югу от этой линии находятся наши единоверцы, говорящие на арабском языке. Мы признаем все части нашей территории, находящиеся внутри этой границы, единым целым, ни одна часть которого не может быть отчуждена»²⁰¹.

Как говорится, яснее не скажешь. Кемаль открыто выступил с притязаниями не только на Западный и Северный, но и на Южный Курдистан. Что касается «внутренней» политики кемалистов по курдскому вопросу, то и в период после Сиваса она шла в прежнем сугубо шовинистическом русле. Примечательна позиция армейской верхушки. Командующий 20-м армейским корпусом Махмуд писал Кемалю 17 октября 1919 г.: «Единственный способ урегулировать национальный вопрос в Турции заключается в обмене населением и территориями между Турцией и ее соседями. ...Правительство должно оказывать предпочтение туркам и мусульманам. Что касается меньшинств, то достаточно гарантировать их предводителям жизнь и сохранность имущества»²⁰². Командующий же 13-м армейским корпусом Джевдет, извещая Кемалю о нелояльности некоторых высокопоставленных чиновников в курдских вилайетах, заметил: «До заключения мира следует воздерживаться от посылки на высокие посты в Курдистан лиц местного происхождения»²⁰³.

Впрочем, в первые месяцы после Сивасского конгресса в Турецком Курдистане царило сравнительное затишье. С весны же 1920 г. здесь вновь возникли очаги волнений. И это было не случайно. С одной стороны, к этому времени значительно окрепла и консолидировалась кемалистская власть в Анатолии, обособившаяся в Анкаре с собственным парламентом (Великое национальное собрание Турции — ВНСТ) и правительством, которые возглавлялись одним человеком — Мустафой Кемаль-пашой. Внутриполитические успехи кемализма с его четкой националистической программой вызывали растущую тревогу в курдских кругах, настроенных сепаратистски. С другой стороны,

резко возросла напряженность в отношениях между кемалистским лагерем и поддерживаемым Антантой, особенно Англией, стамбульским правительством. Дело шло к открытому разрыву, который и произошел в апреле — мае 1920 г. Одновременно державы Антанты перешли к открытой интервенции против Турции (оккупация Стамбула английскими войсками 16 марта 1920 г.), а в июне греческие войска начали наступление в Анатолии. «Турецкий вопрос» вступил в свою критическую фазу. Вместе с тем возросла заинтересованность союзников в использовании курдов против кемалистского движения.

В мае — июне 1920 г. вновь поднялись племена милли во главе с Махмудом Исмаилом, Халилом Бахуром и Абдуррахман-беем. Они установили связи с французами и англичанами и призвали к объединению всех племен от Сирта до Дерсима. Когда французы начали наступление на Урфу, милли двинулись на Сиверек. Разбитые 3-й дивизией (19 июня) милли отступили на северо-восток, но в августе вновь перешли на турецкую территорию силами до 3 тыс. всадников и 1 тыс. пехоты и заняли Враншехир, откуда были выбиты в начале сентября²⁰⁴.

В это же время в качестве лидера курдского повстанческого движения выдвинулся вождь племени джибран Халид-бей, в свое время один из командиров хамидие. Он со своими соратниками в районах Варто, Хыныс, Малазгирт, Карлюова, Буланк развернул кампанию за независимый Курдистан, против решений Эрзерумского и Сивасского конгрессов и шовинистических положений «Национального обета». Началась подготовка восстания, для чего Халид-бей установил контакты со стамбульскими националистами²⁰⁵.

Пропаганду в пользу курдской независимости по-прежнему активно вели члены семьи Бадрхана, имевшие на то благословение англичан²⁰⁶. Их эмиссары в июне 1920 г. прибыли в Мосул и Захо. В пику им кемалисты усилили антибританскую пропаганду среди курдских племен Южного Курдистана и пограничной полосы²⁰⁷.

Итак, политическая ситуация в послевоенном Курдистане была достаточно сложной и противоречивой. Всюду ощущалось недовольство существующим положением. Освободительные идеи эпохи, распространявшиеся под влиянием Великого Октября, всколыхнули и курдское общество. Во всех частях Курдистана вспыхнула вооруженная борьба за независимость, заявил о себе курдский национализм как организованное политическое движение, ставившее своей конечной целью создание независимого и объединенного курдского государства. Одновременно отчетливо проявились и органичные недостатки, издавна присущие курдскому движению. Отдельные выступления не переросли во всеобщее восстание даже в пределах каждого из трех основных регионов Курдистана (Южного — Иракского, Восточного — Иранского, Западного и Северного — Турецкого), а курдский национализм обнаружил свою политическую и организацион-

ную слабость, полную зависимость от внешней поддержки, главным образом от Англии. Позиции официальных правящих кругов ближневосточных стран в курдских районах в это время значительно ослабли, но зато возросло влияние оппозиционных этим кругам националистов (в Иране и Ираке — несколько позднее), а главное — резко возросло вмешательство империалистических держав Антанты, главным образом Англии и Франции, в курдский вопрос, причем не только политическое, но и непосредственное военное. А это, собственно говоря, и явилось определяющим фактором в постановке курдской проблемы в течение всего послевоенного периода.

Судьба Курдистана и всего курдского народа решалась, таким образом, не в самом этом регионе и не в Стамбуле, Тегеране или Багдаде, а в Лондоне и Париже, а если брать первые послевоенные годы — именно во французской столице, где собравшаяся здесь конференция держав-победительниц вершила суд над побежденными странами Четверного союза, в том числе и над Турцией. Жертвами этого несправедливого суда, суда империалистов и колонизаторов, стали ни в чем не повинные народы, в том числе и курдский, которому минувшая война ничего, кроме кровавых бедствий и разорения, не принесла.

Глава IV

ПУТЬ К СЕВРУ

К моменту официального открытия Парижской мирной конференции и в ходе ее многомесячной работы курдская проблема уже объективно существовала как международная реальность, затрагивавшая жизненные интересы и держав-победительниц, и побежденных. Естественно, что судьба курдов и Курдистана сразу стала предметом обсуждения на дипломатических переговорах разного уровня, в том числе и самого высокого, а также в ходе реализации принятых руководством держав Антанты политических решений по «турецкому вопросу».

Приступая к рассмотрению дипломатической истории курдского вопроса, следует заметить, что в таком аспекте он еще специально не исследовался. В многочисленных исследованиях зарубежных и советских историков, посвященных становлению Версальской системы, в частности «турецкому вопросу», главное внимание уделялось судьбе самой Турции (Восточной Фракии и Анатолии), Константинополя и Проливов, арабских провинций Османской империи и, наконец, Армении. О курдах упоминали, как правило, походя, преимущественно в связи с армянской проблемой или спорами вокруг Мосула. Отчасти это объясняется исторической традицией, вернее — традиционной недооценкой места и значения курдской проблемы в международной жизни, по инерции продолжающейся и в новейшее время, вплоть до наших дней, и основанной в значительной степени на незнании фактов, отчасти — принятой «фигурой умолчания», когда хотят скрыть наиболее компрометирующие политику некоторых «своих» правительств факты. Отсюда происходят и неточности в географической терминологии, которая встречается в источниках и литературе того времени и которой пользовались фигурирующие в настоящей работе действующие лица. Так, термин «Курдистан» был распространен далеко не повсеместно и чаще всего применялся исключительно по отношению к Юго-Восточной Анатолии (к югу и юго-востоку от Диарбекира), населенной курдами. Весь остальной ареал тогдашнего этнического расселения курдов покрывался терминами «Армения» или «Мосул» (Мосульский вилайет), «Урмия», «Азербайджан» (Иранский), «Керманшах» и т. д. Поэтому не только в этническом, но и в политическом смысле понятие «курдский во-

прос» далеко выходило за рамки того Курдистана, о котором подчас говорили документы эпохи. И, напротив, когда упоминались Армения, Мосул, Урмия и т. д., нередко имелся в виду именно курдский вопрос, иногда только он.

Конечно, не следует и преувеличивать место и роль курдского вопроса в послевоенном мирном урегулировании. Существовала определенная шкала приоритетов, в которой на первых местах стояли такие актуальнейшие в то время международные проблемы, как «германский вопрос» или «русский вопрос» (т. е. судьба бывшей Российской империи, рассматривавшаяся под знаком организации свержения советской власти), или дележ германских колоний и «оттоманского наследства» (т. е. «турецкий вопрос» в широком смысле слова). Все эти темы достаточно полно разработаны в советской и зарубежной науке. Поэтому дальше речь будет идти исключительно о тех моментах в работах Парижской и других международных конференций, в которых прямо или косвенно затрагивался курдский вопрос, или сам по себе, в «чистом виде», или в связи с другими «вопросами» (прежде всего — армянским и арабским).

Курдский вопрос на Парижской мирной Конференции

Как уже отмечалось, тема Курдистана возникла в дипломатических переговорах, посвященных послевоенному будущему Германии и ее сателлитов, сразу после заключения перемирия, когда началась подготовка к Парижской мирной конференции. Как известно, в первые месяцы работы этой конференции, вплоть до подписания 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора с Германией, обсуждение условий мирного договора с Турцией было по понятным причинам отодвинуто на задний план. Турецкий договор обсуждался больше в порядке выработки основополагающих принципов и в тесной связи с германским договором. И дело здесь не только в том, что ближневосточные проблемы по своему значению уступали центральноевропейским. Именно подготовка турецкого договора вызвала наибольшее обострение межимпериалистических противоречий и поэтому оказалась для дипломатии держав Антанты самым трудным делом. Недаром этот договор был последним в ряду мирных договоров между державами Антанты и бывшего Четверного союза; он был подписан только 13 с половиной месяцев спустя после заключения Версальского договора.

Уже в предварительных переговорах, предшествовавших официальному открытию Парижской конференции, были затронуты вопросы, имевшие отношение к ситуации в населенных курдами районах Турции. После прибытия в Париж 13 декабря 1918 г. президента США В. Вильсона Ллойд Джордж и А. Бальфур спросили у него, «кто же именно должен взять на себя бре-

мя и найти пару дивизий или другие необходимые войска для защиты армян от резни». Этот же вопрос поднимал перед президентом и Керзон. Иными словами, обсуждалась возможность интервенции в районы, где наряду с армянами проживали мусульмане, в большинстве — курды.

Позиция Америки в этом вопросе весьма примечательна. Сперва Вильсон вообще уклонялся от ответа, а потом заявил, что следует обождать до создания Лиги наций и начала работы мирной конференции. «Тогда Соединенные Штаты, возможно, проявят большую готовность рассмотреть вопрос о вмешательстве в дела другой страны на основе мандата»¹. Таким образом, интервенция в принципе не отвергалась, а передавалась на усмотрение единолично Соединенных Штатов или Лиги наций, в которой они должны были верховодить.

На самой Парижской конференции о курдах впервые заговорили в конце января 1919 г. В резолюции, выработанной членом британской делегации видным южноафриканским военным и политическим деятелем генералом Я. Х. Сметсом и предложенной Совету десяти² 29 января, после того как обосновывалась необходимость отторжения от Германии колоний (по стратегическим соображениям и «для свободы и безопасности всех наций»), говорилось: «2. По тем же причинам, и в особенности из-за плохого управления турками в течение всей их истории подвластными народами и страшной резни армян и других народов в недавнем прошлом, союзные и неприсоединившиеся державы согласились, что Армения, Сирия, Месопотамия и Курдистан³, Палестина и Аравия должны быть полностью отделены от Турецкой империи. Это не должно причинять ущерб устройству других частей Турецкой империи». Далее проект резолюции, обещая народам этих стран «священную опеку цивилизации», гарантированную Лигой наций, предусматривал конкретно для «общин (Communities — М. Л.), ранее принадлежавших Турецкой империи» и достигших определенной стадии развития, введение мандатных режимов, призванных подготовить их к независимому существованию⁴.

30 января 1919 г. проект подвергся всестороннему обсуждению на Совете десяти. При этом выяснилась одна любопытная подробность. Оказывается, слово «Курдистан» в первоначальном проекте Совета не было. Ллойд Джордж, внося поправку к проекту британской делегации, сказал буквально, что, к сожалению, он пропустил одну страну, входящую в Турцию, потому что думал, что Месопотамия или Армения покрывают ее, но его информировали, что это не так. Это относится к Курдистану, который находится между Месопотамией и Арменией. Поэтому он предлагает, если нет возражений, включить в проект «и Курдистан». Возражений не последовало⁵.

Этот эпизод говорит о многом: во-первых, об общеизвестных пробелах в образовании английского премьер-министра, что в данном случае несущественно; во-вторых, о том, что термин

«Курдистан» в его политическом аспекте был еще нов и непривычен, только входил в дипломатический лексикон; в-третьих, о несомненном значении курдской проблемы для британской внешней политики и, в-четвертых, — что имелась в виду именно та часть Турецкого Курдистана, которая находилась между оз. Ван и Мосульским вилайетом.

На самой дискуссии 30 января Ллойд Джордж заявил, что Англия не имеет «ни малейшего намерения» стать мандатарием таких оккупированных ею территорий, как «Сирия и часть Армении»; «он думает, что то же можно сказать о Курдистане и части Кавказа, хотя они богаты нефтяными источниками». При обсуждении вопроса о возможном согласии Англии вывести свои войска из Сирии президент Вильсон добавил: «...или из Месопотамии», а Ллойд Джордж со своей стороны: «...или из Курдистана», но после того, как станут известными намерения военных⁶. По предложению Вильсона, в этот день было принято принципиальное решение об отделении от Турции Армении, Курдистана, Сирии, Месопотамии, Палестины и Аравии. «Итак, — восклицает американский историк Ховард, — 30 января 1919 г. европейские державы провозгласили конец Турецкой империи»⁷.

Таким образом, уже на предварительных переговорах и на первом глобальном обсуждении турецкого вопроса довольно четко прозвучала курдская тема, сперва как бы под сурдинку, а потом и в полный голос, наравне с другими ближневосточными сюжетами, интересовавшими руководителей Антанты. Хотя предстоял еще долгий и упорный торг и до принятий окончательных решений было далеко, начали выкристаллизовываться два основных момента в подходе держав-победительниц к курдской проблеме: Курдистан (имелись в виду находившиеся под османским суверенитетом курдские земли) должен быть отделен от Турции и поставлен под их контроль, осуществляемый Лигой наций посредством мандатной системы.

Словом, Курдистану, как и другим нетурецким частям Османской империи, была уготована фактически участь колонии. Впоследствии Ллойд Джордж напишет: «Парижские договоры означали национальное освобождение угнетенных народов в масштабах, какого не знали до тех пор послевоенные международные соглашения»⁸. Он вспомнит ответ союзных правительств президенту Вильсону в январе 1917 г. о целях войны: «...освобождение народов, подпавших под кровавую тиранию турок»⁹. Он патетически опишет «дикую расправу» Абдул-Хамида и младотурок над армянами и т. п. В то же время с первых же дней работы Парижской конференции союзники воздвигли китайскую стену между *освобождением* угнетенных турками народов и их *независимостью*.

Отказ меньшинствам Османской империи в предоставлении им подлинной независимости теоретически обосновал тот же Сметс (главный теоретик и практик расизма у себя на родине —

в Южной Африке) в своем известном меморандуме. «Отделившиеся от России, Австрии и Турции народы, — писал он, — в большинстве своем политически незрелы; многие из них либо совсем неспособны, либо малоспособны к самоуправлению; они большей частью очень обнищали и потребуют весьма внимательной заботы, прежде чем добьются экономической и политической независимости»¹⁰. Далее в меморандуме говорилось о закавказских и закаспийских областях России, о Месопотамии, Ливане и Сирии: «...они окажутся, вероятно, недостаточно развитыми в государственном отношении. Поэтому, хотя они, пожалуй, и способны осуществить внутреннюю автономию, они все же потребуют в большей или меньшей степени руководящей помощи от какой-нибудь другой внешней власти, которая смогла бы обеспечить им устойчивое управление». Палестину и Армению Сметс выделял в особую категорию мандатов: «Ввиду разнородности населения и его неспособности к сотрудничеству в управлении автономия в полном смысле слова в данном случае исключается; управление в очень большой мере будет осуществляться какой-либо внешней властью»¹¹.

Таким образом, подлинные замыслы империалистов Антанты в отношении этнических меньшинств Османской империи не вызывали никаких сомнений. Хотя в меморандуме непосредственно не упоминались курды, все сказанное в этом насквозь колониалистском документе относилось и к ним. Однако союзники не спешили конкретизировать свои планы решения турецкого вопроса вообще и курдского вопроса в частности, особенно на первоначальной стадии работы Парижской конференции, когда во главу угла ставился мирный договор с Германией. Каждый из них имел в разных регионах планеты свой главный интерес, которому были подчинены отдельные частные вопросы, в том числе и курдский. Эти вопросы первоначально использовались главным образом для торга. Поэтому ни одна из заинтересованных сторон явно не выставляла единоличных притязаний на ту или иную часть Османской империи, во всяком случае до принятия статуса Лиги наций (окончательно — 25 апреля 1919 г.), включавшего введение мандатной системы в нетурецких областях Османской империи и в германских колониях в Африке и Океании. Примечательно, что на заседании комиссии по выработке устава Лиги наций, 8 февраля 1919 г., при обсуждении упомянутой резолюции британской делегации по предложению итальянского премьера В. Орландо из текста после слов территории, ранее принадлежавшие Турции», «были благоразумно исключены» слова «которые включают Армению, Курдистан, Сирию, Месопотамию, Палестину и Аравию». Присутствовавший на этом заседании Д. Милнер особо отметил, что упоминание об Армении и Курдистане было бы «весьма затруднительным»¹². Вернее было бы сказать — «преждевременным».

Впрочем, особый интерес Англии к Курдистану уже и тогда был замечен. Это видно из протоколов заседания 30 января и

из других документов. Ллойд Джордж при обсуждении вопроса о необходимости упомянуть Курдистан начал распространяться насчет поддержания мира «между различными племенами»¹³. Неслучайны и его слова о «нефтяных источниках» и «намерениях военных». Ховард, рассуждая о послевоенных судьбах нетурецких владений Османской империи, совершенно справедливо заметил, что Ллойд Джордж, когда предлагал на заседании Верховного совета Антанты создать Курдистан между Арменией и Месопотамией, в действительности «был заинтересован в безопасном буфере между Мосулом и собственно Турцией»¹⁴.

После того как в конце января 1919 г. Антанта в принципе решила судьбу побежденной Османской империи на основе раздела между победителями как ее турецкой части (фактически), так и ее нетурецких владений (не только фактически, но уже и формально), турецкий вопрос на Парижской мирной конференции как бы сошел с повестки дня. Во всяком случае, официально он уже не рассматривался, перейдя на уровень частных, закулисных (двусторонних или трехсторонних) переговоров. Некоторые из них имели существенное значение. Так, 7 марта 1919 г. в здании Военного министерства Франции состоялось совещание Ллойда Джорджа, Клемансо и Хауза по турецкому вопросу. Хауз об итогах этой встречи сообщает двумя фразами: «В ходе дискуссии о расчленении Турецкой империи и Клемансо, и Джордж выразили пожелание, чтобы мы приняли мандаты над Арменией и Константинополем. Я полагаю, что Соединенные Штаты согласятся с этим, как только подобное предложение будет сделано»¹⁵. Сдержанность Хауза объясняется просто — нежеланием распространяться о степени вовлеченности США в империалистические планы раздела Турции.

Ллойд Джордж казался куда более откровенным, излагая содержание этой знаменательной беседы: Хауз сказал: «Америка ни в малейшей степени не желает брать на себя эти мандаты (на Константинополь и Армению.— М. Л.), но она сознает, что должна участвовать в этом деле и разделить со всеми общее бремя, и поэтому он считает, что она согласится взять на себя мандаты на Армению и Константинополь... Он сказал далее, что Америка, пожалуй, согласится осуществлять своего рода общее наблюдение над Анатолией. Тогда я сказал Клемансо: „Франция, я думаю, возьмет на себя Сирию“. Он ответил: „И Киликию“. Я сказал: „Этот вопрос между Вами и Америкой“. Он ответил: „Нет, этот вопрос между Вами и нами“. „Нет,— заметил я,— у нас нет ни малейшего интереса к Киликии, наше единственное требование — Мосул, который Вы согласились дать нам“. Он согласился с этим и заявил: „Мы, разумеется, присоединимся к любому Вашему соглашению с американцами“. Далее, рассказав об обсуждении с Клемансо сирийского вопроса, Ллойд Джордж заключает: «Я резюмировал, что, таким образом, Америка возьмет мандат на Константинополь и Армению и общее наблюдение над Анатолией; Франция будет

осуществлять мандат над Сирией и той частью Киликии, о которой будет достигнуто соглашение между Америкой и Францией; мы возьмем Палестину и Месопотамию, включая Мосул»¹⁶.

Планы главных держав Антанты выступают здесь в предельно обнаженном виде. Применительно к курдской проблеме предполагался новый передел этнического Курдистана. Его южные части отходили в сферу управления Англии, юго-западные — Франции, западные и северные — Соединенных Штатов Америки. Только Восточный Курдистан оставался в виде провинции шахского Ирана, однако само это государство и фактически, и (после подписания англо-иранского договора от 9 августа 1919 г.) формально становилось протекторатом, т. е. колонией Англии. Таким образом, в сущности, почти все населенные курдами земли Османской империи и Ирана делились на две зоны — английскую (на юге и востоке) и американскую (на севере и западе). Французам доставался лишь небольшой кусок Курдистана, сопредельный с Северной Сирией.

Итак, международная ситуация, сложившаяся вокруг Курдистана в первые послевоенные месяцы, в частности в начальный период работы Парижской мирной конференции, коренным образом отличалась от той, какой она выглядела в предвоенные годы и в разгар первой мировой войны (когда вырабатывалось соглашение Сайкс—Пико). Однако, как будет показано дальше, и эта новая ситуация оказалась в высшей степени нестабильной и буквально через несколько месяцев после трехстороннего сговора империалистов претерпела весьма существенные изменения.

Между тем механизм Парижской конференции продолжал работать, вовлекая в орбиту своей деятельности (больше формально, чем по существу) и ближневосточные сюжеты. Параллельно с подготовкой основополагающих решений по турецкому вопросу (включая армянский, курдский, арабский и др. частные вопросы) шло обсуждение разных второстепенных и третьестепенных деталей, к числу которых руководители конференции относили мнения представителей тех стран и народов, судьбу которых они решали в тиши министерских кабинетов.

Так, на заседании Совета десяти 26 февраля 1919 г. был заслушан армянский лидер Аветис Ахаронян (Агаронян). Территориальные притязания дашнаков к Турции включали Киликию с санджаком Мараш, вилайеты Эрзерум, Битлис, Ван, Диарбекир, Харпут, Сивас и часть вилайета Трапезунд с выходом к Черному морю. Из этой обширной территории исключались только курдские районы Хакяри и юг Диарбекирского вилайета, а также некоторые районы, населенные исключительно турками¹⁷. Таким образом, в проектируемую «Великую Армению» дашнаки включали значительную часть населенных курдами земель Восточной Анатолии. Впрочем, великодержавные планы руководителей «Армянской демократической республики»

мало волновали Антанту, вовсе не собиравшуюся предоставлять подлинную независимость народам указанных территорий, в том числе и армянам.

Несколько ранее был заслушан и эмир Фейсал, один из вождей антитурецкого восстания арабов и верный союзник Англии, сын шерифа (правителя) Мекки Хусейна ибн Али из прославленного в мусульманском мире рода Хашимитов. На него англичане рассчитывали в неудавшейся попытке удержать в своих руках Сирию, которая по межсоюзническим соглашениям была обещана Франции. Протокольная запись гласила: «Эмир Фейсал сказал, что в своем меморандуме, представленном мирной конференции 29 января, он требовал независимости для всех говорящих на арабском языке народов Азии, живущих к югу от линии Александретта — Диарбекир. По его словам, все народы этого района говорят по-арабски, все принадлежат к одной расе — семитской; инородные элементы составляют менее одного процента»¹⁸.

Попытка Фейсала отстоять на Парижской мирной конференции идею арабской независимости была предпринята явно с негодными средствами. Не то было место и не то время, чтобы рассчитывать хотя бы на частичный успех. Вероятно, и сам Фейсал это понимал. Но в выступлении Фейсала, будущего короля Сирии и Ирака, основателя династии Хашимитов, и поныне царствующей на Арабском Востоке (в Иордании), впервые четко прозвучал мотив, характерный для правящих кругов Ирака и Сирии любой социально-политической организации в новейшее время: непризнание наличия национального вопроса в этих странах, шовинизм по отношению к курдскому этническому меньшинству. Фейсал открыто претендовал на включение в обещанное арабам союзниками государство земель Южного и Юго-Западного Курдистана.

Впрочем, аудитории, внимавшей арабскому эмиру, было мало дела до его широковещательных деклараций и скрытых в них притязаний. Для нее, и в первую очередь для англичан, Фейсал был интересен только в одном отношении: как политическая фигура, с помощью которой можно решать тот или иной важный для империалистов ближневосточный вопрос, и не в последнюю очередь — курдский. Достаточно процитировать отрывок из письма британского министра колоний лорда А. Милнера Ллойд Джорджу, написанного по «горячим следам», 8 марта 1919 г.: «Если мы выступим в качестве честного маклера между Францией и Фейсалом и поможем Франции выбраться из теперешних затруднений, убедив Фейсала пойти на соглашение с ней, мы должны позаботиться, чтобы Франция, в свою очередь, выполнила данное ею нам обещание о Мосуле и Палестине и при этом широко толковала его»¹⁹.

Фейсалу, таким образом, отводили чисто служебную роль, при исполнении которой он должен был помочь Англии закрепиться в интересовавших ее местах. Поскольку право Англии на

единоличное владение Палестиной никто уже практически не оспаривал, особое значение имело упоминание о Мосуле; достоин внимания и намек о «широком толковании». Возможно, англичане рассчитывали на дипломатическую поддержку французов и по другим территориальным притязаниям.

На рассмотрение мирной конференции была представлена и курдская точка зрения. С ней выступил генерал Шериф-паша в меморандуме от 22 марта 1919 г. Автор меморандума выступал в качестве «председателя курдской делегации» на конференции, однако, кроме него самого, никто его таковым не признал, да и самой делегации фактически не было. В этом документе провозглашались «законные требования курдской нации», которые противопоставлялись «империалистическим притязаниям Армении». Эти требования заключались в создании независимого курдского государства в соответствии с провозглашенными в «14 пунктах» В. Вильсона принципами самоопределения наций. Оправдывался захват курдами земель армянских беженцев, предлагалось создать международную комиссию, которая в соответствии с «принципом национальностей» включила бы в курдское государство территории, где курдов большинство. В независимый Курдистан предполагалось включить и его иранскую часть.

В меморандуме содержалось описание этнических границ Турецкого Курдистана, которые проходили на севере по Кавказской границе, на западе — по линии Эрзерум—Эрзинджан—Арапкир—Дивриги, на юге — через горы Синджара—Тель-Афар—Эрбиль—Киркук—Сулеймания, Сенне (Сенендедж), на востоке — по линии Равандуз—Башкале и далее по иранской границе до Арарата. Таким образом, в Турецкий Курдистан входила и значительная часть Мосульского вилайета. Решительно отвергались притязания армян на вилайеты Диарбекир, Ван, Эрзерум и Битлис. Все природные богатства Курдистана, говорилось, наконец, в документе, должны принадлежать только курдам²⁰.

Политическая эффективность меморандума Шериф-паши была равна нулю. Этому документу, как и его автору, заправили Парижской конференции не придали никакого значения, ибо за ним не стоял никто, с кем следовало бы считаться. Идея независимого Курдистана, скоро приобретшая некоторую популярность в Париже и его окрестностях, интересовала их не сама по себе, не как выражение чаяний курдского народа, а лишь в той мере, в какой она отвечала их имперским интересам. Поэтому выступление Шериф-паши на Парижской конференции не продвинуло ни на йоту курдское дело. Ховард даже назвал Шериф-пашу «представителем либеральных турок, не ответственных за войну», которые на самом деле «стояли за целостность Турции»²¹.

Конечно, это не так. Шериф-паша выражал помыслы определенной части курдских националистов, ориентировавшихся на

Антанту и вынашивавших феерические планы основания с ее помощью объединенного и независимого Курдистана, руководимого представителями древних владельческих родов. Однако это крыло курдских националистов было маловлиятельно, а главное — не имело практически связей с курдским национальным движением. Поэтому все их потуги играть роль на Парижской конференции были обречены. О политической несостоятельности и даже некомпетентности Шериф-паши говорит и армяно-фобский тон его меморандума. Это было явно не ко времени, ибо в дипломатической игре вокруг турецкого вопроса все главные участники мирной конференции пытались разыграть далеко не в последнюю очередь и армянскую карту, бессовестно спекулируя на страданиях армянского народа.

С собственными национальными требованиями пытались выступить на Парижской конференции и ассирийцы, проживавшие до войны рядом или вместе с курдами на одной и той же территории (главным образом в Хакяри), а потом испившие полную чашу бедствий и требовавшие как минимум возвращения на родные места. Ассирийский национальный вопрос возник в это время и самостоятельно, и как часть проблемы Курдистана и Армении. Ассирийские лидеры были полны «вильсоновских» иллюзий, но их ждало горькое разочарование. С ними посчитались еще меньше, чем с курдами, а представителей иракских ассирийцев англичане и вовсе не допустили в Париж²². Судьбу ассирийцев, как и других этнических меньшинств Ближнего Востока, союзники собирались решать без них, в соответствии со своими замыслами.

17 июня 1919 г. на конференции выступил представитель побежденной Турции Дамад Ферид-паша. Он предложил Совету десяти меморандум, в котором преступления, совершенные итихадистами против христианских меньшинств, приравнивались к тем бедствиям, которые выпали на долю «трех миллионов могометан» во время войны. Тем самым новые правители Османской империи как бы получали моральное право требовать снисходительности победителей, в первую очередь в территориальных вопросах. Турецкая делегация пыталась убедить Антанту сохранить в составе империи ее владения в Азии. «Хребет Тавра,— вещал Ферид-паша,— не больше чем геологическая демаркационная линия. Районы, расположенные за нею, от Средиземного до Аравийского моря, хотя и принадлежат населению, не говорящему на турецком языке, неразрывно связаны с Константинополем чувствами, более глубокими, чем национальные принципы людей, живущих по обе стороны Тавра; их связывают одни и те же идеалы, воззрения, моральные чувства и материальные интересы.

Это единый блок, и распад его будет гибельным для мира и спокойствия на Востоке»²³.

Таким образом, по мнению великого везира, в числе других азиатских владений за Турцией должна была остаться и боль-

шая часть Курдистана. Однако это мнение никого в Париже не интересовало. Риторика Ферид-паши не произвела никакого впечатления на делегатов конференции. Выступивший с ответом Бальфур, указав на губительность турецкого господства для всех нетурецких народов, заявил: «...поскольку Турция без всякого повода или провокаций преднамеренно напала на державы Антанты и потерпела поражение, на долю победителей выпала тяжелая обязанность определить судьбу различных народов ее разноплеменной империи. Совет главных союзных и объединившихся держав хочет выполнить этот долг в максимальном соответствии с желаниями и постоянными интересами этих народов». Меморандум Дамада Ферид-паши был отвергнут полностью²⁴.

Вряд ли руководитель турецкой делегации мог рассчитывать на какой-либо другой исход своей миссии в столице Франции. Во всяком случае, для Порты стало ясным твердое намерение держав Антанты отторгнуть от Османской империи все ее нетурецкие, в том числе и курдские, владения и свое бессилие помешать этому. Официальный Стамбул был еще раз унижен, унижен публично.

Еще хуже выглядел на международной арене официальный Тегеран. Прибывшая в Париж делегация Ирана выставила притязания наряду с Закавказьем, Мервом и Хивой на «Малую Азию до Евфрата, т. е. Курдистан, Диарбекир и Мосул», что Темперлей назвал «реминисценцией прежних дней персидской славы»²⁵. Любопытно, что в курдском вопросе персы пошли дальше турок, сделав заявку на весь Курдистан. Впрочем, этот демарш следует рассматривать не только как дипломатический курьез. Конференция отказалась даже заслушать иранскую делегацию с ее бредовыми территориальными требованиями²⁶.

Итак, жертвы готовившегося империалистического раздела Ближнего Востока высказались, их мнения были заслушаны без особого внимания или вообще игнорировались и никак не отразились на ходе дальнейших работ Парижской мирной конференции. Правда, нельзя сказать, что речи, произнесенные в Париже от имени народов и государств региона, вовсе составляли звук пустой. Времена переменились, и то, что было немыслимо в эпоху классического колониализма, когда судьбы целых стран и континентов решались без всякого их участия, стало необходимым в послеоктябрьскую эпоху, когда империализм и колониализм вступили в полосу непреодолимого кризиса. Так или иначе, но Парижская мирная конференция 1919 г. была первым в истории международным форумом, на котором заявил о себе национализм ближневосточных народов, в том числе и курдов. И этот факт достоин быть отмеченным в истории, ибо он указывал на возросшее значение нового важного общественного явления. Союзники, однако, тогда не придали ему никакого значения главным образом из-за того, что представители Востока в Париже не представляли ни собственные народы, ни да-

же сколько-нибудь влиятельные национальные круги, а делегации Турции и Ирана — разве что антинациональные силы, что ни для кого не было секретом.

Под прикрытием разговоров о самоопределении нации (для чего порой и допускались в Париж различные делегаты с Ближнего Востока) продолжалась трудная работа по распределению мандатов. Вопрос решался между делегациями Англии, Франции и США. От предварительной договоренности до выработки окончательного решения была дистанция огромного размера. Наиболее сложным делом оказалось определение не английской или французской, а американской доли «оттоманского наследства», в общем виде оговоренной соглашением от 7 марта 1919 г.

Позиция США

Американский империализм после присоединения США к Антанте в апреле 1917 г. проявлял активный интерес к ближневосточным делам и начал претендовать на руководящую роль в решении «турецкого вопроса», впрочем, как и всех других вопросов, стоявших на повестке дня Парижской мирной конференции. Не составлял исключения и курдский вопрос. Поначалу это не вызывало возражений ни у Англии, ни у Франции, не говоря уже об Италии, занимавшей зависимое положение в «большой четверке». Эти державы, вступившие в ожесточенную схватку из-за дележа «оттоманского наследства», не прочь были отнести американцам роль арбитра, на содействие которого каждая из них могла рассчитывать. Так было еще и потому, что они не особенно опасались конкуренции со стороны США. Во-первых, американцы сперва не посягали на арабские владения Османской империи. Во-вторых, американцы не имели ни единого солдата на Ближнем Востоке и вообще были относительно слабы в военном отношении, так что реализация ими каких-либо приобретений в этом регионе была весьма проблематична. В-третьих, политические позиции президента Вудро Вильсона в самих Штатах к тому времени были серьезно подорваны: его второй президентский срок был уже на излете; в результате промежуточных выборов 1918 г. руководимая им демократическая партия потеряла большинство в обеих палатах конгресса; в стране и в Капитолии росла оппозиция его внешней политике, которую общественное мнение и влиятельные силы в правящей верхушке все более были склонны считать авантюристической, дорогостоящей и малоэффективной. Поэтому в Париж президент явился хотя и полный амбиций, но, в сущности, с весьма сомнительной амуницией. Многоопытные политические дельцы Ллойд Джордж и Клемансо прекрасно это понимали и не преминули воспользоваться ситуацией в корыстных интересах.

Слабость позиции американской делегации на Парижской

мирной конференции обнаружилась далеко не сразу, не ранее лета и осени 1919 г. В первой половине этого года руководители английской и французской делегаций были даже заинтересованы в том, чтобы поддерживать в Вильсоне иллюзию, что именно он верховодит на конференции. Это позволяло им добиваться своих целей в европейских вопросах, по которым у американской стороны не было с ними сколько-нибудь серьезных разногласий. Да и в отношении ближневосточных дел они были готовы пообещать американцам львиную долю, зная, что окончательное распределение добычи еще впереди. Наконец, была еще одна, может быть и главная, причина, по которой Англия, Франция и другие члены Антанты охотно выдвигали Америку на передний план. Это — «русский вопрос», под которым подразумевалась организация свержения советской власти путем прямой интервенции или оказания помощи белогвардейскому движению. Ввиду истощения военных и финансово-экономических ресурсов европейских капиталистических стран и роста недовольства народных масс антисоветской и контрреволюционной политикой их правительств в Лондоне и Париже были кровно заинтересованы в активном участии в антисоветском крестовом походе богатого американского дядюшки. Кстати, всех участников этого похода ждали заманчивые призы — бывшие колониальные владения Российской империи в Закавказье и Средней Азии. В частности, предложение Америке мандата на Армению преследовало цель сильнее вовлечь ее в закавказские дела, на что у Англии и Франции не было ни солдат, ни денег.

В сложившейся обстановке для всех сторон как нельзя кстати явилось предложение В. Вильсона создать международную комиссию по турецким мандатам. Образованная по решению Парижской конференции 25 марта 1919 г. из представителей США, Англии, Франции и Италии, она должна была на месте (в данном случае в Сирии и Палестине) изучить настроение населения и выдать соответствующие рекомендации. Это решение позволило Англии и Франции отложить выработку мирного договора с Турцией до окончания главного дела — подписания договора с Германией (а также с ее европейскими союзниками). За это время и Лондон, и Париж надеялись закончить торг вокруг «оттоманского наследства» каждый в свою пользу и одновременно устранить американского конкурента. США же, напротив, рассчитывали, что комиссия поможет им добиться реализации вильсоновского плана решения турецкого вопроса, т. е. установления американской гегемонии на всем Ближнем Востоке. Таким образом, цели в связи с образованием комиссии у Англии и Франции, с одной стороны, и США — с другой, были прямо противоположные. Отсюда и противоположное отношение к работе самой комиссии.

Франция сразу отказалась направить своих делегатов в комиссию, зная, что подавляющее большинство населения Сирии настроено резко антифранцузски. Англия поначалу согласилась,

но потом проявила солидарность с Францией, видимо рассчитывая на ее поддержку в палестинском и месопотамском вопросах. Осталась только американская часть комиссии (официальное название — «Американская секция международной комиссии по мандатам в Турции») в лице Генри Кинга и Чарльза Крейна, которая 10 июня — 23 июля посетила Палестину, Сирию (с Ливаном) и Киликию, проведя опросы населения. 28 августа отчет комиссии Кинга — Крейна был вручен американской делегации в Париже.

Этому предшествовала большая подготовительная работа, проведенная членами комиссии в Стамбуле, куда она прибыла 23 июля. Ознакомление с деятельностью комиссии в Стамбуле, как и с ее отчетом, показывает, что замыслы «Американской секции» были значительно шире, чем поиски подходящего мандатария для Сирии и Палестины. В ее поле зрения фактически попала вся Османская империя, от Эгейского моря до Персидского залива. Американцы хотели, опираясь на материалы, собранные комиссией, обосновать необходимость и возможность установления своего контроля над всей Турцией и большинством ее владений²⁷. Остановившись лишь на тех моментах в работе комиссии Кинга — Крейна, которые прямо или косвенно относятся к курдам и Курдистану.

Глава отдела Западной Азии комиссии профессор Вестерманн еще задолго до ее отъезда в Сирию и Палестину предложил всю так называемую Великую Армению разделить на четыре провинции (включая Киликию, Курдистан и собственно Армению), власть над которыми осуществляли бы Соединенные Штаты²⁸. После прибытия членов комиссии в Стамбул 23 июля 1919 г. они провели серию встреч и переговоров, в которых значительное место было уделено «трудностям» в Армении, связанным с действиями турок и с кавказскими делами, «не говоря уже о Курдистане». Известный турецкий журналист, издатель-редактор газеты «Вахыт» Ахмед Эмин (Ялман) убеждал американцев не давать армянам тех территорий, в которых большинство составляют турки и курды²⁹. По его мнению, курды должны готовиться там к самоуправлению³⁰.

Члены комиссии Кинга — Крейна встретились и с представителями Курдской демократической партии (?) Неджмуддин-беем, Хусейн-беем, Азизом Бабан-беем, которые были сторонниками британского мандата над Ираком, включая Южный Курдистан. Они призывали к формированию курдского правительства в тех районах, где, по их мнению, курды были «в значительном большинстве». Конкретно то были районы Харпута, Диарбекира, Вана, Битлиса, Баязида и (на словах) весь Мосул с выходом к Средиземному морю. Ховард утверждает, что это — программа Шериф-паши, хотя это не так. Собеседники американцев в отличие от Шериф-паши фактически исключали из курдского государства Южный Курдистан, как подмандатную территорию Англии, не говоря уже о Восточном Курдистане. Они

выступали против всяких политических связей с арабами, тем более с турками. Они возражали против притязаний ассирийцев на отдельную территорию, поскольку те якобы нигде не составляли большинство. Они готовы были признать армянское государство, но, конечно, вне пределов тех территорий, на которые они претендовали. Говорилось также, что должен быть произведен обмен населением и возвращены курдские беженцы³¹. Правда, среди курдских нотаблей в Стамбуле, общавшихся с членами американской комиссии, не было единомыслия. Например, шейх Риза-эфенди из Киркука и Бабан-заде Хикмет из Сулеймании выступали за присоединение этих районов к Османской империи и против основания армянского государства³².

В процессе выработки рекомендаций комиссией Кинга — Крейна высказывались мнения, показывающие глубокую заинтересованность американцев в Курдистане и сопредельных районах. Так, советник комиссии Джордж Монтгомери считал, что из всех мандатов для США предпочтительнее Армения, а в случае «принятия дополнительной ответственности» — Курдистан или Анатолия, что будет содействовать «успехам армянского эксперимента»³³. Другой советник, капитан Йеил, не рекомендовал в будущее арабское государство включать Александретту (Искендерун), потому что этот порт тяготеет к Киликии, Армении, Курдистану и Мосульскому вилайету³⁴.

Программа решения курдской проблемы содержится в записке члена американской делегации на Парижской конференции профессора Альберта Либиера. Курдам, говорилось в ней, следует предоставить их естественный географический район «между предполагаемой Арменией на севере и Месопотамией на юге, Евфратом и Тигром на западной границе и персидской границей на востоке. Под строгим мандатным управлением этой территории может быть предоставлена автономия для приготовления ее к независимости или федерации с соседями на основе союза с широким самоуправлением». Целесообразно «на добровольных началах» переселить из этого района турок и армян; останется полтора миллиона курдов. Поскольку означенная территория больше тяготеет к югу, чем к западу, и контролирует верховья Тигра и его притоков, лучше ее отдать мандатарии Месопотамии, чем оставить связанной с Арменией или Анатолией³⁵.

Итак, уже на подготовительной стадии работы комиссии Кинга — Крейна видно, что американцы уделяли курдской проблеме достаточно серьезное внимание, признавая за ней вполне самостоятельное значение. В меморандуме для президента США полковника Хауза (от 22 мая 1919 г.) в числе вопросов, остающихся после подписания германского и австрийского мирных договоров, значится «устройство курдских и ассирийских территорий к югу и востоку от армянского региона»³⁶. Ссылки на курдов неоднократно делались В. Вильсоном и членами его команды при обсуждении сирийского, месопотамского и особен-

но армянского вопросов, в частности, когда говорилось о необходимости ввести союзнические гарнизоны в Армению (иначе, по словам президента, «армяне будут оставлены на милость курдов») ³⁷. Поэтому нет ничего удивительного, что в отчете комиссии Кинга—Крейна нашли отражение не только рекомендации по Сирии и Палестине, но и взгляды о путях решения всего турецкого вопроса, в том числе и соображения насчет курдов и Курдистана.

Эти соображения почти дословно повторяли рекомендации Либиера. Необходимость ограничить территорию Курдистана обосновывалась наличием этнически смешанного населения (турки, армяне), а также тем, что сами курды в религиозном отношении раздроблены (сунниты, шииты, кызылбашы). «Южные курды и ассирийцы должны быть соединены с Месопотамией. В случае Месопотамии, вне сомнения, мудрость состоит в объединении страны», — говорится в отчете ³⁸. Мандатарием для Месопотамии, объединенной с Мосулом, предлагалась Англия ³⁹. Должна быть обеспечена безопасность сирийцев, халдейцев, несториан. Что касается мандатария для Турецкого Курдистана в намеченных выше границах, населенного курдами-суннитами и кызылбашами (али-илахи), то здесь лучше установить контроль державы, «заботящейся о Месопотамии, чем той, которая связана с Арменией или с Анатолией» ⁴⁰, повторяет отчет за Либиером.

Для постановки курдского вопроса в докладе комиссии Кинга—Крейна характерен какой-то нарочитый туман. Ясно только, что американцы проявляли явный интерес к ситуации в Курдистане и что они выразили готовность отдать его южную и, возможно, юго-восточную часть Англии. В какой форме предполагалась курдская автономия и в каких хотя бы приблизительных географических границах, остается только гадать. Думается, что это не случайно. В контексте громко прозвучавших в докладе притязаний на установление американской гегемонии над большей частью Османской империи (зона Проливов, Анатолия, Армения, Сирия и Палестина) американцам была невыгодна конкретизация их планов в отношении курдов, ибо она связала бы им руки в предстоящем торге с союзниками. Подлинные намерения США в отношении Курдистана отчасти проясняет другая миссия, посланная В. Вильсоном в августе — октябре 1919 г. в Турцию и называвшаяся «Американская военная миссия для Армении». Она возглавлялась генералом Джеймсом Харбордом и должна была обследовать Турецкую Армению и Закавказье. Характер этой миссии был сугубо военно-политический и притом антисоветский.

Миссия объехала всю Восточную Анатолию и Закавказье, посетив и такие курдские центры, как Мардин, Диарбекир, Харпут, Малатья. В отчете миссии, представленном в октябре 1919 г., в наиболее полном виде были выражены экспансионистские устремления американского империализма на Ближнем

Востоке. Правительству США предлагалось взять мандат на всю Армению (имелась в виду так называемая Великая Армения) от моря и до моря, включая ее «русскую» часть и Киликию), остальное Закавказье, Константинополь, Проливы (в том числе Восточную Фракию) и всю остальную Турцию. Казалось бы, в этом перечне нет логики, поскольку Проливы, «Турецкая Армения», Киликия и так входили в Турцию. Но своя логика в этом предложении была, правда империалистическая. Американцам нужен был этот перечень желаемых мандатов для того, чтобы облегчить себе задачу получения мандата на всю Турцию, т. е. единолично закабалить эту страну и тем самым коренным образом ревизовать в свою пользу военные и политико-дипломатические итоги первой мировой войны в прямой ущерб Англии, Франции и Италии.

Ключевую роль в этом плане играла Армения. Англии и Франции затруднительно было претендовать на господство над народом, к освобождению которого они призывали (хотя бы и на словах) не один десяток лет. Тем более что армян, народ древнейшей культуры и государственности, никак нельзя было подвести под категорию народов, которых надо было готовить к независимости. Но предложение мандата на Армению Соединенным Штатам сулило определенные выгоды. Армения вовлекалась в систему Антанты, а США — в антисоветские дела и в различные комбинации по разделу Турции, против которых Вашингтон еще недавно возражал по «принципиальным соображениям».

Американцы готовы были принять предложение своих союзников о мандате на Армению, но исходя из собственных интересов. Армения сама по себе не так уж интересовала Вашингтон, тем более что США не имели ни военной, ни материальной базы для успешного внедрения в эту страну. Это было бы предприятие с военной точки зрения рискованное, а с финансовой — чрезвычайно дорогое. Именно такого рода аргументы были приведены в докладе Харборда. Но они преследовали единственную цель: обосновать необходимость для удержания Армении передачи под американское управление (в виде мандата) прежде всего Константинополя и Проливов, а также и всей Турции. Именно в таких рамках, по мнению комиссии, можно решить армянский вопрос ⁴¹. Последний, таким образом, был не столько целью, сколько средством американской гегемонистской политики на ближневосточной арене.

Курды и курдский вопрос в докладе миссии Харборда специально не упоминались. Однако совершенно очевидно, что решение армянского (в частности) и турецкого (в целом) вопросов по американскому рецепту подчинило бы весь Турецкий Курдистан власти империализма янки. В отчете в числе территорий, входивших, по мнению Харборда, в Армению, упоминаются вилайеты Ван, Битлис, Диарбекир, Харпут, Сивас и Эрзерум; в первых четырех в указанное время большинство населения безусловно составляли курды. Некоторые члены американ-

ской делегации на Парижской мирной конференции, в том числе и Г. Гувер, в подмандатную Турцию включали и Ирак, т. е. и Южный Курдистан⁴².

Планам американского империализма в отношении стран и народов Ближнего Востока, воплощенным в результатах работы комиссий Кинга—Крейна и Харборда, не суждено было сбыться. В конгрессе США росла оппозиция Версальскому договору, а следовательно, и участию США в Лиге наций — любимом детище президента Вильсона. 19 ноября 1919 г. сенат отказался ратифицировать Версальский договор. Тем самым была выбита юридическая почва из-под участия США в дальнейшей разработке мирного договора с Турцией. Во всяком случае, о мандате США над всей Турцией и над Проливами уже не могло быть и речи. На Парижской мирной конференции, в работе которой американские делегаты с начала декабря 1919 г. практически перестали принимать участие, материалы комиссий Кинга—Крейна и Харборда так и не рассматривались. Уже к моменту своего поступления они стали представлять чисто исторический интерес. Англия и Франция при подготовке турецкого мирного договора перестали принимать в расчет США и действовали самостоятельно.

Правда, на повестке дня оставалась проблема мандата на Армению. Причины, по которым Англия и Франция предпочитали отдать его Америке, сохранялись. Американская же сторона относилась к перспективе получения Армении хотя и не без интереса, но с возрастающим скепсисом. В меморандуме Американской комиссии по заключению мира от 26 ноября 1919 г. указывалось на трудность проблем Армении и Курдистана. В случае провала идеи мандата, говорилось в нем, над армянами и курдами следует установить протекторат. Не имеет значения, будут ли эти провинции управляться вместе или раздельно, но контроль над ними должен быть эффективным, дабы избежать внутренних распрей и т. п. «Готовы ли Соединенные Штаты охотно кооперироваться с другими державами в этом деле?», — спрашивали авторы меморандума⁴³.

Итак, американцы впервые признали, что проблема Армении это одновременно и проблема Курдистана и что имеется общая курдо-армянская проблема. Для значительной части территории Восточной Анатолии это верно с точки зрения географической, исторической, демографической. Но это обстоятельство и осложняло решение проблемы, что, вероятно, служило одной из причин роста в США оппозиции планам принятия мандата на Армению.

Вопрос о принятии американского мандата на Армению (а на деле — и на часть Турецкого Курдистана) еще целых полгода обсуждался после обескураживающего для В. Вильсона голосования в конгрессе и устранения США от участия в «Версальской системе» на уровне руководства Антанты и на уровне Белого дома и Капитолия. Было официальное обращение меж-

союзнической конференции в Сан-Ремо 25 апреля 1920 г. к президенту Вильсону с предложением принять мандат, было и специальное послание В. Вильсона к конгрессу об этом же (24 мая 1920 г.), была и пропагандистская кампания в самих Соединенных Штатах в поддержку армянского дела, сочетавшаяся с немалыми усилиями армянского лобби в конгрессе. Не было только никаких реальных шансов на успех всего этого предприятия, что и доказало голосование 1 июня 1920 г. в сенате, принявшем резолюцию об отказе от мандата на Армению⁴⁴.

Во время всех этих перипетий слова «курды» и «Курдистан» гласно не произносились, но курдская проблема все равно как бы незримо присутствовала, особенно при обсуждении территориальных вопросов. Несмотря на то что проект «Великой Армении от моря и до моря» был отброшен из-за категорического требования Франции отдать ей Киликию, в усеченную с юга Армению, как это видно из представленной президентом Вильсоном в сенат карты, входили земли, населенные курдами (округа Битлиса, Вана, турецко-иранское пограничье и т. д.)⁴⁵. В случае реализации американского мандата на Армению США стали бы распоряжаться судьбой не только армян, но и немало-го числа курдов. Впрочем, этому тогда не суждено было сбыться.

Провал вильсоновской политики в турецком вопросе, в частности планов установления американского мандата на Армению, устранил Америку от какого-либо участия в решении и курдского вопроса. Инициатива в этом деле (равно как и в тесно связанной с ним армянской проблеме) окончательно перешла в руки Англии и Франции, которые приступили к форсированной подготовке к разделу Османской империи уже по новому сценарию, заметно отличавшемуся от того, который разрабатывался в бытность американского президента в Париже.

Англо-французские переговоры

После подписания 28 июня 1919 г. мирного договора с Германией урегулирование с Турцией оставалось главной проблемой держав Антанты в подведении итогов первой мировой войны. Ее решение оказалось гораздо более трудным делом, чем подписание договоров с другими союзниками Германии — Австрией, Венгрией, Болгарией. Правда, устранение Америки значительно упрощало ситуацию вокруг «оттоманского наследства», но одновременно порождало некоторые новые проблемы, среди которых проблема Курдистана была не из последних.

Приступая к практическому дележу Азиатской Турции, государственные деятели Англии и Франции уже в полной мере отдавали себе отчет о трудностях этого дела, которые проистекали не только из-за необходимости удовлетворения взаимных интересов и претензий (на Ближнем Востоке, в Европе и в других

регионах Старого Света), что более или менее было ясно и раньше, но и вследствие ожидавшейся резко негативной критики со стороны народов Османской империи и других азиатских и исламских стран, чего империалисты не могли предусмотреть и что было результатом опыта, приобретенного народами колониального мира после Великого Октября и последующих событий, в особенности, конечно, на ближневосточной арене. Из дневника полковника Хауза узнаем, что британский министр по делам Индии Э. Монтегю предупреждал «об опасности, угрожающей в результате раздела Турецкой империи. Монтегю сказал, что все мусульманское население Индии и Востока находится из-за этого в очень нервном состоянии; лично он считает, что если этот раздел будет произведен, то в конечном счете это может заставить Великобританию отказаться от ее азиатских владений»⁴⁶.

Уинстон Черчилль, занимавший в ту пору пост военного министра, в своих послевоенных мемуарах сочными красками живописал национальный разлад в Турецкой империи и могущий произойти вследствие этого взрыв в случае вмешательства извне. Говоря о ненависти к Турции арабов, он констатировал: «Население Курдистана и армянский народ, разбросанный по всей Турецкой империи, также были враждебны туркам», а о комиссии Кинга—Крейна высказался так: «...блуждающая комиссия обследования, занимающаяся поисками истины, которой предстояло объехать все пороховые склады Ближнего Востока с записной книжкой в одной руке и зажженной папиросой в другой»⁴⁷. Однако высказываемые опасения насчет возможного взрыва порохового склада на Ближнем Востоке не помешали империалистам творить свое дело.

Итак, действующими лицами в предстоящем дележе нетурецких провинций Османской империи остались только Англия и Франция. Этот состав участников сформировался, как известно, еще во время войны, и именно он имел реальные шансы на колониальные приобретения в регионе. В этом смысле рьяное стремление стать не только полноправным, но и ведущим участником раздела, равно как и бесславный выход Америки из игры, мало что изменило. Трудная работа по корректировке соглашения Сайкс—Пико, начатая английской и французской дипломатией после заключения перемирия, шла своим чередом.

Еще в декабре 1918 г., во время посещения Клемансо Лондона, между ним и британским министром иностранных дел Бальфуром произошел такой разговор. В ответ на вопрос Клемансо, какая модификация соглашения Сайкс—Пико желательна, Бальфур ответил кратко: «Мосул». Последовала реплика Клемансо: «Вы получите его. Что-нибудь еще?».

Размер территориальной уступки, которую Франция делала Англии в Месопотамии, на первых порах был неопределенным. В материалах для дискуссии было сказано, что британская зона должна простираться «до Мосула», а насколько севернее его —

ни слова. И это не случайно, ибо севернее Мосула находились как раз курдские земли. Бальфур признал, что союзники еще в середине 1919 г. не знали, что делать с евреями, маронитами, друзами и курдами в отличие от арабов⁴⁸. В этот период французские колониальные круги еще надеялись получить Юго-Западный и Южный Курдистан. По сведениям видного английского разведчика полковника Г. Корнуоллиса, в ту пору помощника главного политического офицера Англии в Египте, французский колониальный деятель Франсуа Жорж-Пико в беседе с эмиром Фейсалом выставил притязания на «Великую Сирию», включая Диярбекир и Мосул⁴⁹.

Осенью 1919 г., к моменту фактического отхода США от процесса мирного урегулирования, англо-французские переговоры по турецкому мирному договору заметно активизировались. И именно с этого времени в переговорах все отчетливее стала звучать специфическая курдская тема, что было непосредственно связано с неотвратимо приближавшимся крушением идеи предоставления Соединенным Штатам мандата на Армению. Встал вопрос, как быть с так называемой Великой Арменией, большинство населения которой к тому времени было вовсе не армяне, а курды. Французы все настойчивее требовали компенсации за Мосул, которую они видели в Юго-Восточной Анатолии, т. е. в Юго-Западном Курдистане и в Киликии. 13 сентября 1919 г. в ответ на английский меморандум Клемансо потребовал «равенства в эксплуатации нефти Месопотамии и Курдистана»⁵⁰.

Ллойд Джордж на первых порах пытался игнорировать поднятй французами нефтяной вопрос и оправдывал необходимость пересмотра соглашения Сайкс—Пико (в частности, передачи Мосула Англии) тем, что последний «географически и экономически составляет часть Месопотамии», а также решающим вкладом Англии в войну против Турции (1 млн. 400 тыс. войск и 750 млн. фунтов стерлингов) и проанглийскими настроениями арабов и сионистов (имелась в виду Палестина)⁵¹. Однако Клемансо не склонен был даром отдавать обещанный приз. В своей ноте Ллойд Джорджу от 12 декабря 1919 г. он изложил программу притязаний Франции в отношении нетурецких, в том числе курдских, областей Азиатской Турции.

«Передача Мосула, поскольку дело касается Франции,—говорилось в ней,—предполагает в виде существенной компенсации, на которой одинаково настаивают французская промышленность и французский парламент, полное равенство в эксплуатации нефтяных источников Месопотамии и Курдистана. Этому вопросу придается большое значение ввиду абсолютного отсутствия нефти во Франции и потребности страны в ней...

Настоящий первый набросок основ соглашения по вопросам, касающимся Турецкой империи (создание нейтрального международного государства из Константинополя и Проливов; оттеснение Турции в Малую Азию и Анатолию; признание независимо-

сти Армении в границах, определяемых ее историей, справедливостью и разумом; точное соглашение по вопросу о независимости арабов и сирийцев соответственно под английским и французским мандатами), будет дополнен обменом мнениями по вопросу о Кавказе, Курдистане и Персии, по которым, по-видимому, разногласий не будет. Об этих странах придется говорить лишь постольку, поскольку они затрагиваются настоящим соглашением»⁵².

Таким образом, Клемансо достаточно определенно выразил заинтересованность правящих кругов Франции в Курдистане. В отношении Мосула она имела главным образом экономический характер, в отношении других курдских земель — видимо, и политический. Что касается Англии, то ее интерес к курдской проблеме был значительно шире и глубже. Это как нельзя лучше обосновал один из руководящих работников «Форин офис», Эйр Кроу, в своем послании Керзону из Парижа от 12 октября 1919 г.

Он просветил министра иностранных дел по всем аспектам курдской проблемы (как она выглядела к исходу первого послевоенного года). Наименьшее внимание было уделено позиции самих курдов как фактору, видимо, малозначащему. Упомянулись только предложение Шериф-паши установить британский мандат над всем Курдистаном и его просьба защитить членов курдского клуба в Стамбуле от возможных притеснений со стороны нового «национального» правительства Али Риза-паши. Насчет последнего было дано заверение передать дело на усмотрение британскому верховному комиссару в Турции де Робеку. Основная идея этого документа: курдская проблема имеет вполне самостоятельное значение. Американский мандат на Армению, писал Кроу, «едва ли повлияет на вопрос о Курдистане», за исключением проблемы установления его северных границ. Кроу сообщал, что американцы согласны на четкое отделение курдских земель от армянских (т. е. фактически отказываются от проекта «Великой Армении»), но опасаются, чтобы граница между ними не заходила далеко на север. Главное, на чем настаивал Кроу, это необходимость до завершения мирных переговоров с Турцией обсудить с союзниками вопрос о мандате на большую часть Курдистана. Надо иметь в виду, отмечал он, что Франция, если она и согласится на передачу Мосула Англии, будет претендовать на мандат на территорию, расположенную к югу от южной границы Армении и к западу от линии, идущей от истоков притока Тигра р. Хабур до южной границы Армении.

Особый раздел в меморандуме Кроу посвящен Южному Курдистану. Здесь изложены далеко еще не сформировавшиеся взгляды различных представителей англо-индийских служб на будущее этого района. Министерство по делам Индии рекомендовало гражданскому комиссару в Багдаде создать «арабскую провинцию в Мосуле», смежную с «автономными курдскими го-

сударствами, управляемыми курдскими вождями с британскими политическими советниками».

Эта схема носила временный характер — до заключения мирного договора с Турцией. Монтегю считал, что окончательное решение курдской проблемы зависит от многих факторов и в первую очередь от того, каковы будут характер и размеры будущего армянского государства. Но как бы там ни было, отсутствие определенной политики в курдском вопросе оказывает неблагоприятное воздействие «на местную ситуацию». Нужны конкретные предложения для мирной конференции.

Полковник А. Вильсон — за непосредственное подчинение курдских территорий (имеются в виду южнокурдские) Англии, что вызывало критику со всех сторон. Неосуществимо и восстановление турецкого сюзеренитета над Южным Курдистаном, как предлагал адмирал Кальторп, первый британский верховный комиссар в Турции. Нельзя и предоставить курдов «самим себе», т. е. дать им независимость, так как для этого придется пожертвовать интересами христиан, а, главное, «неконтролируемый Курдистан» будет «малопривлекательным соседом» для «нового иракского государства» и «подмандатного армянского королевства». По мнению Монтегю, следует принимать в расчет и ситуацию в Иранском Курдистане, ибо власть Тегерана над курдскими районами слабеет. Потеря же этих районов Ираном будет для него тяжелым ударом, и не только для него, потому что сама страна переходит под британское покровительство. В заключение Монтегю все же высказался за проект А. Вильсона как «единственное практическое решение»⁵³.

Соображения Кроу представляются в целом весьма значительными. Это первый документ, исходящий от ответственного политического лица Великобритании, в котором в полной мере отдается должное курдскому вопросу как важной и притом самостоятельной международной проблеме, требующей неотложного решения (естественно, только в интересах Англии). Притязания на единоличное британское господство в Южном и Восточном Курдистане выражены совершенно отчетливо. Вместе с тем меморандум Кроу отражает и значительную сумятицу в умах государственных мужей Англии относительно курдского вопроса. Отсутствовали единомыслие и четкие представления касательно будущих форм колониального режима в Южном Курдистане и государственно-политического устройства его остальных частей. Но, во всяком случае, именно британская дипломатия осенью 1919 г. дала старт к постановке самостоятельного курдского вопроса в международном аспекте.

На лондонской встрече министров иностранных дел Англии и Франции 23 декабря 1919 г. курдский вопрос был подвергнут непосредственному обсуждению. Инициативу проявила Франция. Во французской ноте, составленной главой политического и торгового отдела МИД Франции Бертело, говорилось о невозможности присоединения Курдистана к Армении, т. е. признава-

лось раздельное от армянского, самостоятельное существование курдского вопроса. Географически Курдистан определялся только вилайетом Диарбекир и югом Ванского вилайета. Курды же назывались не «просто разбойниками», а «воинственными горцами» типа афганцев или марокканцев Рифа. Таким образом, вроде бы, хотя и с использованием колонизаторской фразеологии, признавалась законность курдского национального движения. Нота настаивала на сохранении английской и французской сфер влияния, установленных соглашением Сайкс—Пико 1916 г., но с модификациями. В ней говорилось о необходимости установления в Курдистане «федерального организма под европейским контролем», экономические и политические функции которого будут определены в будущем. Утверждалось также, что «в теории» следует оставить суверенитет турецкого султана над Курдистаном, особенно имея в виду наличие «туркоманов»⁵⁴, окончательное определение судьбы Курдистана отложить до выяснения статуса лимитрофных стран, в данном случае — Армении и Мосульского вилайета⁵⁵.

Итак, французы, признавая необходимость отдельного рассмотрения курдской проблемы, не выработали сколько-нибудь определенную и реальную точку зрения на нее. Пока их платформа сводилась к попытке сохранить те выгодные для Франции положения соглашения Сайкс—Пико, которые можно было сохранить, и утвердить право французов на хотя бы частичный экономический и политический контроль в Курдистане.

Позиция британской стороны, которую высказал лорд Керзон, была более уверенной и определенной. Он заявил, что сомневается «в благоразумии даже номинального суверенитета султана в Курдистане». Ему также не нравится идея раздела Курдистана на сферы контроля, ибо это вызовет недовольство курдов. Керзон предложил следующие принципы решения курдского вопроса:

1. Никакого мандата, будь то английский, французский или англо-французский (за исключением некоторых районов Южного Курдистана).

2. Недопустимо турецкое управление, даже номинальное.

3. Курды могут заключать соглашения с ассирийцами и армянами. Курдский вопрос не может рассматриваться отдельно от проблемы создания армянского государства.

4. Курды должны сами решать, образуют ли они одно государство или «ряд свободно объединившихся территорий» («a number of small loosely knit areas»). Время и отсутствие вмешательства турок «покажут, способны ли они на это».

5. Курды должны быть гарантированы от турецкой агрессии, но желательно «формально» не посылать к ним ни английских, ни французских советников.

6. Нежелательно создавать пограничную проблему, подобную той, с какой англичане столкнулись в Индии.

Замысел англичан был ясен: закрепить за собой Южный

Курдистан и не дать французам «законных» оснований для внедрения в Юго-Западный Курдистан. Эскизно проступает и проект создания курдского государства или нескольких таких государств, которым была предназначена роль буфера для английских владений на Среднем Востоке (Ирак и Иран). Впрочем, на той, первой, стадии обсуждения курдского вопроса Керзон не рисковал форсировать переговоры о Курдистане и ставить точки над «i». Он договорился с Бертело оставить вопрос в нынешнем состоянии и вернуться к нему вновь после обсуждения Мосульского вопроса и других проблем арабских стран⁵⁶. Однако эта отсрочка была продиктована лишь соображениями дипломатической тактики. Уже в то время, после фактического ухода американцев с ближневосточной арены, и Армении, и Курдистану отводилось свое, притом весьма значительное, место в экспансионистских планах британских правящих кругов. Как видно из меморандума британского генштаба (декабрь 1919 г.), для выполнения военных задач Англии в регионе Черного моря (т. е. для организации новых антисоветских походов) предусматривались следующие политические меры: «1. Создание великой Армении, в которую входят Киликия и Эриванская республика.

2. Создание независимого Курдистана»⁵⁷.

Любопытно, что военное ведомство Англии зарилось не только на Курдистан, Западную и Восточную Армению, но и на Киликию, которая безусловно была обещана Франции и где уже оперировали французские войска. Так понимали в Лондоне союзническую верность. Но, конечно, реализовать эти обширные захватнические замыслы было непросто. Последнее слово все же было за политическим руководством, которое не могло в решении турецкого вопроса так бесцеремонно игнорировать Париж.

Курдский вопрос в англо-французских переговорах касательно турецкого мирного договора вновь возник в январе 1920 г. В послании Бертело британскому дипломату Р. Ванситарту от 11 января 1920 г. предлагалось создать «полностью независимую республику Армению под покровительством Лиги наций, граничащую на юге с французской зоной и Курдистаном», при условии защиты армян от «татарского и курдского населения» (или, как говорилось в другом месте послания, — от «энергичного курдо-турецкого населения»)⁵⁸. Как видно, в Париже не отказались от мысли захватить Юго-Восточную Анатолию, а Курдистан рассматривали только как географическое пространство. Да и вообще Бертело, видимо, имел весьма смутные представления о национальной ситуации в армяно-курдском регионе. Англичане были конкретнее, но и они в детали курдского вопроса не вдавались. В проекте Монтегю были обозначены пределы независимой Армении под защитой Лиги наций: существующая республика Армения плюс восточная часть вилайета Эрзерум, долина Муша, округ Битлиса и района оз. Ван до иранской границы. Границы Армении с Грузией, Азербайджаном,

Турцией, французской зоной и Курдистаном будут определены позже межсоюзническим комитетом. С этим проектом был согласен и «Форин офис»⁵⁹.

Обращает на себя внимание, что на этих конфиденциальных переговорах не было сказано ни слова об американских интересах в Армении и Курдистане, о стоявшем еще в повестке дня вопросе о мандате США на Армению. Оно и понятно, ибо на таких переговорах занимаются делом, а не пропагандой и не обсуждают несуществующих проблем.

Так было и на Лондонской конференции глав правительств и министров иностранных дел Англии, Франции, Италии и Японии (12 февраля — 10 марта 1920 г.), на которой были согласованы основные условия мирного договора с Турцией. На заседании 14 февраля Керзон обнародовал в общем уже известные основные положения мирного договора с Турцией, приемлемые для британского кабинета, в том числе: независимость Армении, отделение от Турции нетурецких земель — «Сирии, Месопотамии, Палестины и т. д.», защита христианских меньшинств⁶⁰. Вопрос о судьбе Курдистана был обойден. Можно было только предполагать, что англичане относили Курдистан к категории «и т. д.». Такая явная недомолвка не устраивала французов, опасавшихся (и не без оснований), что у их британского союзника на этот счет имеется некая задняя мысль.

На заседании 17 февраля Бертело сделал попытку узнать подлинные планы англичан в курдском вопросе. Он заявил, что вопрос о Месопотамии зависит от установления ее северных границ, и прямо спросил: «Останется ли Курдистан турецкой провинцией? Будет ли он мандатом одной или двух держав?»⁶¹.

Англичане предпочли уйти от конкретного ответа. Ллойд Джордж сказал, что вопрос о Курдистане — «трудный». Французы получают мандат на Киликию, но «мудрее» было бы решить вопрос иначе. «Будет ли Курдистан включен в Турецкую империю или останется независимым, как Азербайджан?», — со своей стороны задал вопрос британский премьер и не дал на него ответа. Бертело осталось только констатировать, что «устройство Курдистана остается открытым вопросом», и попросить Керзона внести конкретное предложение по обсуждаемому вопросу⁶².

Итак, англичане уходили от прямого ответа, что внушало французам обоснованные подозрения. На заседании 26 февраля вновь был поднят курдский вопрос. Керзон, пытаясь «спустить вопрос на тормозах», заявил, что в Курдистане, к востоку от Тигра и вне «синей зоны», определенной соглашением Сайкс—Пико как подлежащей передаче Франции, французы и итальянцы согласились не добиваться концессий против желания Англии. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять замысел Керзона. Он хотел частично ревизовать соглашение Сайкс—Пико и отобрать у Франции часть «зоны А», где ей полагались экономические и политические преимущества. Иными словами,

англичане выставили притязания (сперва только экономические) на изрядный кусок Иракского и Турецкого Курдистана. Но поскольку почва для этого была еще не готова, они не спешили с определением политического будущего Курдистана.

Такая неопределенность никак, однако, не устраивала французов, не доверявших своему британскому союзнику и спешивших заручиться международно-правовыми гарантиями получения хотя бы части обещанной доли «оттоманского наследства». Возможное установление британской гегемонии над курдскими землями делало и эти приобретения проблематичными. Поэтому французский посол в Лондоне Поль Камбон прямо спросил Керзона, стоит ли вопрос о независимости Курдистана на конференции.

Керзон по обыкновению ушел в сторону. Утверждая, что этот вопрос в таком виде не стоит, он сказал, что Ллойд Джордж намерен заявить в Палате общин об отделении от Турецкой империи всех нетурецких «рас», т. е. «арабов, армян, сирийцев (!) и курдов, так как последние, конечно, не турки». Бертело на это заметил, что проблема Курдистана — новая реальность, отсутствовавшая в соглашении Сайкс—Пико, к тому же он богат полезными ископаемыми. Керзон, подвергнув сомнению исключительные права Франции в «зоне А», заверил, что Англия «ничего не имеет в Курдистане» и он ее интересует только как территория, сопредельная со страной, которой англичане управляют. Бертело согласился со своим собеседником в том, что Курдистан имеет «специальное значение и важность» из-за своего географического положения, но он имел в виду «Армению и Сиро-Халдею»⁶³. И после этой встречи не было принято никакого решения по курдскому вопросу⁶⁴.

Судьба Курдистана, таким образом, стала камнем преткновения в англо-французских переговорах по турецкому мирному договору. Обе стороны исходили из противоположных стремлений, понимая значение контроля над населенной курдами территорией для упрочения своих колониальных позиций на Ближнем Востоке. Здесь завязался важный узел экономических и политических интересов. Добиваясь Мосула, сказал Керзон 28 февраля 1920 г., «англичане гнались не только за нефтью, они одновременно были готовы взять на себя соответствующие обязательства по защите местного населения от агрессии извне»⁶⁵. Следовало бы добавить, что аналогичные обязательства они собирались распространить далеко за пределы Мосульского вилайета.

Тем не менее курдский вопрос надо было решать, ибо иначе тормозилось все дело турецкого мирного урегулирования, а дальнейшая затяжка с ним могла обернуться к явной невыгоде и для Англии, и для Франции, и для других заинтересованных держав Антанты. Все более реальным стало нарастание таких неблагоприятных для империалистов факторов, как неуклонный подъем национально-освободительного движения на всем Ближ-

нем Востоке и последовательный провал всех антисоветских походов (к весне 1920 г. оставалась надежда только на Врангеля, белополяков и контрреволюционеров-националистов в Закавказье и в Средней Азии). Поэтому с разделом Турции надо было спешить...

Конференция в Сан-Ремо

В начале марта 1920 г. было выработано решение Верховного совета Антанты, в котором предусматривалось наряду с созданием независимой Армении «возможное признание независимого Курдистана»⁶⁶. Проект мирного договора с Турцией в общих чертах был согласован на межсоюзнической конференции в Сан-Ремо (18—26 апреля 1918 г.).

В проекте ответа союзников на ноту президента Вильсона от 24 марта 1920 г. говорилось, что южные границы Турции должны быть установлены с учетом не только этнических, но и «экономических и географических факторов»⁶⁷, что можно было понимать как намерение, в частности, отторгнуть от Турции по крайней мере Южный Курдистан. Так началось первое пленарное заседание конференции 19 апреля. В этот же день проблема Курдистана, по предложению Ллойд Джорджа, подверглась детальному обсуждению.

Первым с обстоятельным ее разбором выступил Керзон. Это — трудный вопрос, начал он, ибо Курдистан как часть Османской империи населен воинственными племенами, враждующими с соседями и турецким правительством. Проблема касается и европейских держав, поскольку Курдистан соседствует с Арменией. Одновременно его «судьба связана с несторианами или халдейскими христианами»⁶⁸. Южный Курдистан составляет часть вилайета Мосул, «который желательно отдать под мандатный контроль Великобритании».

Могут быть различные варианты решения курдского вопроса. Один из них — отдать часть страны под протекторат Англии и Франции. Если из этого ничего не выйдет, следует отделить Курдистан от Турции и сделать его автономным. Но здесь Керзон предвидит большие трудности. Главные из них — в самих курдах, намерения которых неясны: достигнут ли они такой «устойчивости», чтобы можно было основать «автономное государство?». Он не может найти среди них «представительного курда». «Каждый курд представляет только свой клан». Не может быть признан представителем Курдистана и Шериф-паша. Курды понимают, что они не могут существовать без поддержки великих держав. «Они охотно примут британский протекторат, и они, несомненно, примут французский протекторат». Если же независимость окажется недостижимой, а Англия и Франция не согласятся установить протекторат, лучше оставить курдов под турецким управлением, к которому они «привыкли».

Далее Керзон перешел к проблемам Южного Курдистана, находящегося в сфере британских интересов. Если все же не будет провозглашена независимость Курдистана, населению Мосульского вилайета следует предоставить решить вопрос, оставаться под британским контролем или присоединиться к нему. Последнее вероятнее всего, ибо непрактично делить Мосульский вилайет. Впрочем, в мирном договоре трудно решить этот вопрос. В заключение Керзон указал на необходимость репатриации ассирийцев-несториан, находящихся в лагере в Баакубе.

Французский представитель Бертело на этом заседании высказался за отсрочку решения курдского вопроса. Премьер-министр и министр иностранных дел Франции А. Мильеран⁶⁹ заметил только, что, по его мнению, Керзон — за оставление курдов в Мосульском вилайете под британским мандатом⁷⁰.

Выступление Керзона характерно для подхода тогдашних западных политиков к курдскому вопросу. Бросается в глаза плохое знание местных реалий (особенно непростительное для Керзона, слывшего прекрасным знатоком Востока), отсутствие какого-либо четкого плана в постановке проблемы и путях ее решения, словом — сумбурное и противоречивое изложение. Чувствуется, что курдский вопрос — новое для европейской дипломатии дело. При всем том Керзон прекрасно знал, чего хотел. А хотел он, во-первых, навсегда оторвать Курдистан от Турции и превратить его в поле непосредственного колониального воздействия; во-вторых, не дать французам единолично завладеть Турецким Курдистаном; в-третьих, по возможности утвердиться в Южном Курдистане или по крайней мере превратить его в барьер безопасности для британских владений в Ираке и в Персидском заливе. Как один из возможных вариантов этих целей годился и «независимый Курдистан» то ли в виде унитарного государства (без Восточного, Иранского, Курдистана), то ли в виде отдельных полусуверенных курдских княжеств. При этом речь, конечно, шла не о подлинной независимости (не случайно употребление туманного термина «автономия»), а о той или иной форме протектората западных держав.

Отношение французских правящих кругов к курдам было в принципе идентичным, т. е. сугубо колониалистским, но практически на возникшую курдскую проблему они смотрели с точки зрения своих интересов, которые во многом были противоположны английским. В Южном Курдистане, который явно уплывал от них, они хотели гарантировать себе долю от Мосульской нефти. В Западном и Северном Курдистане, коль скоро им не удавалось там непосредственно закрепиться, они хотели бы видеть обширный хинтерланд, надежно прикрывающий колониальные владения в Киликии, Сирии и Ливане. Их не устраивало ни турецкое владычество, ни единоличный английский контроль в этой части Курдистана.

В итоге при всей антагонистичности конкретных колониальных интересов в курдистанском регионе у Англии и Франции

обнаружилась и точка соприкосновения — была выработана платформа, на которой британские и французские дипломаты нашли, как им казалось, удовлетворительное решение курдской проблемы. Речь идет о создании на территории Турецкого Курдистана некоего буферного государственного образования на основах то ли широкой автономии, то ли формальной независимости, в военном, политическом и экономическом отношениях контролируемого этими державами.

На конференции в Сан-Ремо англичанами был без особого труда изготовлен проект статей турецкого мирного договора, касающихся Курдистана. Суть их сводилась к следующему:

1. В Стамбуле будет работать комиссия из представителей Англии, Франции и Италии, которая должна через шесть месяцев после вступления в силу турецкого мирного договора выработать схему «местных автономий» для территории, населенной курдами к востоку от Евфрата, к югу от южных границ Армении, к северу от северных границ Сирии и Месопотамии. Схема должна предусмотреть защиту ассирийско-халдейцев и других расовых и религиозных меньшинств на указанной территории. Будет также образована комиссия из представителей Англии, Франции, Италии, Ирана и курдов для «исправлений» на турецкой и особенно на турецко-персидской границе.

2. Турецкое правительство обязуется принять рекомендации обеих комиссий в течение трех месяцев после их представления ему.

3. Если через год после вступления в силу турецкого мирного договора «курдский народ» на указанной территории обратится к Совету Лиги наций с требованием от имени большинства о предоставлении независимости от Турции и если Совет решит, что этот народ «способен к такой независимости» и рекомендует ее, Турция обязуется исполнить эту рекомендацию, уступив все права на эту территорию. Детали будут отдельно согласованы между Турцией и главами держав, подписавших договор.

4. В таком случае союзные державы не будут возражать против присоединения к «независимому курдскому государству» курдов, населяющих Мосульский вилайет⁷¹.

Этот проект дважды рассматривался на заседаниях конференции и не вызвал больших разногласий. Но какие-то все же проявились. Так, на заседании 21 апреля Бертело выразил озабоченность границами Курдистана к востоку от Евфрата: как бы не было ущерба экономическим интересам Франции. Было принято решение: 1. Принять британский проект, но с тем, чтобы не допустить ограничения экономических прав Франции, гарантированных ей по заключенному одновременно в Сан-Ремо тройственному соглашению между Англией, Францией и Италией; 2. Если члены «Курдской комиссии» не достигнут единодушия по какому-нибудь вопросу, он будет передан на рассмотрение глав правительств заинтересованных стран⁷².

На заседании 23 апреля дискуссия разгорелась вокруг экономических интересов Франции и Англии в Южном Курдистане. Француз (Бертело) проявили нервозность по поводу возможного ущемления их прав в комиссиях, торговле и т. п. в тех районах Южного Курдистана, которые отойдут к Англии или будут включены в будущее курдское государство. Керзон постарался их успокоить, заверив, что Англия заинтересована только в округе Сулеймания как «интегральной части Мосульского вилайета». Остальная часть Курдистана находится вне «экономического приоритета» Англии. Ллойд Джордж добавил, что Англия не берет на себя ответственность за поддержание порядка в этой основной части Курдистана. Бертело спросил: «Означает ли это ограничение британских притязаний к северу от Мосула»? Керзон ответил: «Да». Ванситарт счел необходимым конкретизировать, что британский проект по курдскому вопросу содержит альтернативу: или автономия Курдистана, или его «возможная независимость»⁷³.

На этом же заседании был утвержден проект упомянутого тройственного соглашения между Францией, Англией, и Италией. Он содержал обязательство в связи с признанием «немедленной или эвентуальной независимости Курдистана» избегать соперничества между державами. Признавались «особые интересы» Италии в Южной Анатолии, Франции — в Киликии и в западной части Курдистана, граничившей с Сирией до Джезира-ибн-Омара, и Великобритании — к востоку от Тигра. Основные положения статей соглашения следующие: признание принципа равенства при создании международных комиссий с юридическими, финансовыми и полицейскими функциями, а также «для обеспечения защиты расовых, религиозных и лингвистических меньшинств» (ст. 1); если османское или «курдское правительство» пожелает получить внешнюю помощь в делах местной администрации или полиции в районах «специальных интересов» Англии, Франции или Италии, другие участники соглашения не будут оспаривать эти «специальные интересы». Особенно это касается расовых, религиозных и лингвистических меньшинств (ст. 2); договаривающиеся стороны не должны посягать на концессии в зонах «специальных интересов», но сохраняется свобода торговли, транзита, мореплавания и воздухоплавания (ст. 3); договаривающиеся стороны должны оказывать друг другу дипломатическую поддержку в зонах «специальных интересов» (ст. 4); акции Анатолийской и Багдадской железных дорог переходят к английской, французской и итальянской финансовым группам (ст. 5)⁷⁴.

Так был поставлен на конференции в Сан-Ремо курдский вопрос. Косвенно он был затронут и при обсуждении армянской проблемы, когда шел спор по поводу размеров и границ армянского государства. «Я не могу взять на себя ответственность и согласиться на создание Большой Армении, — заявил Ллойд Джордж, — если США не примут мандат». А поскольку ясно

было, что США его не примут, Ллойд Джорджу можно было не опасаться, что курдские земли отойдут в сферу американского влияния. И дальше он аргументировал: «С того момента, как Америка отбросила всякую мысль о принятии мандата на Армению, я сильно сомневаюсь в возможности создать и сохранить независимое армянское государство от моря и до моря. Всякое решение, осуществление которого потребовало бы военных операций в самом сердце Малой Азии, означало серьезную и длительную утечку ресурсов союзников, и я был убежден, что державы в их тогдашнем истощенном состоянии не могут пойти на такие затраты. Это соображение особенно относилось к районам, где большинство населения было настроено враждебно и где условия местности благоприятствовали упорной партизанской борьбе (т. е. британский премьер несомненно имел в виду Курдистан.— М. Л.). На мой взгляд, не могло быть и речи о том, чтобы союзники ввязались в войну во внутренней Анатолии. Исключение составляли приморские районы, население которых враждебно относилось к турецкому владычеству»⁷⁵.

Это высказывание, в общем, можно толковать как свидетельство явно недоброжелательного отношения британских правящих кругов к идее создания в Восточной Анатолии и Закавказье крупного армянского государства, будь то под американским мандатом или формально независимое. «Великая Армения» могла спутать все карты британской политики и на Ближнем Востоке. Марионеточный Курдистан призван был служить противовесом Армении.

Что касается самого курдского вопроса, то намерения держав Антанты, отраженные в документах конференции в Сан-Ремо, выражены достаточно определенно и не гребуют пространных комментариев. Обстоятельства сложились так, что впервые в истории курдский вопрос стал предметом обсуждения на международном форуме и за курдами было признано право на национальное самоопределение. Однако появление на международной арене и в международных отношениях этого нового фактора несомненно важного исторического значения произошло не столько благодаря процессам в самом курдском обществе (хотя многочисленные курдские освободительные восстания безусловно сыграли свою роль), сколько из-за чрезвычайных событий внешнего характера, порожденных итогами первой мировой войны. Курдский вопрос решался в процессе империалистического раздела и передела ближневосточных земель и решался, разумеется, империалистически, колониалистски, т. е. против коренных национальных интересов курдского народа. Иначе говоря, о подлинном решении курдского вопроса в интересах всего курдского народа не могло быть и речи. В этом отношении курды оказались в гораздо худшем положении, чем турки, которым Антанта готовила такую же участь, но в турецком обществе, более развитом, чем курдское, нашлись силы, сумевшие сказать свое слово.

В самом деле, решения конференции в Сан-Ремо были обставлены таким густым частоклоком условий, недомолвок, оговорок и прочих дипломатических ухищрений, что реализация громогласно провозглашенного права курдского народа на самоопределение оказалась практически недостижимой. Прежде всего рушились надежды курдских патриотов, всего курдского народа на политическое объединение Курдистана. Из него заранее исключались весь Восточный (Иранский) Курдистан, часть Северного Курдистана, а возможно, и Южный Курдистан, если он не присоединится к «независимому курдскому государству». Далее, сам механизм предоставления курдам независимости носил многоступенчатый и весьма условный характер. Переход же от «автономии» или «автономий» к независимости декларировался как вовсе не обязательный. К тому же он с самого начала до конца контролировался тремя главными державами Антанты, получившими право вмешиваться во внутренние дела Курдистана под видом защиты меньшинств. Наконец, проект по курдскому вопросу предусматривал раздел Курдистана на экономические и (завуалированно) политические сферы влияния. Словом, это был стопроцентно колониалистский проект.

Осуществление проекта превращало часть Курдистана в прямую колонию, а часть — в полуколонию империалистических держав. Разделенность курдов сохранялась, а Курдистан пополнял перечень стран колониального мира, над которыми в итоге первой мировой войны империализм стремился установить свой прямой контроль. Вывеска «автономии» или «независимости» не меняла сути дела, так как вместе с мандатной системой призвана была приспособить старое имперско-колониалистское содержание к духу времени.

Однако субъективные намерения империалистов вступали во все возрастающие противоречия с объективными процессами эпохи. Попытки сменой вывесок и модернизацией методов управления подневольными народами приостановить или повернуть вспять неотвратимый процесс кризиса и начавшегося распада колониальной системы империализма были обречены на неизбежный провал. Безусловно, это касалось и Курдистана. И в то же время путь курдского народа к свободе и независимости оказался гораздо более трудным и продолжительным, чем это могло показаться в период становления Версальской системы.

На конференции в Сан-Ремо турецкий вопрос был решен в принципе. Главное — союзники договорились о распределении мандатов «класса А» (т. е. арабских территорий Османской империи). Англия получала в управление Палестину и Ирак (с Мосулом), Франция — Сирию и Ливан. В компенсацию за уступку Мосула Франция получала 25% мосульской нефти. Договоренность по другим проблемам, вытекающим из подготовляемого мирного договора с Турцией, была достигнута только в сугубо предварительном порядке и имела обратимый характер. Главным образом это касалось судьбы Анатолии, в которую вхо-

дила и большая часть Курдистана. Руководители Антанты имели основания рассчитывать, что до созыва мирной конференции обстановка в этом регионе и вокруг него изменится в лучшую для них сторону. Большие надежды возлагались на готовившуюся и начавшуюся в июне 1920 г. греческую интервенцию, призванную покончить с кемалистским движением. На востоке Малой Азии резервом Антанты была дашнакская Армения. Поражение националистов должно было снять проблему сопротивления Турции условиям мирного договора, пагубным для ее дальнейшего существования в качестве суверенного государства.

Империалисты Антанты чаяли благоприятных для себя перемен и в «русском вопросе» (который наряду с германским также был предметом рассмотрения конференции в Сан-Ремо). Наступление белополяков, а затем и Врангеля должно было привести к падению советской власти и, в частности, к коренному изменению ситуации в черноморском регионе, что облегчило бы проведение аннексионистских планов и в районе черноморских проливов, и на востоке Малой Азии.

Итак, дипломатия Антанты могла быть довольна проделанной работой и с оптимизмом смотрела на будущее. Проект мирного договора был вручен Турции и стал обсуждаться в печати. Пресса обратила внимание и на те его положения, которые касались курдской проблемы, причем публиковалось немало неточностей, домыслов и прямых выдумок. Например, немецкая «Дойче Тагесцайтунг» писала 30 апреля 1920 г., что раздел Турции предусматривал создание «республики Курдистан под англо-французским протекторатом»⁷⁶. Шведская газета «Хуфвудстадсбладет» утверждала (20 апреля 1920 г.), что Англия предлагала вручить мандат на Армению Канаде, а Франция и Италия — одной из нейтральных стран, Норвегии или Голландии, причем последняя согласилась, если только на нее не будет возложено финансовое бремя⁷⁷.

Любопытно, что официальная постановка на конференции в Сан-Ремо курдского вопроса и ее решения по Курдистану взволновали тех, кого это, казалось бы, затрагивало меньше всего, — русских белоэмигрантов. По сведениям шведской газеты «Свенска Дагбладет» (23 апреля 1920 г.), русские эмигрантские организации в Париже — «против превращения Батума в свободную гавань для Курдистана (!). Батум принадлежит России, и она не уступит его ни Курдистану, ни Грузии»⁷⁸. Воистину, слышали звон... Но вот «Берлинер Тагесблат» (1 июня 1920 г.), инсинуируя насчет большевистского проникновения на Восток, писала: «Даже новой республике Курдистана обещано такое (большевистское. — М. Л.) покровительство, принятие которого означало бы переход из сферы английского в сферу русского влияния»⁷⁹.

Более трезво оценивал ситуацию в регионе проницательный П. Н. Милюков. «Нью стейтсмент» цитировала (13 июля 1920 г.) его статью в парижской «Новой России», где лидер ка-

детов писал: «Россия, даже большевистская, является лучшей защитой для Армении против Турции, чем официальные покровители из Антанты. Армения несомненно воспользуется этим уроком, она, кажется, поняла его раньше, чем опыт осуществился на практике»⁸⁰.

Но оставим в стороне всякого рода вздорные слухи и даже имеющие чисто академическое значение «соображения» русских белоэмигрантов. У главных участниц турецкого раздела, Англии и Франции, реакция на Сан-Ремо была неодинакова. В британском парламенте и в буржуазной прессе Англии преобладала приподнятая реакция на решения конференции по турецкому, и в частности курдскому, вопросу. И это понятно, ибо получаемые Англией выгоды были наибольшие. Критика прозвучала только в связи с неопределенностью статуса курдских районов Мосульского вилайета, которые теоретически могли быть присоединены к «независимому» Курдистану. «Дейли кроникл», например, призывая к захвату Мосула (30 июля 1920 г.), писала: «К тому же север Месопотамии, особенно Мосул и его окрестности, климатически наиболее благоприятен для расквартирования пограничных войск»⁸¹.

Что касается реакции на решения конференции в Сан-Ремо по турецкому вопросу во Франции, то она была далеко не радостной. Потеря Мосула и права Франции на участие в управлении Палестиной вызывала острую критику. Характерно заявление видного публициста и знатока ближневосточных проблем Виктора Берара в сенате (28 июля 1920 г.): «В 1916 г. мы имели Сирию, Киликию, Месопотамию, часть Курдистана и нашу национальную долю в Палестине. Теперь, когда вновь заключили соглашение в 1920 г., мы видим, что господин Клемансо потерял по дороге Месопотамию и Курдистан, отдав Мосул англичанам, и что он также потерял Палестину превращением ее из интернациональной страны в английскую»⁸². Популярный в ту пору романист Пьер Лоти, прославившийся описаниями восточной экзотики, выпустил даже книжку под названием «Наша милая Франция погибла на Востоке». Однако французская дипломатия не могла тормозить и так затянувшийся процесс мирного урегулирования с Турцией, ибо это грозило разного рода осложнениями на международной арене.

Итак, текст мирного договора Антанты с Турцией был в основном согласован, было заранее оглашено и место его подписания — предместье Парижа Севр. Оставалось только принудить стамбульское правительство Дамада Ферид-паши принять его (что не было проблемой) и подавить кемалистское движение — единственную силу, способную помешать проведению этого договора в жизнь. С этой целью 22 июня 1920 г. началась греческая интервенция при прямой поддержке и участии Англии. Греческая армия быстро продвигалась вперед, и, казалось, ничто не могло помешать Антанте осуществить свои планы во всех частях Османской империи, в том числе и в ее курдских землях.

Пока дипломатия держав Антанты готовила окончательный текст турецкого мирного договора, пригодный для подписания в Севре⁸³, на всех уровнях дипломатических и колониальных служб шла подготовка к его практической реализации. Судьбой Курдистана, естественно, вплотную занялись причастные к этому делу ведомства Британской империи.

Как мы уже видели, задача была не из легких. Загвоздка состояла не только в тех сложностях, которые порождала ситуация в Курдистане и сопредельных землях, но и в растущей оппозиции авантюристической ближневосточной политике Ллойд Джорджа и его присных в самой Англии. Достаточно было возмущения английских трудящихся и всех демократических сил страны участием Англии в антисоветской интервенции. Правда, в отличие от «русской» политики правительства Ллойд Джорджа его ближневосточная политика, казалось, сулила успех. Однако всем было ясно, что она была рискованна и дорогостояща (последнее особенно было нежелательно на фоне тяжелых послевоенных экономических затруднений). Это уже тревожило и влиятельные круги британской буржуазии. По словам В. А. Гурко-Кряжина, «грозное курдо-арабское восстание в Месопотамии, почти совершенно выбившее, правда на короткое время, англичан из страны», вызвало в Англии резкую оппозицию против «месопотамской авантюры Ллойд-Джорджа и Черчилля, руководимой Асквитом и требующей ограничения оккупации лишь зоной Басры»⁸⁴. «Таймс» (24 августа 1919 г.), анализируя ситуацию на Арабском Востоке и в Восточной Анатолии и указывая на почти полное исчезновение армян в Трапезундском, Эрзерумском, Харпутском, Битлисском, Диарбекирском и Ванском вилайетах, пугала читателей: потребуется 10 дивизий, «чтобы усмирить там курдов, кочевые орды дезертиров, прежде чем там смогут поселиться остатки армянского народа»⁸⁵. Позже (2 февраля 1920 г.) по поводу провалившейся карательной экспедиции в Центральном Курдистане для розыска убийц двух британских офицеров «Таймс» опубликовала следующие тревожные размышления: «...прежде чем мы окончательно разрешим турецкий вопрос, мы должны выяснить себе, как далеко мы намерены распространять свою сферу влияния на огромной территории, называемой обычно и не совсем точно Месопотамией». Соглашение Сайкс—Пико, продолжала газета, хорошо тем, «что оно устанавливало для британской зоны в Месопотамии границы, упрощавшие оборону... Но, по-видимому, существует новое предположение, согласно которому мы должны занять весь Мосульский вилайет, который включает в себя горы Центрального Курдистана... Однако мысль сформировать из курдов Центрального и Южного Курдистана „лояльную“ жандармерию должна быть признана увлекательной, но призрачной. Прошлый опыт с курдами говорит не в пользу этого плана...

Поэтому, прежде чем взять в свои руки Курдистан, мы должны принять во внимание огромность обязательств, взятых нами на себя на Среднем Востоке, будущее нашей постоянной армии и финансовое положение страны»⁸⁶.

Скепсис «Таймс» касательно будущего Курдистана выражал настроения влиятельных кругов в стоявших у кормила власти консервативной и либеральной партиях. Позиция по этому вопросу поднимавшейся на политическом небосклоне Великобритании лейбористской партии также не отличалась четкостью. Как писала «Таймс» (25 февраля 1920 г.) в ответе лейбористов на протест мусульманских кругов Индии по поводу обращения союзников с Турцией говорилось: «Самоопределение неприменимо к северо-восточным провинциям Османской империи (Ван, Битлис, Эрзерум, Трапезунд и т. п.), где население смешанное. Турецкое правительство натравливало здесь одну народную толпу против другой и организовало армянские погромы. Поэтому восстановление данной области остается предоставить только Лиге наций»⁸⁷.

Подготовку «курдской части» турецкого мирного договора британские службы начали задолго до конференции в Сан-Ремо, сразу после подписания Версальского договора с Германией. Англичане действовали одновременно и на правительственном, и, как уже было отчасти показано, на уровнях местных дипломатических и военно-политических представительств.

10 июля 1919 г. адмирал сэра Кальторп изложил Керзону свой взгляд на состояние курдской проблемы в Турции. Судя по его донесению, у британской администрации в Турции едва ли выработался к этому времени какой-либо четкий план действий по отношению к курдам. Позиция Кальторпа выглядит выжидательной, настороженной. По его мнению, курдским лидерам — Абдул-Кадыру, Бадрханам и другим, проживавшим в столице, следует вернуться в Курдистан и поддерживать порядок среди племен. Если они «оправдают доверие», будут защищать христиан, а главное, не станут «добиваться национальных требований», их семьям, остающимся в Стамбуле на положении заложников, будет гарантирована безопасность.

Однако британский верховный комиссар не склонен был безоговорочно поддерживать курдскую политику стамбульского правительства. От имени Кальторпа курдским лидерам было сказано, чтобы они не выступали против Мустафы Кемаля, но в то же время пресекали попытки кемалистов настроить курдские племена против правительства. Налицо обычная для англичан попытка ставить одновременно на несколько лошадей. В то же время в послании Кальторпа прозвучали весьма тревожные нотки в связи с подъемом курдского национального движения. По его мнению, разрыв между курдами и турками чреват последствиями, тем более что первые — «не очень строгие мусульмане», а значительная часть их — «в действительности не мусульмане»⁸⁸.

Неопределенность политического статуса Месопотамии, продолжал верховный комиссар, порождает проблему курдской автономии или независимости⁸⁹. Многие вожди желают британского сюзеренитета. Курдской верхушке следует сказать, что нам ничего не известно насчет решений Парижской конференции о курдах, армянах или турках. Желательно отдалить турок от месопотамских курдов. Наконец, в послании Кальторпа сквозит сомнение в реальности замыслов Ноэля о привлечении на сторону Англии вождей курдских племен в сопредельных районах северной Месопотамии и Юго-Восточной Анатолии.

Керзон одобрил основные идеи, высказанные Кальторпом⁹⁰.

Несмотря на сумбурное представление Кальторпа о курдской проблеме в поверженной Османской империи, его враждебное отношение к курдской национальной идее несомненно.

В таком примерно духе действовал осуществлявший опеку над слабым стамбульским правительством британский верховный комиссариат в Турции в течение почти всего 1919 г., до периода непосредственной подготовки турецкого мирного договора. Осторожность и еще раз осторожность — таков был девиз его политики в курдском вопросе. Поэтому британские власти в Константинополе явно неодобрительно относились к активности своих коллег в Багдаде среди племен Южного и Юго-Западного Курдистана. Политический офицер при британском верховном комиссаре Хохлер, познакомившись с прибывшим в столицу Турции Ноэлем, назвал его «фанатиком», «апостолом курдов», «курдским полковником Лоуренсом». По его словам, надо «иметь курдскую политику» и установить хорошие отношения с вождями, но до выработки такой политики следует быть «очень осторожным». Хохлер вел переговоры с Абдул-Кадыром, в ходе которых избегал темы о будущем Курдистана и призывал собеседника к лояльности по отношению к турецкому правительству.

Обеспокоенные возросшим отчуждением между Портой и курдской верхушкой, англичане помогали наладить мосты между ними. В середине июля 1919 г. в Порте приняли делегацию курдских нотаблей для переговоров о деятельности курдских партий. В курдскую делегацию входили: сейид Абдул-Кадыр, журналист Мевлян-заде Рифаат-бей, чиновник министерства юстиции Эмин Али-бей, курдский нотабль Эмин-бей. С турецкой стороны в переговорах участвовали: морской министр Авни-паша, бывший военный министр Ахмед Абук-паша и бывший шейх-уль-ислам Хайдар-эфенди, т. е. второстепенные лица. Они заявили, что Порта может предоставить курдам широкую автономию. Курдские представители весьма скептически восприняли эту декларацию, резонно спросив турок, как они могут предоставить курдам какую-либо автономию, если сами «не уверены в своей собственной позиции». Одновременно курдская делегация, упомянув о «вильсоновских принципах» самоопределения, попыталась уверить турок, что курды могут получить «свободу и безопасность» от Англии, вступив с ней в особые пе-

реговоры. Шантаж не удался, и переговоры окончились полным провалом⁹¹.

Между тем обострение политических страстей в Восточной Анатолии на почве актуализации как курдского, так и армянского вопросов внушало растущее беспокойство британскому Верховному комиссариату в Турции. Толки о создании «Великой Армении» писал Кальторп Керзону в конце июля 1919 г., могут побудить 10 тыс. курдов между Баязидом и Каракилисе объединиться с турками и подняться против армян под знаменем панисламизма⁹². Другая опасность, внушал верховный комиссар Керлазону, — возможное сближение «Курдской национальной партии» с кемалистами (в связи с патриотическими решениями Эрзерумского конгресса прав) и усиление ее враждебности к кабинету Дамада Ферид-паши⁹³.

Наметилось явное расхождение между позициями британской администрации в Стамбуле и Багдаде в связи с постановкой на практическую почву армянского и курдского вопросов. Стамбул в отличие от Багдада был против поспешности и конкретизации в определении политического будущего Армении и Курдистана. Заменявший Кальторпа адмирал Ричард Веб (Webb) возражал против предложения А. Вильсона образовать из Трапезундского и Эрзерумского вилайетов армянское государство под сюзеренитетом США, а из остальных четырех восточноанатолийских вилайетов — курдское государство под эгидой Англии⁹⁴. По мнению адмирала, в этом случае неизбежно столкновение армянских и курдских интересов, которое европейские державы, чья власть в Восточной Анатолии может быть только номинальной, будут не в состоянии предотвратить. Определение границы между Арменией и Курдистаном только усилит опасность междоусобицы. Включение же некоторых курдских районов в Месопотамию не закроет дверь для законных курдских притязаний в будущем⁹⁵.

«Базис» политики Англии в отношении курдов, считал верховный комиссар, — обеспечение границ Месопотамии, безопасных в стратегическом отношении. Поэтому границы должны проходить по горам, а не по равнине. Какая-либо точность в определении армянской или курдской зон — невозможна, ибо притязания той и другой стороны — «равно нелепы». В частности, «невозможно требования Шериф-паши принимать всерьез». Короче, ставить вопрос о территориальном самоопределении армян и курдов — преждевременно, и все дело следует предоставить на благоусмотрение месопотамских (т. е. британских) властей⁹⁶.

Подоплека всех этих аргументов была ясна: британские власти в Стамбуле, рассчитывая установить фактический протекторат Англии над всей Анатолией с помощью покорной им Порты, считали ненужным поднимать отдельно курдский и армянский вопросы. Это было бы со всех точек зрения рискованно, в особенности же потому, что усиливало позиции в регионе американских и французских конкурентов, способных политическими

средствами подорвать монополию военной силы, которой обладали в то время на Ближнем Востоке англичане⁹⁷. Во всяком случае, обосновавшиеся на берегах Босфора представители Великобритании считали целесообразным на тот период отделить курдский вопрос в собственно Турции от такого в Месопотамии.

Отсюда — поток критики, исходивший от британских представителей в Стамбуле в адрес их коллег в Багдаде в связи с активностью последних среди курдов. Особое недовольство вызвала миссия Ноэля, которая привела к росту антибританских настроений в Турции (причем не только среди националистов, но и в кругах близких к Порте). В Арабском бюро (Каир), центре агентурно-политической деятельности Англии на всем Ближнем Востоке, с раздражением говорили о «партии Ноэля», которая вела антитурецкую и прокурдскую пропаганду в опасных формах⁹⁸. В таком же духе аттестовали действия Ноэля в Верховном комиссариате в Стамбуле. Хохлер в беседе с американским генералом Мак-Коем (из миссии Харборда) постарался представить Ноэля чуть ли не одиночкой, действовавшим на свой страх и риск. Хохлер заявил, что ничего не знает о намерении Англии создать независимый Курдистан, и все действия Ноэля в этом направлении приписал его собственной инициативе. Что касается курдских вождей, направленных из Стамбула в Курдистан и действовавших солидарно с Ноэлем, то, по словам Хохлера, они были инструктированы «не заниматься никакими интригами» ни против турок, ни против Кемаля. Американцу были даны заверения, что район Урфы будет передан французам⁹⁹.

Таким образом, первоначальную позицию британского верховного комиссара в Турции и его ближайших советников, а также его единомышленников в Каире в отношении прямого использования курдского движения в Восточной Анатолии в интересах Англии можно считать негативной. Однако на такой позиции «стамбульцы» продержались недолго. Быстро менявшаяся обстановка вокруг восточноанатолийского региона внесла в нее серьезные поправки.

Указание на необходимость перемен пришло из Лондона. Уже 17 ноября 1919 г. Эйр Кроу из «Форин офис» писал Кидстону¹⁰⁰ в Стамбул, что «возможно и желательно иметь курдскую и армянскую политику...» Кроу обратил внимание на новые обстоятельства: отказ США от армянского мандата, неудачи кемалистов в Курдистане. В связи с этим, по его мнению, следует поставить восточные вилайеты под контроль Лиги наций или под какую-либо другую форму международного контроля с разделением их на армянскую и курдскую зоны. Армянская зона свяжет Киликию с «Ереванской республикой», курдская будет простирается от Диарбекира к персидской границе. Спорный вопрос, который следует обсудить с Ноэлем: будет ли курдская зона присоединена к месопотамскому мандату или останется под международным контролем. Кроме того, Лондону вну-

шала большие опасения возможность переправки вооруженных армян с Кавказа в Турцию, что было чревато новой резней¹⁰¹.

Новые веяния с берегов Темзы не сразу встретили понимание на Босфоре. В ответном письме Кидстона признается важность дружбы с курдами (и азербайджанцами), стремящимися к независимости: «нам будет выгодно предоставить ее им». Однако Кидстон отвергает возможность установления какой-либо формы мандата над восточными вилайетами или раздела их на армянскую и курдскую зоны без прямого вмешательства военной силы, способной устранить влияние турок¹⁰². В свою очередь, и в Лондоне произошел сдвиг. Кроу признал невозможность создания армянской зоны «от Еревана до Киликии». Но он настаивал на определении границ армянской и курдской зон, которое должно быть произведено международной комиссией, направленной мирной конференцией¹⁰³.

Новый верховный комиссар Англии в Турции адмирал де Робек, под влиянием изменившейся обстановки и не дожидаясь директив из Лондона, занял более активную и одновременно гибкую позицию в курдском вопросе. По его заданию драгоман британской миссии в Стамбуле Райен (Ryan) 19 ноября 1919 г. специально беседовал с турецким министром иностранных дел Решид-пашой по курдскому вопросу¹⁰⁴. Содержание беседы было изложено в меморандуме, включенном в донесение де Робека от 4 декабря.

Райен заявил, что после инцидента с Ноэлем в Малатье между Англией и Турцией нет взаимопонимания по курдскому вопросу. После перемирия Англия пыталась сблизиться с различными курдскими организациями, но у нее не было определенного плана. «Курдский вопрос представляет большой интерес для правительства его величества», — продолжал Райен. Курды — «важный элемент по обе стороны нашей военной границы к северу от Багдада и один из важных, если не самый важный, — непосредственно за территорией, занятой нами несколько дней назад в Сирии». «Постоянный интерес» к курдам будет и в будущем, особенно в северной Месопотамии.

Далее Райен затронул наиболее беспокоящую турецкую сторону тему — о характере миссии Ноэля. Он не поспешил на успокоительные аргументы. Миссия де носила исключительно осведомительного характера, цель Ноэля была «исследовательская, а не пропаганда», встреча Ноэля в Малатье с Галиб-беем произошла по случайному совпадению, Бадрханам было разрешено сопровождать Ноэля только в целях обеспечения мира и спокойствия и т. п. Одновременно Райен пытался развеять слухи и подозрения о существовании упомянутого договора между Англией («коварным Альбионом, который хочет создать Курдистан») и предыдущим кабинетом Ферид-паши, боровшимся с националистами. Связи с курдами, заверял британский представитель, не направлены против существующего правительства или против национального движения. Однако он не стал убеж-

дать собеседника в том, что англичане ничего общего не имеют с сепаратистскими притязаниями курдов.

Турецкий министр, со своей стороны, пытался внушить англичанину, что те вожди, с которыми имеют дело британские власти, не представляют большинство курдов и их общественное мнение. Райен же, завершая беседу, уверял Решид-пашу, что и сам предмет разговора — не столь уж серьезен: курды — народ со средневековыми обычаями, и к ним неприменимы «современные демократические критерии».

Де Робек, направляя меморандум Райена, изложил и собственный взгляд на проблему. Настало время, писал он, открыто определить позиции британского правительства по курдскому вопросу в связи со слухами, распространявшимися антиправительственными силами в Турции и курдскими сепаратистами, о враждебном отношении Англии к национальным движениям. Не следует вмешиваться в текущую политику Порты. В отношении будущего Курдистана надо сохранить и укрепить связи с французами, которые поддерживают национальное движение курдов «всеми своими силами»¹⁰⁵.

Таким образом, осенью 1919 г. британские власти в Турции дали явный крен в сторону курдов, изменив тем самым свою первоначальную позицию. Де Робек, сообщая Керзону (9 декабря) о беседе Хохлера с Абдул-Кадыром, заметил, что вопрос о курдской независимости заслуживает самого пристального внимания, что движение за нее — «глубокое и подлинное». Курды надеются на Англию и находятся на пути соглашения с армянами, что поможет избежать «многих трудностей».

Абдул-Кадыр обрисовал Хохлеру всю сложность, в которой находится курдское движение в Турции. Партия «Хюрриет ве итиляф», стремясь сместить нынешнее правительство Али Риза-паши, нуждается в поддержке курдов и обещает им полную автономию под протекторатом турецкого правительства. Нынешнее же правительство, суля курдам административную автономию во главе с курдскими чиновниками, в то же время ведет по отношению к ним провокационную и недружественную политику. Другая опасность подстерегает курдов со стороны Кемаля, который может объединиться против курдов с Халил-пашой и другими сторонниками Энвера. И правительство Али Риза-паши, и итиляфисты хотят натравить курдов на кемалистов. Сам Абдул-Кадыр хочет действовать «в абсолютном согласии с союзниками, и в особенности с Англией», от которой зависит судьба Курдистана. В заключение Абдул-Кадыр сообщил Хохлеру о соглашении с армянами (в Стамбуле и Париже).

Хохлер вел беседу в очень любезном тоне, не скупился на дружелюбные слова, заверял в приверженности к вильсоновским принципам и в симпатиях к борьбе курдов за независимость, выразил готовность довести до мирной конференции любое предложение курдских националистов, но воздержался от каких-либо конкретных обещаний политического свойства. Но в

ходе беседы проступила основная цель англичан — удержать курдов от всяких решительных выступлений. Хохлер убеждал собеседника, что нет оснований бояться кемалистского движения, которое сходит на нет. Не следует также опасаться армян и азербайджанцев, которых удержит в узде британский верховный комиссар в Закавказье. Заявив, что Англия выступает за мирное сосуществование всех партий в Турции, Хохлер практически игнорировал жалобы Абдул-Кадыра на притеснения со стороны Порты и отказал ему в помощи. Абдул-Кадыр был явно разочарован исходом переговоров; напоследок он выразил твердую решимость бороться за независимость Курдистана и отделение его от Турции¹⁰⁶.

Соглашение между армянами и курдами было зачислено и в Лондоне, и в ведомстве британского Верховного комиссара в Стамбуле в актив ближневосточной политики Англии. Это соглашение было оформлено в виде меморандума, подписанного видным армянским лидером, бывшим министром египетского правительства Погосом Нубар-пашой, представителем «Армянской республики» на Парижской конференции Оганджяном и Шериф-пашой не позднее 10 декабря 1919 г. в Париже¹⁰⁷. В изложении Керзона¹⁰⁸ по этому соглашению курды и армяне имеют «идентичные интересы и стремления, требуют свободы от Турции и создания объединенной независимой Армении и независимого Курдистана под мандатной властью». Определение курдо-армянской границы отдавалось на усмотрение мирной конференции. Декларировалось соблюдение в обоих государствах прав меньшинств.

Де Робек назвал курдо-армянское соглашение «счастливейшим предзнаменованием». Керзон в телеграмме от 20 декабря 1919 г. инструктировал ведомство верховного комиссара в Турции оказывать всяческое содействие этому «движению». Скепсис выразил лишь командующий британскими военно-морскими силами в Восточном Средиземноморье адмирал Веб, который уже 8 января 1920 г. писал, что, несмотря на желательность этого соглашения, оно пока ничего не дало (главным образом потому, что Шериф-паша не знает действительного положения в стране и не представляет себе подлинных «чаяний и чувств курдского народа»)¹⁰⁹.

Можно было бы добавить, что и подписавшие соглашение с армянской стороны также не выражали подлинных «чаяний и чувств» всего армянского народа, ставшего жертвой империалистических интриг. Однако англичан меньше всего интересовали народы, которых они собирались «облагодетельствовать». В период непосредственной подготовки турецкого мирного договора, в конце 1919 — начале 1920 г., англичане на месте начали готовить почву для его реализации, впервые широко используя курдскую карту.

В начале марта 1920 г. Ллойд Джордж громогласно объявил в палате общин о намерении союзников освободить курдов там,

где они составляют большинство¹¹⁰. Параллельно началась интенсивная обработка стамбульского правительства, дабы приучить его к мысли, что оно перестанет быть хозяином в курдо-армянских вилайетах Восточной Анатолии. В соответствии с этой задачей де Робек выразил министру иностранных дел Турции Сефа-бею недовольство в связи с действием турецких военных властей в районе «специальных интересов правительства его величества, именно в Юго-Восточном Курдистане», где возникли волнения из-за нападений армян и ассирийцев¹¹¹.

Предстоящая официальная постановка курдского вопроса на мирной конференции взволновала военные круги Англии. В меморандуме генштаба (от 15 марта 1920 г.) прозвучала большая озабоченность в связи с военно-политической ситуацией в Турецком Курдистане. Военные опасались, что проведение в жизнь статей мирного договора, касающихся отказа Турции в пользу союзников от всех прав и привилегий в Курдистане, потребует применения военной силы, что породит большие трудности. Не будучи в состоянии послать свои войска, Англия и Франция могут надеяться только на помощь со стороны местных сил, что по многим причинам проблематично из-за взаимных противоречий, подозрительности и открытой вражды противоборствующих сил — Порты, курдских и турецких националистов. «С военной точки зрения, — писали британские генштабисты, — нежелательно включение в мирный договор каких-либо условий, которые союзники не готовы навязать»¹¹². (Короче — никакого военного риска!)

26 марта 1920 г. Керзон направил де Робеку директиву, излагавшую основные принципы будущего государственно-политического статуса Курдистана в связи с предстоящим заключением мирного договора. «Не протекторат Англии или Франции, не разделенный протекторат, не группа государств под европейским протекторатом, но автономный Курдистан, отделенный от Турции и не находящийся даже под турецким сюзеренитетом» — так виделось решение курдской проблемы британскому министру иностранных дел.

Однако все это было пока только в теории, что прекрасно понимал сам Керзон. Ни ему, ни кому бы то ни было другому неясно было, какая «степень» автономии предназначалась Курдистану, означает ли она полную или только частичную «независимость», каковы будут границы автономного Курдистана и его взаимоотношений с Турцией, Арменией, Месопотамией и сирийским мандатами. На данном этапе подготовки турецкого мирного договора для Керзона важно и несомненно было только одно: «застолбить» за Англией право единоличного авторства будущих решений по курдской проблеме (о чем он прямо написал в этой директиве), причем не в качестве самоцели (т. е. не для реализации законного права курдского народа на самоопределение), а для использования этой проблемы как важнейшего инструмента для глобального решения всего турецкого вопроса

именно по английскому сценарию (о чем Керзон, естественно, умалчивал).

В то же время такой знаток Востока, как Керзон, не мог не сознавать, что в самой Турции (в отличие от Месопотамии) почва была плохо подготовлена для решения курдской проблемы в интересах Лондона. На Порту было мало надежды, поэтому он просил де Робека проконсультироваться с «курдским мнением» касательно осуществимости планов Лондона в Курдистане, особенно в части согласования их с интересами христианских меньшинств. Он не исключал приглашения в Лондон Абдул-Кадыра, или Шериф-паши, или других курдских лидеров. Аналогичное послание, но уже относящееся к Южному и Восточному Курдистану, было отправлено в Багдад¹¹³.

Выполнить задание Керзона было нелегко. Де Робек выразил «большие сомнения» относительно независимости или автономии Курдистана и изложил свои соображения, которые заключались в следующем.

Никакого «курдского мнения» (в смысле «ясно выраженного общественного мнения») на этот счет не существует. Подавляющее большинство курдов не вышло за рамки племенного мышления и не представляют себе другой власти, кроме власти шейхов и ага. Однако, по мнению верховного комиссара, следует избегать вражды со стороны племен. Образованные курды, придерживающиеся «сепаратистских идей», не имеют заметного влияния, а Шериф-паша, кроме того, тесно связан с турками. Однако, если «идея отделения Курдистана будет материализована», значение «Курдского клуба» в Стамбуле и других курдских политических организаций может возрасти. Впрочем, адмирал считал полезным выслушать мнение курдских лидеров (в количестве не более трех), а также посоветоваться с французами во избежание могущих возникнуть трений¹¹⁴. В общем, большого энтузиазма замыслы Лондона в отношении Курдистана у британских представителей в Константинополе не вызвали.

Аналогичной была и реакция командования британскими вооруженными силами в Турции. В меморандуме политического офицера при штабе британского командующего на Средиземном море говорилось о «гибельности» утраты Турцией вилайетов Эрзерум, Ван, Битлис. «Концепцию автономного Курдистана при существующем состоянии развития страны также невозможно рассматривать без серьезных опасений». В Восточной Анатолии должен быть оставлен османский сюзеренитет под европейским надзором, дабы местное население научилось управлять своими делами. «Армянским и курдским элементам должно быть разрешено тяготеть: первым — к армянскому отечеству с конечной абсорбцией „русской“ Арменией, вторым — по направлению к югу — к реальному Курдистану». В меморандуме командора Люка утверждалось, что курды — «азиатский двойник албанцев», или «способность к независимому существованию сомнительна»; ему должен предшествовать период автономии

под «внешним руководством». Дальше Люк излагал план протектората европейских держав над автономными Арменией и Курдистаном¹¹⁵.

Уже из приведенных материалов ясно видно, что британское военно-политическое руководство в Турции вовсе не принимало всерьез разговоры о грядущей независимости Турецкого Курдистана и, во всяком случае, не собиралось активно содействовать ее достижению, ссылаясь частично на выдуманные, частично на действительно существовавшие объективные и субъективные препятствия. Однако британский верховный комиссар в Турции и подведомственные ему службы отнюдь не устали от использования курдского вопроса для достижения стратегических целей Англии на Ближнем Востоке и, в частности, для подготовки выгодных для Англии статей турецкого мирного договора. Иначе говоря, суть курдской политики Лондона соответствующие службы в Стамбуле уловили и приняли как практическое руководство.

Они действовали наиболее простым и естественным путем: через Порту, от которой вправе были ожидать полной лояльности, особенно после возвращения к власти кабинета Дамада Ферид-паши (5 апреля 1920 г.). В это время экс-премьер (в октябре 1920 г. вновь занявший этот пост) Ахмед Тевфик-паша обсуждал с Шериф-пашой предложения по курдскому вопросу для представления мирной конференции. В автономный Курдистан, по их мысли, должны были быть включены санджак Дерсим, вилайеты Ван, Битлис и часть вилайетов Диарбекир и Харпут¹¹⁶.

Великого везира Дамада Ферид-пашу не надо было долго уговаривать пойти навстречу английским планам в отношении курдов. Он сам предложил использовать курдское движение против националистов-кемалистов и в первую очередь атаковать последних силами курдов в районе Диарбекир — Харпут — Муш, вступив с этой целью в переговоры с вали Харпута Галиб-беем и сейидом Абдул-Кадыром. Одновременно Ферид-паша и Абдул-Кадыр независимо друг от друга вступили в контакт с британским верховным комиссаром по курдскому вопросу. Ферид-паша запросил, соответствует ли «желанию или политике правительства его величества» такое использование курдов. А Абдул-Кадыр, хотя изъявил готовность напасть на кемалистов, одновременно, сказал, что не хочет себя компрометировать, действуя совместно с Ферид-пашой. Во всяком случае, он желал сперва удостовериться, что будут приняты его требования по курдскому вопросу («освобождение от прямого турецкого управления и от любых форм британского протектората»).

Положение де Робека было весьма затруднительным, ибо накануне Сан-Ремо и затем подписания турецкого мирного договора Англия никак не была заинтересована в разжигании в Восточной Анатолии внутренних смут с непредсказуемым исходом, могущих стать козырем противникам британской гегемонии в Турции вообще и в Армении и Курдистане в частности, т. е. в

первую очередь французам. Вместе с тем нельзя было отталкивать от себя ни Порту, ни уповающих на британскую помощь курдских нотаблей. Де Робек выбрал среднюю линию, отложив решение вопроса до принятия условий мирного договора, призванного создать новую ситуацию. Абдул-Кадыру он посоветовал «сидеть спокойно и довериться конференции». Дамаду Ферид-паше было сказано, что использование курдов против националистов будет поощрено только там, где не будет риска, что это не вызовет междоусобие среди курдов, поддерживающих националистов и борющихся против них. Де Робек пытался убедить и великого везира, и Абдул-Кадыра, что, хотя можно «организовать движение в Курдистане», это из-за раскола между самими курдами помешает решить курдский вопрос на мирной конференции в интересах всего населения страны¹¹⁷.

Керзон целиком одобрил тактику своего верховного комиссара в Турции. В телеграмме де Робеку из Сан-Ремо (24 апреля 1920 г.) он резко возражал против несвоевременного «возбуждения враждебности» курдов и просил до официального предъявления мирного договора не информировать ни Ферид-пашу, ни Абдул-Кадыра о проекте решения курдского вопроса¹¹⁸.

Таким образом, британская администрация в Турции приложила все усилия, чтобы облегчить своим дипломам проведение выгодного Англии варианта «решения» курдской проблемы. Можно было не бояться помех ни со стороны Порты, ни со стороны курдских национальных кругов. Правда, оставалась еще одна действовавшая в Турции политическая сила — националисты-кемалисты, но их в ту пору ни в Лондоне, ни в Стамбуле в расчет не принимали — как вскоре обнаружилось, совершенно напрасно¹¹⁹.

Если руководители британской внешней и колониальной политики легко нашли общий язык со своими представителями в Стамбуле по поводу решения курдской проблемы в предстоящем мирном договоре с Турцией, то обсуждение этой темы с главой администрации Англии в Ираке А. Вильсоном встретило затруднения. Они были порождены в основном объективными причинами: курдский вопрос в оккупированном англичанами Ираке стоял несколько в иной плоскости, чем в собственно Турции.

Керзон хорошо представлял себе эту разницу. Именно потому он и отнесся без энтузиазма к миссии Ноэля и настоял на ее прекращении, посоветовав Багдаду использовать познания этого энергичного майора в курдских делах исключительно в пределах Месопотамии¹²⁰. 22 марта 1920 г. министр по делам Индии сообщил гражданскому комиссару в Багдаде основные принципы политики по курдскому вопросу, предложенные «Индия офис» еще в конце декабря 1919 г. и принятые правительством в связи с подготовкой турецкого мирного договора. Они заключались в том, чтобы свести к минимуму военные и политические обя-

зательства Великобритании перед мусульманами. По отношению же к курдам курс должен быть таков: полный уход из Курдистана, никакой ответственности за его управление, в том числе и в округе Сулеймания, — британский сюзеренитет в Южном Курдистане породит нежелательные трудности.

Если курды захотят освобождения от Турции, Англия готова им помочь, но она не имеет информации о действительном положении дел в Курдистане, а главное — надежных партнеров и представителей от самих курдов (Шериф-паша не в счет). Министр просил А. Вильсона рекомендовать курдов, компетентных говорить о будущем Курдистана. При любой форме правления, заключал министр, в Курдистане «должны быть приняты меры для закрепления за Великобританией экономических преимуществ, и британское влияние должно быть преобладающим в южном ареале»¹²¹.

В этом документе, таким образом, речь шла фактически только о Южном Курдистане, где Лондон планировал внести систему исключительно косвенного контроля при сохранении всех основных атрибутов колониального порабощения этой территории. Однако такой образ действий в отношении курдской проблемы в Месопотамии вызвал решительные возражения британской администрации в Багдаде.

Политика, изложенная правительством, отвечал А. Вильсон министру по делам Индии Монтегю, будет «фатальной для удержания Месопотамии». Эвакуация Сулеймании и ликвидация там британской администрации помешает установлению безопасной «курдо-месопотамской границы». Предоставление Курдистану большей автономии, чем другим частям Месопотамии, вызовет сложности и вообще трудно реализуемо. Нельзя провести четкую линию между Курдистаном и Месопотамией, поскольку население здесь и по своей социальной организации, и в этническом отношении перемешано: курды-кочевники, полукошачники, оседлые, арабы-кочевники, туркмены и т. д. Идея единого Курдистана всем без исключения курдам чужда. «В целом Курдистан имеет расовое, но не национальное сознание... Географические и политические условия в Курдистане всегда мешали существованию продолжительного политического единства».

По мнению А. Вильсона (с которым, по его словам, согласны военные), в Южном Курдистане должен быть сохранен существующий (т. е. оккупационный) режим «с местным курдским фасадом» для удовлетворения курдского национального чувства.

Только ликвидация анархии в этом районе может обеспечить британские политические интересы. Но для этого надо пересмотреть предлагаемый политический курс, иначе Англии грозит потеря не только Мосульского вилайета, но и, возможно, всей Месопотамии. Кроме того, могут быть подорваны ненадежные позиции Великобритании в Персии и станет невозможной репатриация 50 тыс. христианских беженцев (ассирийцев-несториан) в Баакубе¹²².

Вдогонку в тот же день А. Вильсон отправляет в Лондон телеграмму, в которой дает решительный отвод Шериф-паше, а также руководителям «Курдского клуба» в Стамбуле как возможным ходатаям за иракских курдов в переговорах о турецком договоре. Первого он обвинил в некомпетентности и в непопулярности среди иракских курдов, вторых — в протурецких симпатиях¹²³.

Сношения Лондона с британскими представителями в Стамбуле и Багдаде по поводу турецкого мирного договора выявили три характерные черты:

1. Был взят курс на фактическое подчинение всего Курдистана британскому военно-политическому и экономическому влиянию, на использование курдского вопроса для установления британской гегемонии на Ближнем Востоке, но при этом правящие круги Англии не располагали четким политическим планом решения курдской проблемы, да, видимо, и не спешили его вырабатывать, дабы иметь свободу маневра, если ситуация в регионе изменится¹²⁴.

2. С самого начала и в центре, и на местах прослеживалась тенденция отделять постановку курдского вопроса в собственно Турции (в Восточной Анатолии) от таковой в Месопотамии. Тем самым было положено начало дальнейшему усугублению раздела Курдистана сперва на три, а после передачи Сирии Франции — и на четыре части.

3. При наличии единой общей цели в курдской политике (хотя и без четкого политического ориентира) у Лондона и Багдада не было единомыслия в определении судьбы Южного Курдистана. Сходились только на необходимости окончательного изгнания турок. Позитивная же сторона проблемы вызывала острые разногласия.

На этом вопросе, малоизученном и к тому же дающем повод к апологетическим толкованиям, следует специально остановиться. Джон Дарвин, оперировавший материалами Восточного комитета, утверждает, что Ллойд Джордж и Керзон во главе угла ближневосточного урегулирования поставили создание на Кавказе, в Армении и Курдистане, буферных государств с целью обеспечения контроля над Персией и Месопотамией и «в интересах англо-индийской безопасности». На заседании Комитета в середине апреля 1919 г. А. Вильсон изложил позицию индийского правительства, заключавшуюся в создании в Месопотамии шести провинций, включая арабскую провинцию в Мосуле, с цепью «автономных курдских государств» под единой властью Багдада. Керзон, предупредив, чтобы арабский национализм «не был вовлечен в постоянную оппозицию британскому правлению», выступил против распространения власти багдадского правительства на курдские «ханства» к северу и востоку от Мосула. Он не хотел предоставлять «ресурсы военного времени» в распоряжение багдадских властей. На заседании Восточного комитета 20 августа 1919 г. он выступил против даль-

нейшего продвижения в Курдистан и «предупреждал, что с Месопотамией не следует обращаться как со второй Индией». Керзон нападал на «режим Вильсона» за неумную экспансию и за подрыв англо-французской декларации 1918 г., настаивал на том, чтобы самая северная часть Южного Курдистана была вне нового Месопотамского государства. «Северные границы Месопотамии — возможно дальше на юг», — заявил он¹²⁵.

Несмотря на то что «англо-индийцы» (Перси Кокс и др.) парировали критику Керзона и «Индия офис» в адрес А. Вильсона, она продолжалась. Во время подготовки конференции в Сан-Ремо Керзон вновь обрушился на Вильсона за предложение включить курдов в создаваемое Иракское государство и управление им по образцу Египта. Керзон требовал отозвать А. Вильсона, и только распорядительность последнего во время арабского восстания помогла ему удержаться на посту гражданского комиссара¹²⁶.

Это не означает, пишет Дж. Дарвин, что Керзон перестал быть «империалистом чистой воды», что «горбатого исправила могила» или что с ним приключился «внезапный приступ либерализма в имперской политике». Именно в это время Керзон объявил, что Багдад — «точка опоры» британских позиций в Персии и Персидском заливе. Дарвин так объясняет образ действий Керзона в контексте британской политики на Ближнем Востоке.

Керзон чувствовал «отвращение» к прямой британской вовлеченности в Курдистане, ибо это означало бы чрезмерную нагрузку для британских финансов. Курдистан должен стать автономным и в таком качестве — «барьером против давления с севера»; даже небольшая помощь курдам на пути превращения в «независимую нацию» «стократно вознаградила» бы Англию. Главная задача — не допустить турок обратно в Курдистан. Эту задачу Керзон, Монтегю и другие члены кабинета Ллойд Джорджа хотели решить, не отвергая напрочь «дорогой субимпериализм Вильсона», главным образом посредством генерального мирного урегулирования с Турцией. Такой курс привел к «вынужденному партнерству с греками» и к конфронтации с кемалистами.

Таким образом, заключает Дарвин, по Керзону, британские интересы лучше будут обеспечены, если действовать в центре, а не на периферии «умершей турецкой имперской системы». Это позволяет и ослабить вмешательство Франции в Сирию¹²⁷.

Итак, даже если отставить в стороне все эти мотивы и оправдания (вроде «вынужденного партнерства с греками»), ясно, что спор шел не о принципах политики Великобритании в Курдистане и сопредельных районах в рамках послевоенного мирного урегулирования с Турцией, а о методах ее наиболее эффективного в тогдашней обстановке осуществления. В Лондоне Ллойд Джордж, Керзон и иже с ними затеяли сложную политическую игру, делая основную ставку на своих турецких клевере-

тов в Порте и султанском дворце, но одновременно подстраховывая себя планом создания некоего государственного или полугосударственного (автономного) образования в Курдистане, которым наряду с «независимой» Арменией можно было бы в случае надобности манипулировать с целью ограждения британских имперских интересов на Ближнем Востоке против возможных посягательств со стороны могущих выйти из-под контроля турок, арабов, обделенных добычей французов, а также с целью укрепления антисоветского «санитарного кордона». В Багдаде же и Дели рассуждали проще и с позиций исключительно арабской и отчасти иранской политики: надо, не теряя золотого времени, брать, что плохо лежит, т. е. прочно закрепиться в стратегически и экономически важном Южном и по возможности Юго-Западном Курдистане, в крайнем случае создав там «курдский фасад». Забегая вперед, следует отметить, что «англо-индийцы» и их рупор Арнольд Вильсон, а также многоопытный сэр Перси Кокс, в ту пору посланник в Тегеране, оказались правы, ибо проявили реалистический, а главное, компетентный подход к делу.

На пути к решению курдской проблемы по британскому сценарию в рамках готовившегося турецкого мирного договора маячило еще одно препятствие, которое, впрочем, преодолеть было совсем нетрудно. Речь идет о претензиях иранского правительства. Уже говорилось, что Тегеран вознамерился напомнить о себе на Парижской конференции, но не был заслушан. В период непосредственной подготовки договора с Турцией иранское правительство возобновило свои попытки принять участие в разделе Османской империи, претендуя на пограничные районы Турецкого Курдистана. Об этом сообщил Керзону иранский министр иностранных дел принц Фируз (Фируз Мирза Насред-од-Доуле). Он предъявил карту, по которой к Ирану должно было отойти «сердце курдской страны» к западу от оз. Урмия. Керзон возразил, что эта территория в течение нескольких столетий была под турками и пограничная линия была демаркирована перед самой войной. Аргументы же Фируза сводились к тому, что эта граница для курдов не имеет значения, ибо они ее свободно пересекают во время кочевков. Завершая беседу, Керзон обещал рассмотреть вопрос, но «не оставил никаких надежд», что требования персов будут удовлетворены¹²⁸.

Тем не менее персидское правительство продолжало настаивать на своем. Курды разделены на племена, враждующие друг с другом, писал через несколько дней Фируз Керзону. Они не нация и лишены объединяющей власти. Они составляют единую общность с персами в расовом, языковом и религиозном отношении. За объединение с Ираном стоят «религиозные вожди и нотабли Курдистана»¹²⁹.

Нажим осуществлялся и на британское посольство в Тегеране. Посланник Кокс в беседе с Фирузом «воздержался» от высказывания относительно притязаний персов в Курдистане, но

выразил удивление, что эти притязания предъявляются в момент, когда персидское правительство не может контролировать свою собственную территорию, так что британский вице-консул вынужден даже покинуть Урмию. Кокс пояснил, что он имел в виду «курдского бандита по имени Симко», который, получив помощь от турок, «терроризировал» страну от Хоя до Урмии. От себя Кокс высказал сомнение, что турецкие курды объединятся с персидскими под персидской властью. В заключение британский посланник позолотил пилюлю, посулив отдельные улучшения границы в соответствии с интересами Ирана¹³⁰. Однако вряд ли это давало основания иранскому премьер-министру Восуг-од-Доуле телеграфировать принцу Фирузу в Париж следующие слова: «Что касается Курдистана, я рад отметить, что в принципе лорд Керзон согласен с нашими взглядами»¹³¹. Своеобразная, хотя и весьма неуклюжая попытка оказать давление на британское правительство!

После Сан-Ремо тегеранское правительство вновь попыталось получить приращение за счет Турецкого Курдистана. Пребывавший в Париже принц Фируз, сославшись на обещание Керзона держать иранское правительство в курсе мирных переговоров, «когда придет время», заявил о заинтересованности Ирана в консультациях касательно границ Курдистана¹³². Керзон на это ответил, что на конференции в Сан-Ремо было решено только учесть интересы Персии в статьях, касающихся Курдистана, но конкретно этот вопрос должна решать на месте комиссия¹³³. Ясное дело: персам решили не давать ничего, а судьбу Восточного (Иранского) Курдистана, естественно, вообще вывели за рамки переговоров.

Иранское правительство попыталось привлечь внимание Антанты к своим территориальным притязаниям с помощью, казалось бы, испытанного аргумента — советской угрозы. В связи с восстановлением советской власти в Азербайджане Фируз сообщил о возможности соединения большевистского правительства в Баку с турками для совместной атаки через Северную Персию на Армению, что может вызвать «достоинную» сожаления реакцию в других частях Персии и Курдистана¹³⁴. Однако и этот прием не возымел действия. Со слабыми Антанта не считалась.

К слову сказать, жупел большевизма пытался использовать в сношениях с Лондоном и другой, так сказать, подневольный союзник Великобритании на Ближнем Востоке — Порты. Великий везир Дамад Ферид-паша установил контакты с консервативными курдскими кругами, которые с удовлетворением приняли весть о возможной автономии, но главную опасность видели все же в Кемале, олицетворявшем в их глазах «призрак большевизма и распада традиционной курдской системы». Ферид-паша, не возражавший против превращения Курдистана в автономное государство, предлагал де Робеку такую сделку: курдские лидеры ненавидят Кемалю за большевизм, вы ненавидите

Кемалю за его выступление против мирного договора, так давайте бросим курдов на Кемалю и покончим таким образом с националистами.

Султанская клика, следовательно, готова была пожертвовать территориальной целостностью своей страны ради сокрушения своего главного политического противника — патриотов-националистов. Надо сказать, что британский верховный комиссар не был готов к такой постановке вопроса, хотя и признавал за ней известные достоинства. Его смутила необходимость сотрудничества с Францией в этом трудном деле, ибо значительная часть курдов находилась в сфере ее влияния¹³⁵. Видимо, он старался не развязывать до опасных пределов политическую инициативу курдского движения, которое могло перехлестнуть за предначертанные ей рамки. Во всяком случае, реакции Лондона на это предложение не последовало. Наверное, там решили, что и без помощи во всех отношениях ненадежных курдов справятся с кемалистским движением.

Итак, в период непосредственной подготовки к подписанию турецкого мирного договора курдский вопрос был поставлен на практическую почву, занял вполне самостоятельное место в ряду других ближневосточных вопросов, ставших предметом дипломатических и политических переговоров. Как и все эти вопросы, курдский планировали решить по империалистическим рецептам, в первую очередь в интересах правящих кругов Великобритании. Курдистану, несмотря на обещанный ему статус автономного или даже независимого государства, готовили участь фактической колонии, такой же, как Ираку или Сирии. Специфика же постановки курдского вопроса в рассматриваемый период в отличие, например, от иракского или сирийского заключалась в том, что сам сценарий был готов только в сыром, черновом виде, изобиловал пропусками, неясностями, альтернативными вариантами и т. п. Сам термин «автономия» допускал совершенно различные толкования. Все это создавало, как вскоре выяснилось, непреодолимые препятствия для решения курдской проблемы даже в таком виде, в каком это было приемлемо для империалистов. Наиболее же пострадавшими оказались сами курды, ибо ни о каком национальном самоопределении, согласно всем этим горе-проектам, не могло быть и речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Халфин Н. А. Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М., 1963; Джалиле Джалил. Восстание курдов 1880 года. М., 1966; он же. Курды Османской империи в первой половине XIX века. М., 1973; он же. Из истории возникновения курдской политической печати. — Тюркологический сборник. 1973. М., 1975; он же. Первые курдские общественно-политические организации в период младотурецкого господства. — Там же; он же. Новые материалы из истории курдского национального движения. Восстание в Битлисе в 1914 г. — Тюркологический сборник. 1978. М., 1978; он же. Журнал «Рожа курд» как источник изучения курдской общественно-политической мысли начала XX в. — Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. VII. Курдоведение. Ереван, 1975; Лазарев М. С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века — 1917 г.). М., 1964; он же. Курдский вопрос (1891—1917). М., 1972.

² Британские военно-политические службы в Иране, Ираке и на Аравийском полуострове традиционно были подчинены Дели. Ведомству вице-короля были частично соподчинены и дипломатические службы в указанных странах.

³ Их название и выходные данные, как и всей другой упоминаемой здесь литературы, см. в библиографических примечаниях.

⁴ Музхар Ахмад Камаль — иракский ученый и общественный деятель. Научную подготовку получил в СССР, где издал (Баку, 1967) на русском языке свою книгу «Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1918—1932 гг.)», используемую в настоящей работе.

Глава I

¹ См.: Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891—1917). М., 1972, гл. VIII.

² Шамсутдинов А. М. Участие султанской Турции в интервенции против Советской России в 1918 г. — УЗИБ. Т. XIV. История и экономика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1956, с. 168.

³ Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966, с. 161—162.

⁴ См.: Лазарев М. С. Курдский вопрос, с. 344—345, 449—450.

⁵ Allen W. E. D., Muratoff Paul. Caucasien Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasien Border. 1828—1921. Cambridge, 1953, с. 459—460.

⁶ По решению командования Кавказской армии и контрреволюционного «Закавказского комиссариата» в декабре 1917 г. части Кавказской армии было решено переформировать по национальному признаку: армянские, грузинские, азербайджанские (Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны, с. 166—173).

⁷ ДВП. Т. I, № 78, 82, с. 121—123, 199—202.

⁸ Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны, с. 160—162.

⁹ Там же, с. 190—191.

¹⁰ Захватить всю Грузию туркам не позволили немцы, предпочитавшие оставить эту богатую страну для себя. Из этих же соображений Берлин тормозил продвижение турок к Баку (см.: Пипия К. В. — Германский империализм

в Закавказье в 1910—1918 гг. М., 1978, гл. III—V).

¹¹ Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны, с. 174.

¹² Нет никаких сведений о помощи закавказских курдов турецким оккупантам, а курды-езиды предпочитали бежать от них подальше (Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны, с. 182).

¹³ См.: Лазарев М. С. Курдский вопрос, гл. VIII; Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране (1914—1920). М., 1961, гл. I; Иванова М. Н. Национально-освободительное движение в Иране в 1918—1922 гг. М., 1961, гл. I.

¹⁴ ДВП. Т. I, № 78, с. 23.

¹⁵ Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны, с. 193—197, 246—248.

¹⁶ Там же, с. 163—165, 231—235; Иванова М. Н., с. 37—38; Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране, с. 65—81, 96—123.

¹⁷ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 38, л. 72, 116. Телеграммы британского консула в Керманшахе в Департамент иностранных и политических дел правительства Индии, 3 и 21 мая 1918 г.

¹⁸ См.: Матвеев К. П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И. И. Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны (1914—1933 гг.). М., 1968, с. 64—79; Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979, с. 92—105.

¹⁹ Таха — прозвище сейида Та (по названию 20-й суры Корана).
²⁰ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 38, л. 95—96. Британский посланник в Тегеране — вице-королю Индии, 14 мая 1918 г.; д. 41, № 315, Persia Series. Part XIX, с. 53. Британский посланник в Тегеране — вице-королю Индии, 17 апреля 1918 г.

²¹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 38. Persia Series. Part XIX, с. 54—55. Британский посланник в Тегеране — вице-королю, 19 апреля 1918 г.; д. 39, л. 39. Телеграмма командующего силами «Д» генерала Денстервилля в Военное министерство от 6 мая 1918 г.

²² АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 35, л. 33, 49. Телеграмма П. Кокса из Багдада от 14 декабря 1917 г.

²³ Там же, д. 36. Persia Series. Part XVII, с. 54. Телеграмма британского посланника в Тегеране правительству Индии от 8 января 1918 г.

²⁴ Калька с англ. *levy* — рекруты, войска.

²⁵ Т. е. англичане пытались (без особого успеха) проводить ту политику, которую незадолго до того проводили их русские предшественники в Иракском Курдистане (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 37, с. 54). Телеграмма командующего силами «Д» генерала Денстервилля британским военным атташе в Тегеране и Дели от 11 марта 1918 г.

²⁶ Там же, с. 39. Телеграмма британского посланника в Тегеране вице-королю Индии от 10 марта 1918 г.

²⁷ Там же, д. 39, л. 49, 65. Телеграмма британского консула в Керманшахе правительству Индии от 10 и 18 июня 1918 г.

²⁸ Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране, с. 77.

²⁹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 39, л. 65.

³⁰ См.: Лазарев М. С. Курдский вопрос, с. 453.

³¹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 36, л. 106—107. Телеграмма начальника военной разведки командующему силами «Д», 15 февраля 1918 г.; д. 37, л. 55. Командующий силами «Д» — начальнику военной разведки, 12 марта 1918 г.

³² Прежде курдская верхушка в своих планах борьбы за независимость склонялась к покровительству только России.

³³ Там же, д. 147. *Precis of Affairs in Southern Kurdistan during the Great War*. Baghdad, 1919, с. 7—8.

³⁴ *Precis of Affairs*, с. 8.

³⁵ По другой версии, эти переговоры происходили в Марселе, может быть, потому, что Шериф-паша с начала войны вел переговоры и с французскими представителями, но те также не принимали его всерьез (*Schmidt D. A. Journey among Brave Men*. Boston — Toronto, 1964, с. 192—193; *Yung E. La revolte arabe*. Vol. I. P., 1924—1925, с. 109—110; *Bell G. Review of the Civil Administration of Mesopotamia*. L., 1920, с. 60).

³⁶ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 39, л. 115. Телеграмма британского посланника

ка в Тегеране вице-королю Индии от 30 мая 1918 г.; телеграмма командующего силами «Д» в военное министерство от 18 октября 1918 г.

³⁷ См.: Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.). М., 1960, с. 129—137.

³⁸ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 35, л. 61. Телеграммы правительству Индии политического резидента Англии в Персидском заливе от 14 декабря 1917 г. и гражданского комиссара в Багдаде П. Кокса от 7 декабря 1917 г.

³⁹ Там же, л. 108—114.

⁴⁰ Полное имя шейха Махмуда Барзанджи (иногда пишут Барзинджи или Барзанджа) — Махмуд ибн Хафит ибн Кака. Он возводил свою родословную к пророку Мухаммаду через его дочь Фатиму и зятя (и двоюродного брата) Али ибн Абу Талиба четвертого «праведного» халифа (656—661).

⁴¹ Там же, д. 147. *Precis of Affairs*, с. 5—6; *Kurdistan and Kurds* (by capt. C. R. Driver), с. 78.

⁴² Там же. *Precis of Affairs*, с. 5—7; *Kurdistan and Kurds*, с. 78—79; Лазарев М. С. Курдский вопрос, с. 356—357, 452—453.

⁴³ Напомним, что по межсоюзническим соглашениям 1915—1916 гг. эти «куски» Курдистана должны были быть отторгнуты от Турции в пользу России и Франции.

⁴⁴ См.: Хейфец А. Н. Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. М., 1959, с. 19—23; История дипломатии. Т. III. М., 1965, с. 53—58.

⁴⁵ ДВП. Т. I, № 43; Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ер., 1962, с. 324.

⁴⁶ ДВП. Т. I, № 43, с. 75.

⁴⁷ См.: Сталин И. В. О «Турецкой Армении». — Сочинение. Т. 4. М., 1947, с. 25—26.

⁴⁸ ДВП. Т. I, № 54, с. 91—92, 713.

⁴⁹ Там же, № 156, с. 273. Нога НКВД поверенному в делах Персии в РСФСР Асад-хану от 29 апреля 1918 г.

⁵⁰ См.: Хейфец А. Н. Великий Октябрь и угнетенные народы Востока, с. 25—28; его же. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1964, с. 173—196.

⁵¹ Хейфец А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока, гл. I; Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны, IV.

⁵² ДВП. № 127, с. 240—241.

Глава II

¹ Как писал американский историк Ховард, англичане, стремясь установить свой контроль над всем Ближним Востоком, действовали «не только против своих врагов — турок, но также и против своих союзников — французов» (*Howards Harry N. The Partition of Turkey. A Diplomatic History 1913—1923. New York, 1966, с. 210*).

² См., например: *Ireland Ph. W. Iraq. A Study in Political Development. L., 1937, с. 155*; *Edmonds G. J. Kurds, Turks and Arabs. Politics, Travel and Research in North-Eastern Iraq. 1919—1925. L., 1957, с. 29*.

³ Например: *Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.—Л., 1948, с. 75*.

⁴ Текст см.: *Temperley H. W. A. History of the Peace Conference of Paris. Vol. I. L., 1920, с. 495—497*.

⁵ Традиционно армянскими считались вилайеты Эрзерум, Ван, Битлис, Диарбекир, Харпут и Сивас.

⁶ В источниках и литературе встречаются разные даты захвата англичанами города и всего вилайета Мосула. Но это несущественно, ибо разночтения касаются всего нескольких дней и отчасти вызваны тем, что одни авторы имеют в виду город, а другие — весь вилайет.

⁷ *Ireland Ph. W. Iraq, с. 155*; *Bell G. Review, с. 48*; АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147. *Precis of Affairs, с. 7*; Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, с. 217.

⁸ *Precis of Affairs, с. 7*.

⁹ *Bell G. Review, с. 48*; *Ireland Ph. W. Iraq, с. 155*.

¹⁰ Имеется в виду граница между тогдашней Османской империей и Ираном.

¹¹ *Wilson Arnold T. Mesopotamia 1917—1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record. L., 1931, с. 84—86*.

¹² Там же, с. 86, 87.

¹³ Как писала энергичный и наиболее способный деятель британской колониальной администрации в Месопотамии Гертруда Белл, его взгляды имели «слишком академический привкус» (*Bell G. Review, с. 60*).

¹⁴ Там же, с. 58—59; *Precis of Affairs, с. 8*.

¹⁵ *Precis of Affairs, с. 9*.

¹⁶ *Wilson A. T. Mesopotamia 1917—1920, с. X*.

¹⁷ Видимо, он имел в виду очень узкие хронологические рамки и исключительно английские интересы того времени. В действительности курдский вопрос в его внутреннем и международном аспектах возник еще в XIX в., как это доказывается, в частности, в исследованиях советских востоковедов (см.: Халфин Н. А. Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М., 1963; Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891—1917).

¹⁸ *Wilson A. T. Mesopotamia 1917—1920, с. 126*.

¹⁹ *Precis of Affairs, с. 9*.

²⁰ В отчете нашли также отражение события конца 1918 и первой половины 1919 г.

²¹ Имелась в виду установленная в Багдаде британская военно-гражданская администрация, юрисдикция которой распространялась на оккупированные Басорский и Мосульский вилайеты побежденной Османской империи.

²² Там же, с. 9; *Wilson A. T. Mesopotamia 1917—1920, с. 128*.

²³ *Wilson A. T. Mesopotamia 1917—1920, с. 129*.

²⁴ *Precis of Affairs, с. 9—10*; *Wilson A. T. Mesopotamia 1917—1920, с. 129*.

²⁵ *Wilson A. T. Mesopotamia, с. 130—132*.

²⁶ См.: Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, гл. III—V.

²⁷ *Precis of Affairs, с. 9—10*; *Wilson A. T. Mesopotamia, с. 129—130*; *Bell G. Review, с. 60—61*.

²⁸ А. Вильсон называл Сона «наиболее замечательным человеком, с которым выпал жребий встретиться» (*Wilson A. T. Mesopotamia, с. 82*).

²⁹ Там же, с. 83—84; *Precis of Affairs, с. 7*.

³⁰ *Precis of Affairs, с. 10—11*.

³¹ *Wilson A. T. Mesopotamia, с. 39—40*.

³² Там же.

³³ *Precis of Affairs, с. 12—13*; *Wilson A. T. Mesopotamia, с. 133*.

³⁴ *Precis of Affairs, с. 12—13*; *Wilson A. T. Mesopotamia, с. 134*.

³⁵ Подписан инициалами EJR, раскрыть которые не представляется возможным.

³⁶ *Precis of Affairs, с. 18—20*.

³⁷ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147; *Noël E. W. C., major. Note on the Kurdish Situation. July 1919. Bagdad, 1919, с. 11*.

³⁸ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152 [б. л.]. Копия меморандума политического офицера в Киркуке, 7.XI.1918.

³⁹ «Важным стратегическим барьером» против этих, а также «турецких движений», по мнению Г. Белл, должен был стать населенный курдами-езидами Джебель-Синджар (*Bell G. Review, с. 51, 61*).

⁴⁰ *Ireland Ph. W. Iraq, с. 161—162*.

⁴¹ См.: Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке. М., 1958, с. 101—103.

⁴² *Ireland Ph. W. Iraq, с. 168—172*.

⁴³ Там же, с. 181.

⁴⁴ Там же, с. 187.

⁴⁵ Там же, с. 189.

⁴⁶ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 41. Телеграмма № 970 от 14 ноября 1918 г.

⁴⁷ Сенджаби — полукошачьи; племя образовалось в конце XVI в. из кашкайцев, шахрезуров, дуров и насчитывало 150 селений. По вероисповеданию сенджаби — али-илахи.

⁴⁸ Виноградова А. Кочевые племена Персии и их политическая роль.— *Международная жизнь*. 1922, № 3 (121), с. 13.

⁴⁹ Там же, с. 14.

⁵⁰ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 90—91, л. 1, 9. Телеграмма генерала У. Маллесона начальнику генерального штаба в Симлу от 27 июня 1919 г. и телеграмма вице-короля Индии министру по делам Индии от 9 июля 1919 г. (*Persia Series. Part XXVI, Situation in Persia*).

⁵¹ Денни Л. Борьба за нефтяную монополию. М.—Л., 1934, с. 43; Герасимов О. Иракская нефть. М., 1969, с. 9—13.

⁵² Брукс Майкл. Нефть и внешняя политика. М., 1949, с. 101—102.

⁵³ Гофман Карл. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм. Л., 1930, с. 71, 81, 82, 85.

⁵⁴ Керзон утверждал, что английский эксперт Марк Сайкс это соглашение не одобрял и действовал по принуждению МИД (*Ллойд Джордж Д. Права о мирных договорах*. Т. II. М., 1957, с. 216).

⁵⁵ Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М.—Л., 1927, с. 156.

⁵⁶ Имелась в виду правящая в Турции в 1908—1918 гг. партия Комитет «Единение и Прогресс» (Иттихад ве Теракки).

⁵⁷ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. V. М., 1938, с. 52.

⁵⁸ Черчилль В. Мировой кризис. М.—Л., 1932, с. 105, 106; История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III. М., 1965, с. 72.

⁵⁹ Ключников Ю. В. и Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926, № 88, с. 109.

⁶⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. V, с. 41.

⁶¹ Ллойд Джордж Д. Права о мирных договорах. Т. II, с. 9.

⁶² Там же, с. 10.

⁶³ Там же, с. 10—11. Незадолго до этого в переговорах с главой турецкой миссии Красного Креста Мухтар-беем о сепаратном мире, которые вели секретарь Ллойд Джорджа Керр и генерал Я. Х. Смэтс, позиция английской стороны была выражена более определенно. В Армении, Сирии, Месопотамии, Палестине и Аравии предусматривалось создание собственных автономных правительств или «смешанной администрации из местных и европейских чиновников под протекторатом одной или нескольких союзных держав, как в Египте». Но эти переговоры не имели особого значения, ибо велись с целью предварительного зондажа (*Ллойд Джордж Д. Военные мемуары*. Т. V, с. 54; Лазарев М. С. Крушение турецкого господства, с. 196—197).

⁶⁴ Darwin John. Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of War. 1918—1922. N. Y., 1981, с. 162.

⁶⁵ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. VI. М., 1937, с. 140.

⁶⁶ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 225—226.

⁶⁷ Там же, с. 226.

⁶⁸ Howard Harry N. The King-Crane Commission. An American Inquiry in the Middle East. Beirut, 1963, с. 17.

⁶⁹ Там же, с. 21.

⁷⁰ Следует учесть, что географические рамки терминов «Курдистан» и «курдский вопрос» в то время были весьма неопределенными и включали в себя ареалы Месопотамии, Армении и Сирии.

⁷¹ См. подробно: Лазарев М. С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, с. 200—202.

⁷² Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. V, с. 165, 167.

⁷³ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 227; Гофман К. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 87.

⁷⁴ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. I, с. 111.

⁷⁵ Тардье А. Мир. М., 1943, с. 80.

⁷⁶ Шпилькова В. И. Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920 гг.). М., 1960, с. 36—38.

⁷⁷ В широком смысле слова ближневосточный вопрос включал в себя послевоенное переустройство всей Юго-Западной Азии, занимаемой рухнувшей Османской империей и фактически оккупированным союзниками (с конца 1917 г. одной Англией) Ираном. Боровшийся за полную независимость Аф-

ганистан в то время больше тяготел к Британской Индии, и его к региону обычно не причисляли. Однако сам этот вопрос состоял из некоторых относительно самостоятельных и весьма крупных и важных самих по себе вопросов. То были: 1) собственно «турецкий вопрос», т. е. будущее государственно-политическое устройство населенных в основном турками п-ова Малой Азии и Восточной Фракии; 2) иранский вопрос; 3) арабский вопрос (существовавший в теории и сам по себе в связи с обещаниями англо-французов о соглашении Сайкс — Пико содействовать созданию из территорий Азиатской Турции независимого арабского государства, а фактически распавшийся на самостоятельные вопросы о судьбах отдельных арабских стран, входивших в Османскую империю); 4) палестинский вопрос, начавший выделяться из арабманскую империю); 4) палестинский вопрос, начавший выделяться из арабского особенно после появления известной декларации Бальфура от 2 ноября 1917 г. о создании в Палестине еврейского национального очага; 5) армянский вопрос; 6) курдский вопрос. Следует отметить, что все эти вопросы тесно связаны между собой, и их нельзя рассматривать изолированно. Кроме того, к ним примыкали проблемы других регионов, например упомянутый «кавказский вопрос» или «египетский вопрос». К сказанному следует прибавить, что сами перечисленные вопросы были далеко не равнозначны не только по своему весу, но и в международно-правовом отношении. Одни из них (турецкий, арабский, армянский, курдский) были объектами многостороннего рассмотрения на международных форумах, другие (иранский, статус княжеств Аравийского п-ова) забирали в свое ведение одна Англия. В то же время все державы Антанты объединял последовательно империалистический, колониалистский подход ко всем этим ближневосточным проблемам.

Большинство указанных вопросов неплохо изучено в советской и зарубежной литературе. Курдский составляет исключение. Поэтому здесь и в дальнейшем изложении выделяются только те моменты, которые имеют к нему прямое или косвенное отношение, как это следует из задач настоящего исследования.

⁷⁸ Архив полковника Хауза. Подготовлен к печати профессором истории Ийльского университета Чарлзом Сеймуром. Т. III. М., 1939, с. 227, 233.

⁷⁹ Там же. Т. IV. М., 1944, с. 156—157.

⁸⁰ PRFR. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. I. Wash., 1942, с. 69.

Глава III

¹ В этой и других главах книги курдские движения рассматриваются преимущественно в связи с политикой Англии, Турции и других заинтересованных сторон. Самостоятельному изучению курдских движений посвящена специальная монография «Курдское движение в новое и новейшее время». М., 1987. См., в частности гл. IV «Курдский вопрос после первой мировой войны (1918—1923)», с. 85—119.

² В этом отношении курдский феодальный национализм сходен с афганским (пуштунским) с той разницей, что последний в гораздо большей мере пропитан исламским клерикализмом.

³ Социально-экономический анализ состояния курдского общества в исследуемую эпоху см.: Ментешавили А. М. Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. М., 1984.

⁴ Ленин В. И. Новая глава всемирной истории.— Полное собрание сочинений. Т. 22, с. 156.

⁵ Ленин В. И. Балканская война и буржуазный шовинизм.— Т. 23, с. 38.

⁶ См.: Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 76; Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата. М., 1969, с. 192—193; АВПР, ф. НАИ, д. 147, л. 14—15.

Внешняя канва событий, связанных с этим и другими курдскими восстаниями, уже известна по советской и зарубежной литературе, поэтому здесь и далее основное внимание при описании курдских движений и их общей оценке уделяется наиболее существенным моментам в их характеристике, а также новым фактам, впервые извлеченным из первоисточников (главным образом из «Национального архива Индии») и из прессы.

⁷ Видимо, Ширнак, расположенный в Иране, близ границы с Ираком.

⁸ АВПР, ф. НАИ, д. 147, л. 15.

⁹ См., например: *Longrigg St. H. Iraq, 1900 to 1950. A Political, Social and Economic History*. L., 1953, с. 104.

¹⁰ В источниках и литературе не найдено документального подтверждения формального провозглашения шейхом Махмудом независимости Курдистана; видимо, это событие все же произошло «де-факто», а не «де-юре». Титул «хукмудар», которым Махмуда Барзанджи наделили англичане после изгнания турок из Сулеймании и который он сохранил во время восстания, не имеет однозначного толкования. В арабско-русском словаре Х. К. Баранова (изд. 5-е. М., 1976) даются неприемлемые значения: «полцеймейстер», «командир» (с. 188); в персидско-русском словаре Б. В. Миллера (изд. 2-е. М., 1953) — более подходящие: «повелитель», «правитель», «государь» (с. 179).

¹¹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147, л. 15—16; д. 152, л. 87. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе от 25 мая 1919; *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 136—137; *Rambout L. Les kurdes et le droit. Des textes, des faits*. P., 1947, с. 57.

¹² АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 87.

¹³ Вильсон впоследствии писал, что он возражал против отмены Махмуду смертной казни, которая должна была стать главным фактором «восстановления спокойствия» в Курдистане (*Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 139).

Описание восстания шейха Махмуда в 1919 г. см.: *Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иранском Курдистане*, с. 76—81; *Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата*, с. 193—196. Там же приведена литература вопроса.

¹⁴ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 18—20. Телеграмма от 28 августа 1919 г. Основные ее положения текстуально вошли в неоднократно цитируемую книгу автора.

¹⁵ *Hay W. R. Two Years in Kurdistan. Experience of a Political Officer 1918—1920*, L., 1921, с. 193.

¹⁶ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152. Телеграммы британского политического резидента в Персидском заливе — в Дели от 3, 9, 11 декабря 1918 г. и от 5 января 1919 г. и телеграммы министра по делам Индии вице-королю от 9 и 19 декабря 1918 г.

¹⁷ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 61. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе в департамент по иностранным и политическим делам правительства Индии от 26 апреля 1919 г.

¹⁸ Там же, телеграмма от 15 апреля 1919 г.

¹⁹ *Bell G. Review*, с. 66.

²⁰ Там же, с. 68.

²¹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147.

²² АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 60. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе в Симлу от 19 апреля 1919 г.

²³ Лонгриг уверял читателей, что британская администрация относилась к курдам «с простодушным доверием», несмотря на «трагические эпизоды» в первые месяцы оккупации, было много проявлений «лояльной дружбы» между курдскими вождями и британскими офицерами (*Longrigg St. H. Iraq*, с. 102).

²⁴ *Bell G. Review*, с. 63.

²⁵ АВПР, ф. НАИ, д. 152, л. 79—80. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе правительству Индии от 12 мая 1919 г.

²⁶ *Bell G. Review*, с. 69.

²⁷ Там же, с. 69—70.

²⁸ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 38. Политический резидент в Персидском заливе — британскому верховному комиссару в Константинополе, 3 июля 1919 г.

²⁹ Там же.

³⁰ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 39, 44, 45. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе от 8 и 28 июня 1919 г.

³¹ Отметим, что США, опасаясь поглощения Ирана Англией, поощряли контакты между Таха и Симко (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 40. Телеграмма П. Кокса от 1 июля 1919 г.).

³² Еще в 1918 г. между курдами и приурмийскими ассирийцами происходили кровавые столкновения. Подробнее об ассирийском вопросе во время и

после первой мировой войны см. работы К. П. Матвеева: *Матвеев К. П.* (Бар-Маттай), *Мар-Юхання И. И.* Ассирийский вопрос, гл. II, III; *Матвеев К. П.* Ассирийцы и ассирийская проблема, гл. V—VII.

³³ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе британскому посланнику в Тегеране от 3 и 7 июля 1919 г.

³⁴ *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 145.

³⁵ Там же, с. 290.

³⁶ *Longrigg St. H. Iraq*, с. 101.

³⁷ *Hay W. R. Two Years in Kurdistan*, с. 353.

³⁸ *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 290.

³⁹ Там же, с. 152—153; *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 81—83; *Longrigg St. H. Iraq*, с. 103.

⁴⁰ Они начались еще в конце июня 1919 г.

⁴¹ *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 82.

⁴² Там же, с. 83.

⁴³ *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 259.

⁴⁴ Там же, с. 154.

⁴⁵ См.: *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке.

⁴⁶ *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 259.

Недооценка роли курдского вопроса в общественно-политической жизни Ирака в 1918—1920 гг. отчасти характерна и для указанной книги Л. Н. Котлова. См. мою рецензию на эту книгу в журнале «Советское востоковедение» (1958, № 5, с. 171).

В период подготовки восстания арабское националистическое общество Аль-Ахд вело антианглийскую пропаганду среди курдов. Один из лидеров общества в послании шейхам арабских племен тайи и шаммар писал, что они должны брать пример с курдов. Он «проявлял живой интерес к курдским делам и просил шейхов тайи передать его послание курдам рашьян» (*Kedourie E. England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire 1914—1921*. L., 1956, с. 82, 83).

⁴⁷ *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 291.

⁴⁸ *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание, с. 137; *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение, с. 91.

⁴⁹ *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение, с. 91.

⁵⁰ *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание, с. 139; *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 231.

⁵¹ *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание, с. 139, 167, 168.

⁵² *Гурко-Кряжин В.* «Четыре конфликта». — «Новый Восток», 1925, кн. 1 (7), с. 61.

⁵³ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 67.

⁵⁴ «Англо-индийцами» называли возглавлявшуюся лордом Керзоном группировку колониальных деятелей (в их ведении были Индия, Афганистан, Иран, Ирак, страны Персидского залива), которые отличались ультраимпериалистическими настроениями.

⁵⁵ *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 116; *Longrigg St. H. Iraq*, с. 117—118.

⁵⁶ *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 124.

⁵⁷ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 158, л. 72—73. Заметка майора Ноэля о политическом статусе Курдистана (б. д., Сулеймания, предположительно февраль 1919 г.).

⁵⁸ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 30—31; *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 143.

⁵⁹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 88. Телеграмма от 22 августа 1919 г.

⁶⁰ Такое положение сохраняется и в Пакистане вплоть до наших дней.

⁶¹ Так называли хакарийских ассирийцев-несториан — по имени одного из самых крупных и влиятельных племен — маликств — джилу (подробнее см.: *Матвеев К. П.* Ассирийцы и ассирийская проблема, гл. III).

⁶² АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 7—8. Письмо от 22 мая 1919 г.

⁶³ Там же, л. 8. Бригадный генерал Остин — начальнику Генштаба, телеграмма от 26 мая 1919 г.

⁶⁴ Там же, д. 152, л. 101. Телеграмма министра по делам Индии — вице-королю.

⁶⁵ Там же, л. 88. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе в Симлу от 25 мая 1919 г.

⁶⁶ Там же, д. 153, л. 20.

⁶⁷ Там же, л. 21, 29, 30. Телеграмма из Каира политической службе в Багдаде от 14 июня 1919 г. и Ноэля — туда же от 13 июня 1919 г.

⁶⁸ Там же, л. 42—44. Телеграмма Била из Равандуза и Мосула политическому резиденту в Багдаде от 29 мая и 6 июня 1919 г.

⁶⁹ Edmonds C. J. Kurds, Turks and Arabs, с. 180, 216—217.

⁷⁰ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 57. Телеграмма Ноэля в Багдад от 10 июля 1919 г.

⁷¹ Там же, л. 87. Телеграмма главного командования сил «Д» в Багдаде военному министру от 15 августа 1919 г.

⁷² Gavan S. S. Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 30.

⁷³ Там же, с. 30—31.

⁷⁴ Там же, с. 31.

⁷⁵ Там же, с. 31.

⁷⁶ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154. Министр по делам Индии Монтегю — А. Вильсону, 22 ноября 1919 г.

⁷⁷ Имеется в виду несомненно Юго-Западный Курдистан, где оставались регулярные турецкие войска.

⁷⁸ АВПР, ф. НАИ, д. 154, сер. А, л. 89—90. А. Вильсон — Э. С. Монтегю, 26 ноября 1919 г.

⁷⁹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 35—36. От помощника министра иностранных дел А. Хирцеля — в министерство по делам Индии, 20 декабря 1919 г.

⁸⁰ Там же, л. 37—39. Отчет о совещании в министерстве по делам Индии для обсуждения телеграмм полковника Вильсона от 26—27 ноября 1919 г. о границах между Месопотамией и Курдистаном.

⁸¹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147. Precise of Affairs in Southern Kurdistan, с. 16—17.

⁸² АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 117—119. Administration of Mesopotamia. Part IV. Письмо Сона А. Вильсону от 11 января 1920 г.

⁸³ Там же, письмо Хамди Бабана А. Вильсону от 25 января 1920 г., л. 121. Текст не найден.

⁸⁵ Там же, л. 155. Foreign and Political Department Notes. Administration of Mesopotamia. Part IV, с. 3—4.

⁸⁶ Там же, л. 4—5. Политический резидент в Персидском заливе — секретарю по иностранным делам правительства Индии, 25 марта 1920 г.

⁸⁷ Там же, л. 6. Политический резидент в Персидском заливе — секретарю по иностранным делам, 27 марта 1920 г.

⁸⁸ Там же. А. Вильсон — Монтегю, 5 апреля 1920 г.

⁸⁹ Там же, д. 156, л. 9. Proceedings of the Foreign and Political Department. February 1921. Administration of Mesopotamia. Part IV. А. Вильсон — Монтегю, 3 июля 1920 г.

⁹⁰ Там же, А. Вильсон — Монтегю, 16 июля 1920 г.

⁹¹ Сон дает следующую социальную структуру курдского общества в Ираке: на 94% оно состоит из «свободных и независимых крестьян-фермеров, усердных, безразличных к внешнему миру, безгласных». Остальные 6% — население Сулеймании, из них 5,5% торговцы и фермеры, занятые своими делами и не интересующиеся внешней политикой. Оставшиеся 0,5% — чиновники и нотабли, которые и представляют собой «vox populi», играют политическую роль. Сон утверждает, что указанные 94% не хотят никаких перемен и что именно они не поддерживали шейха Махмуда Барзанджи, благодаря чему его восстание было подавлено (там же, л. 71—72. «Записка о политической ситуации в Южном Курдистане майора Сона, политического офицера в Сулеймании», 28 июля 1920 г.).

⁹² Там же.

⁹³ Там же, л. 73—74. Письмо Хамди-паши А. Вильсону от 6 августа 1920 г.

⁹⁴ Там же, л. 74. А. Вильсон — Хамди, 9 августа 1920 г.

⁹⁵ Одному из главных его аспектов — курдским движениям — посвящено

недавно вышедшее специальное исследование О. И. Жигалиной «Национальное движение курдов в Иране (1918—1947 гг.)». М., 1988.

⁹⁶ Востров А. Племена Ирана и племенная политика иранского правительства. — Материалы по национально-колониальным проблемам. 1936, № 34, с. 215—216.

⁹⁷ АВПР, ф. НАИ, д. 147, л. 14; Precise of Affairs.

⁹⁸ О его деятельности накануне и во время первой мировой войны см.: Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891—1917), гл. IV—VIII.

⁹⁹ Матвеев К. П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И. И. Ассирийский вопрос, с. 67—80.

¹⁰⁰ Arfa Hassan. The Kurds. An Historical and Political Study. L., 1960, с. 56.

¹⁰¹ Там же, с. 57.

¹⁰² Там же, с. 57—58.

¹⁰³ Там же, с. 58.

¹⁰⁴ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154. Гражданский комиссар в Багдаде — министру по делам Индии, 25 августа 1919 г.

¹⁰⁵ Wilson A. Mesopotamia, с. 141—142; Bell G. Review, с. 70.

¹⁰⁶ Единственное известное нам упоминание в литературе и источниках о существовании такого органа.

¹⁰⁷ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153. И. о. гражданского комиссара в Месопотамии — в министерство по делам Индии, 9 июля 1919 г. Gavan S. S. Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 19—20.

¹⁰⁸ Там же, д. 147, л. 18—19. Noel E. W. C. major. Note of the Kurdish Situation.

¹⁰⁹ Эти данные относятся к нашему времени (Chaliand G., Ghassemlu A. R., Kendal, Nazdar M., Roosevelt A., Vanty J. C. Les Kurdes et le Kurdistan. Les question nationale kurde au Proche-Orient. P., 1978, с. 71; Vanty Ismet Cherriff Dr. Survey on the National Question of Turkish Kurdistan with Historical Background. Roma 1971, с. 6), но их можно без большой ошибки отнести и к исследуемому периоду.

¹¹⁰ Этот термин, созданный по аналогии с «младотурками», не привился в литературе. Из советских курдоведов его употреблял О. Л. Вильчевский, больше в одиозном значении (см.: Вильчевский О. Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии. — Иранские языки. 1945, I. М. — Л., 1945, с. 152).

¹¹¹ Safrastian Arshak. Kurds and Kurdistan. L., 1948, с. 77.

¹¹² Лакхути. Курдистан и курды. — Новый Восток. 1923, кн. 4, с. 65—66.

¹¹³ Safrastian A. Kurds and Kurdistan, с. 78.

¹¹⁴ Лакхути. Курдистан и курды, с. 66.

¹¹⁵ Longrigg St. H. Iraq, с. 66.

¹¹⁶ Делегация была арестована Мустафой Кемалем у Диарбекира и силой возвращена в Стамбул (Elphinstone W. G. The Kurdish Question. — International Affairs. Vol. XXIII, № 1, January 1946, с. 95).

¹¹⁷ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 37. Шериф-паша — Фанк-бею (его кузену). Париж, 20 января 1919 г.

¹¹⁸ Bell G. Review, с. 65—66.

¹¹⁹ Unal T. Türkiye siyasi tarihi (1700—1958). Ankara, 1958, с. 235.

¹²⁰ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147, л. 9. Noel E. Note on the Kurdish Situation.

¹²¹ К пропаганде панисламизма среди курдов приложили руку агенты правителя (шерифа) Мекки Хусейна ибн Али из рода Хашимитов. Шериф Хусейн, в годы войны союзник Англии, после ее окончания делал амбициозные планы создания своего халифата, что противоречило планам Лондона. Иттихадистскую пропаганду рьяно вел (в Ване, Мардине и других пунктах Восточной Анатолии) бывший вали Вана Хайдар-бей (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 62, 84—85. Политический резидент в Персидском заливе — в департамент по иностранным и политическим делам правительства Индии, 29 апреля и 18 мая 1919 г.; л. 92, 97. Министр по делам Индии — вице-королю, 2 июня 1919 г.).

¹²² Там же, л. 81. Политический резидент в Персидском заливе — правительству Индии, 12 мая 1919 г.

¹²³ Там же, л. 86. Министр по делам Индии — вице-королю, 15 мая 1919 г.

¹²⁴ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 2. Министр по делам Индии — вице-король, 6 июня 1919 г.

¹²⁵ Там же, л. 69—70. И. о. гражданского комиссара в Месопотамии — в министерство по делам Индии, 22 июля 1919 г. Перевод письма Шериф-паша его дочери Шерифе Хусни в Александрию, 26 мая 1919 г.

¹²⁶ Там же, л. 100—101, 105. Верховный комиссар Англии в Константинополе — в МИД, 22 апреля 1919 г.; Телеграмма политического офицера в Каире в Багдад от 6 августа 1919 г.

¹²⁷ Там же, д. 154, л. 2. Телеграмма от 31 (29?) августа 1919 г.

¹²⁸ Там же, л. 1. Телеграмма от 31 августа 1919 г.

¹²⁹ Там же, л. 20. Телеграмма от 1 сентября 1919 г.

¹³⁰ Там же, д. 153, л. 55. Британский верховный комиссар в Константинополе — в МИД, 10 июля 1919 г.; д. 154, л. 5. Ноэль — гражданскому комиссару в Багдаде, 20 августа 1919 г.

¹³¹ Там же, д. 154, л. 16. А. Вильсон — в министерство по делам Индии вице-король, 27—28 августа 1919 г.

¹³² См.: Лазарев М. С. Курдский вопрос, с. 74, 75, 114—116, 148, 149.

¹³³ Английский источник называет его человеком, не имеющим «собственного мнения» и потому не пользующимся доверием ни курдов-патриотов, ни турок (иттихадистов), ни англичан, хотя все они на него в разное время делали ставку (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147. Personalities in Kurdistan. June 1919, Baghdad, 1919, с. 26).

¹³⁴ Bell G. Review, с. 66—67, 70.

¹³⁵ Там же, с. 67.

¹³⁶ Там же, с. 71.

¹³⁷ Эти цифры вызывают сомнение, ибо основной массив курдов-шинтов (точнее — али-илахи) находился в Дерсиме, севернее тех мест, которые посетила миссия Ноэля.

¹³⁸ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 34—35, 40—41. Ноэль — А. Вильсону в Багдад. 19 и 25 сентября 1919 г.

¹³⁹ Nassabian Akaby. Britain and the Armenian Question, 1915—1923. L., 1984, с. 139, 142.

¹⁴⁰ Вождь милли, упомянутый Махмуд-бей, сказал английскому капитану Вули, что правительство Курдистана призывает на службу армян как более образованных, но после создания курдских школ курды догонят армян.

¹⁴¹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 66. Л. Д. Уикли (из Политического департамента министерства по делам Индии) — А. Вильсону, 6 сентября 1919 г.

¹⁴² Там же, л. 52. Верховный комиссар Англии в Константинополе — А. Вильсону, 1 октября 1919 г.

¹⁴³ Дамад — титул зятя султана.

¹⁴⁴ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 52. А. Вильсон — верховному комиссару Англии в Константинополе, 2 октября 1919 г.

¹⁴⁵ Там же, л. 54—55. Ноэль — А. Вильсону, 27 сентября 1919 г.

¹⁴⁶ Там же, л. 63. Телеграмма А. Вильсону от 18 октября 1919 г.

¹⁴⁷ Там же, л. 68. А. Вильсон — в министерство по делам Индии, 22 октября 1919 г.

¹⁴⁸ По данным парижской «Матэн» (10 и 11 ноября 1921 г.) — 2 сентября.

¹⁴⁹ См.: Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 90—91; Howard H. N. The Partition of Turkey, с. 241—242, 455.

¹⁵⁰ Таковыми могли считаться лишь отдельные купленные англичанами представители племенной верхушки, но не о них сейчас речь.

¹⁵¹ Знаток курдского вопроса английский полковник Эльфинстон на основании личных впечатлений о ситуации в турецком Курдистане после окончания войны писал впоследствии: общественное мнение курдских племен отнеслось «апатично к разговорам о курдской независимости или автономии, соглашаясь оставаться под турецким управлением» (Elphinston W. G., colonel. Kurds and the Kurdish Question. — Journal of the Central Asian Society. Vol. XXIV, January 1948, pt I, с. 43).

¹⁵² Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. 1919—1927. Т. III. Интервенция союзников, греко-турецкая война и консолидация национального фронта, 1920—1921. М., 1934, с. 390—392.

¹⁵³ Так называли английский золотой соверен, на котором был изображен св. Георгий Победоносец, патрон Англии.

¹⁵⁴ Имеется в виду Ноэль, фамилия которого в цитируемом издании (как, видимо, и в турецком подлиннике) почему-то офранужена.

¹⁵⁵ Вали Мамурет-уль-Азизского, или Харпутского, вилайета.

¹⁵⁶ Ататюрк Кемаль. Избранные речи и выступления. М., 1966, с. 51.

¹⁵⁷ На него турецкие патриоты возлагали известные надежды, впрочем не осуществившиеся.

¹⁵⁸ Кемаль Мустафа. Избранные речи и выступления, с. 55.

¹⁵⁹ Видимо, Общество возрождения Курдистана.

¹⁶⁰ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. I. Первые шаги национально-освободительного движения, 1929 г., с. 9.

¹⁶¹ Там же, с. 203. От временно исполняющего должность вали Диарбекирского вилайета Мустафы — в инспекцию 3-й армии, 8 июня 1919 г.

¹⁶² Там же, с. 203—204, 208—209. От 15 июня 1919 г.

¹⁶³ Там же, с. 414. Имеется в виду конгресс защиты прав восточных вилайетов, состоявшийся в Эрзеруме 23 июля — 6 августа 1919 г.

¹⁶⁴ Там же, с. 65, 66, 68.

¹⁶⁵ Там же, с. 237—238.

¹⁶⁶ В развернутой кемалистами кампании за отставку кабинета Дамада Ферид-паша прозвучал и «курдский» голос. Например, под манифестом «турецких партий» против «неконституционного» кабинета Ферид-паша от 22 июля 1919 г., опубликованной газетой «Идрак», значится подписи «Курдской национальной» партии и «курдского клуба» (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 124. Британский верховный комиссар в Турции).

¹⁶⁷ Там же, с. 99—100. Селяхеддин — командующему 15-м армейским корпусом генералу Кязиму Карабекиру, 13 августа 1919 г.

¹⁶⁸ Там же, с. 100.

¹⁶⁹ Имелась в виду территория между Эрзинджаном и Сивасом.

¹⁷⁰ Этнографическая группа курдов, населявших округ Дерсим (вилайет Харпут), исповедующих крайнюю ветвь шинизма (ахл-е хакк, или али-илахи) и говорящих на особом диалекте зазак. Кстати, их насчитывалось не «ничтожное количество», а несколько сот тысяч.

¹⁷¹ Там же, с. 101. Кемаль — командующим 12-м и 20-м корпусами, 21 августа 1919 г.

¹⁷² Nassibian A. Britain and the Armenian Question, с. 163—164.

В попытках вновь разжечь вражду между армянами, с одной стороны, и курдами и другими мусульманами — с другой, в немалой степени повинны и дашнаки, которые на контролировавшейся ими территории организовали преследование тюркского и курдского населения (по отношению к нему был придуман специальный термин — «макрель»); отбравшиеся у них земли передавались влиятельным членам правительства и парламента. Грабежи и кровавые погромы мусульман, оправдывавшиеся местью за прошлое, вызывали многочисленные жалобы и получили широкую огласку, что давало державам Антанты дополнительные предлоги для вмешательства (Борьян Б. А. Армения, международная дипломатия и СССР. Ч. II. М. — Л., 1929, с. 195; PRFR. 1919, vol. II. Wash., 1934, с. 860).

¹⁷³ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. I, с. 118, 126.

¹⁷⁴ Там же, с. 134, 137, 138.

¹⁷⁵ Там же, с. 117.

¹⁷⁶ Там же, с. 266—267.

¹⁷⁷ Там же, с. 140.

¹⁷⁸ Там же, с. 255—256.

¹⁷⁹ Там же, с. 263.

¹⁸⁰ Там же, с. 281. Из донесения Кязима Карабекира от 15 сентября 1919 г. См. также: Bell G. Review, с. 71.

АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 34—35. Ноэль — А. Вильсону, 19 сентября 1919 г.

¹⁸¹ Старая султанская армия в своей значительной части была деморализована и развалилась, но этот процесс меньше всего затронул Восточный фронт, где Турции противостояла дашнакская Армения. Здесь сохранились ре-

гулярные части, командиры которых (Кязым Карабеккир и др.) поддерживали тогда кемалистов.

¹⁸² См., например: Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 89; Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции, 1918—1923 гг. М., 1966, с. 75.

¹⁸³ Подобные мнения скорее всего высказаны под влиянием прокемалистских и англофобских настроенных авторов, главным образом турецких и французских. Последние, тенденциозно изображая политику Англии в Турции, пытались этим снять обвинения с Франции в «империализме» и заодно объяснить неудачу своей страны в конкурентной борьбе против британского союзника на Ближнем Востоке. Например, известная в свое время Берта Жорж-Голи, писавшая на «восточные» темы, рассказывая об интригах англичан в Восточной Турции и похождениях майора Мак-Новилла (тот же Нозли!), отмечала, что США и Франция особенно были встревожены оккупацией англичанами в 1919 г. Киликии, что позволяло «британскому империализму» получить «свободу действий в Курдистане» (*Georges-Goulis B. La question turque. Une page d'histoire turque et d'erreur européennes 1919—1931. P., 1931, с. 23, 28, 87—88*).

Англичане, утверждала она далее, инспирировали курдские восстания и обещали создать автономный Курдистан для того, чтобы получить «надежный очаг сопротивления против нового турецкого режима» (там же, с. 230). Жорж-Голи явно преувеличивала успехи британской политики в Курдистане. Видимо, под влиянием такого рода утверждений падкий на сенсации англичанин Армстронг приводит ничем не документированные и малодостоверные подробности событий в Малатье во время Сивасского конгресса. По его словам, Али Галиб-бей получил непосредственно от султанского правительства приказ повести курдские племена на Сивас и арестовать делегатов конгресса, причем султан якобы рассчитывал на религиозный фанатизм курдов (в общем, для них не характерный) и на их преданность престолу (тоже миф) (*Armstrong H. G., Grey Wolf Mustafa Kemal. An Intimate Study of a Dictator. L., 1935, с. 139*).

Всякого рода домыслы и слухи можно встретить в прессе того времени и в литературе касательно роли низвергнутого младотурецкого диктатора Энвер-паши в событиях, происходивших на востоке Малой Азии. Иранский автор Фатемид со ссылкой на английскую «Таймс» от 3 февраля 1920 г. писал, что Энвер организовал 3-тысячный кавалерийский отряд и привел его в Сивас, где находился штаб Кемала (*Fatemi Nasrollah Saifpour. Diplomatic History of Persia 1917—1923. Anglo-Russian Power Politics in Iran. N. Y., 1952, с. 158*). С какой целью — остается только гадать. Та же «Таймс» 23 сентября 1920 г. писала, что незадолго до этого Энвер-паша называл себя «Королем Курдистана». Сообщалось и о контактах Энвера с лидером правого крыла в кемалистском движении Кязымом Карабеккиром (*Бюллетень НКВД. 1920, № 40, 05.11, с. 42; № 42, 14.11, с. 24*).

Все эти сведения крайне сомнительны и не подтверждаются никакими источниками. Можно предположить, что англичане нарочно распускали такого рода слухи с целью дискредитации кемалистов обвинениями в связях с обанкротившимся Иттихадом и его сброшенным с пьедестала лидером. Вряд ли кемалисты нуждались в поддержке младотурок, которые, хотя и продолжали играть известную роль в восточноанатолийской провинции, в том числе и в курдском вопросе, уже не могли подняться как серьезная политическая сила. Как возможные противники младотурки также не представляли большой угрозы Анкаре, даже если бы сумели привлечь на свою сторону курдов.

¹⁸⁴ Начальному периоду курдского движения в послевоенной Турции посвящена специальная работа М. А. Гасратяна (*Гисаров М. А. Курдский вопрос в Турции (от начала кемалистского движения до Лозаннской конференции). — Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. VII. Курдоведение. Ер. 1975*), основанная главным образом на турецких источниках и литературе. Автор вводит в научный оборот новые факты, делает серьезные выводы. Однако следует иметь в виду, что турецкие авторы и публикаторы поголовно излагали ту версию событий, которую предложил (вернее, декретировал) сам Кемаль по указанным соображениям и которая «работала» на антикурдскую шовинистическую политику турецких правящих кругов, заинтересованных представить курдское движение в возможно более негативном свете, как реакционное и

агентурное. Поэтому далеко не все сведения, почерпнутые из этой литературы, вызывают доверие (например, о провозглашении Халила Рахима — скорее Рамид-бея — «правителем Курдистана» и о конгрессе курдских вождей в Широ) (там же, с. 51—52).

Об этом писала некая «Газет» 3 марта 1925 г., т. е. в разгар восстания шейха Саида, когда вся турецкая пресса была полна антикурдскими измышлениями. В остальной литературе упоминаний на этот счет нет.

¹⁸⁵ Цит. по: Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. I, с. 301.

¹⁸⁶ Там же, с. 414.

¹⁸⁷ Цит. по: Ирандуст. Движущие силы кемалистской революции, с. 83. В книге «Путь новой Турции» (т. III, примеч. 3, с. 251—254) текст «Национального обета» переведен с французского и отличается в редакционном отношении от цитируемого, переведенного с турецкого.

¹⁸⁸ Как справедливо замечает английский историк Арнольд Тойнби, по смыслу «Национального обета» под турецким суверенитетом должны остаться курды не только Анатолии, но и Мосула. Было два мотива турецких притязаний на Мосул, продолжает далее Тойнби. Первый, «сентиментальный» (?), вытекал из духа «Национального обета» и противоборства с Антантой. Второй, «практический», имел в виду курдский вопрос. Признав за арабами (но не Мосула и Киликии) право на самоопределение, турецкие националисты «не были готовы делать подобную уступку курдам». Объясняет это Тойнби неубедительно — отсталостью курдов в социальном и культурном отношении («ни один из курдских диалектов не принял литературной формы», что спорно). Именно поэтому турецкие националисты выступали за «ассимиляцию и абсорбцию» курдов в турецкую нацию, за распространение на них политики «вестернизации». Нетрудно заметить, что аргументы Тойнби характерны для типично буржуазного мировоззрения и политики в области национальных отношений. Практика советской власти неопровержимо говорит за то, что «отсталость» этноса отнюдь не помеха для проведения политики самоопределения, а, напротив, диктует необходимость проводить такую политику возможно быстрее и радикальнее (*Toynbee Arnold I. The Islamic World since the Place Settlement. — Survey of International Affairs, 1925. Vol. 1. L., 1925, с. 491—492*).

¹⁸⁹ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. I, с. 255—256. Ахмед Джевет — командующему 3-м армейским корпусом, 14 сентября 1919 г.

¹⁹⁰ См.: Гисаров М. А. Курдский вопрос в Турции, с. 51—52.

¹⁹¹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 190, л. 50. Британский верховный комиссар в Турции вице-адмирал Дж. де Робек — Керзону, 26 декабря 1919 г.

¹⁹² Эфендиева Н. З. Борьба турецкого народа против французских оккупантов на юге Анатолии (1919—1921). Баку, 1966, с. 90, 123.

¹⁹³ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. III, с. 257.

¹⁹⁴ Там же, с. 256; АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147, л. 14.

¹⁹⁵ Noel E. W. C. major. Note on the Kurdish Situation, с. 16—19.

¹⁹⁶ Характерная деталь: Кязым Карабеккир-паша, в ту пору союзник Кемала, получал из Военного министерства в Стамбуле информацию о курдском движении в Ираке (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 49. Де Робек — Керзону, 26 декабря 1919 г.).

¹⁹⁷ Gavan S. S. Kurdistan, с. 21—24; АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 190, л. 66, де Робек — Керзону, 5 февраля 1920 г.

«Кемалистское движение», — писал Гэвен, — заведомо расистское и антикурдское» (*Gavan S. S. Kurdistan, с. 23*).

¹⁹⁸ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. II. Подготовка ангорской базы 1919—1920. М., 1932, с. 110—113.

¹⁹⁹ Там же, с. 114.

²⁰⁰ Там же, с. 189.

²⁰¹ Там же, с. 303—304.

²⁰² Там же, с. 224.

²⁰³ Там же, с. 228.

²⁰⁴ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. III, с. 83—84.

²⁰⁵ Гисаров М. А. Курдский вопрос в Турции, с. 55—56.

²⁰⁶ Немецкая газета «Кёльнишер цайтунг» писала 4 августа 1920 г., что кемалисты в последнее время сражаются против курдских отрядов, которые «едва ли по собственному почину» борются за «отделение от Турции и созда-

ние автономного Курдистана». Волнения захватили даже район Анкары, что встревожило не только кемалистов, но и стамбульское правительство (цит. по: Бюллетень НКВД. 1920, № 33, 05.10, с. 43; 15.08, с. 27).

²⁰⁷ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 156, л. 9. Письмо Сулейман-аги британскому политическому офицеру в Мосуле, 25 июня 1920 г.

Глава IV

- ¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. I, с. 167.
- ² Главный рабочий орган конференции, состоявший из глав правительств и министров иностранных дел Англии, Франции, США, Италии и Японии.
- ³ Слово «Курдистан» набрано в тексте публикации курсивом.
- ⁴ Miller David Hunter. The Drafting of the Covenant. N. Y.—L., 1928. Vol. II, с. 109—110.
- ⁵ Там же, vol. II, с. 220.
- ⁶ Там же, vol. I, с. 115; vol. II, с. 223, 226.
- ⁷ Там же, vol. I, с. 102; Howard H. N. The Partition of Turkey, с. 221.
- ⁸ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 5.
- ⁹ Там же, с. 9.
- ¹⁰ Там же, с. 199—200.
- ¹¹ Там же, т. I, с. 529—531.
- ¹² Miller D H. The Drafting of the Covenant. Vol. I, с. 186.
- ¹³ PRFR. The Paris Peace Conference. Vol. III. Wash., 1943, с. 808.
- ¹⁴ Howard H. N. The Partition of Turkey, с. 220—221.
- ¹⁵ Архив полковника Хауза. Т. IV, с. 227.
- ¹⁶ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. I, с. 252—253.
- ¹⁷ PRFR. The Paris Peace Conference. Vol. IV. Wash., 1943, с. 153.
- ¹⁸ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 227.
- ¹⁹ Там же, с. 273—274.
- ²⁰ General Shérif Pasha. Memorandum on the Claims of the Kurd People. P., 1919; Oriente Moderno. № 2, 15 Luglio 1921, с. 72—73.
- ²¹ Howard H. N. The Partition of Turkey, с. 226—227.
- ²² Oriente Moderno. № 2, 15 Luglio 1921, с. 75; Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время, с. 110—112.
- ²³ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 203.
- ²⁴ Там же, с. 206.
- ²⁵ A History of the Peace Conference of Paris. Ed. by H. W. V. Temperley. Vol. VI. L., 1924, с. 211.
- ²⁶ См.: Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947, с. 201; Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952, с. 270—271.
- ²⁷ См.: Миллер А. Ф. Американский план захвата Константинополя и Проливов в 1919 г.—Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. 1983, с. 163—166; Поцхверия Б. М. Американские комиссии в Турции в 1919 г.—УЗИВ. Т. 17, М., 1959; Howard H. N. The King-Crane Commission. An American Inquiry in the Middle East. Beirut, 1963.
- ²⁸ Howard H. N. The King-Crane Commission, с. 69—70.
- ²⁹ Там же, с. 161, 166.
- ³⁰ Там же, с. 178.
- ³¹ Там же, с. 172.
- ³² Там же, с. 173.
- ³³ Там же, с. 197.
- ³⁴ Там же, с. 208.
- ³⁵ Там же, с. 215.
- ³⁶ PRFR. PPC. Vol. XI. Wash., 1945, с. 576.
- ³⁷ Там же. Vol. VI. Wash., 1946, с. 675—676.
- ³⁸ Заседание Совета десяти 25 июня 1919 г.
- ³⁹ Там же. Vol. XII. Wash., 1947, с. 800.
- ⁴⁰ А не США, как утверждается в книге В. И. Шпильковой «Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920 гг.)». М., 1960, с. 98.

⁴⁰ Там же, с. 836—837, 842; Howard H. N. The King-Crane Commission, с. 227—228, 322, 360.

⁴¹ См.: Миллер А. Ф. Американский план захвата Константинополя и Проливов, с. 167, 168; Поцхверия Б. М. Американские комиссии в Турции, с. 165—171; Шпилькова В. И. Империалистическая политика США в отношении Турции, с. 100—102.

⁴² Поцхверия Б. М. Американские комиссии в Турции, с. 171.

⁴³ Howard H. N. The King-Crane Commission, с. 282—283.

⁴⁴ См.: Поцхверия Б. М. Турецкий вопрос в сенате США (конец 1919 — середина 1920 г.).—КСИВ. XIX. М., 1956; Шпилькова В. И. Империалистическая политика США в отношении Турции, гл. III.

⁴⁵ Nassibian A. Britain and the Armenian Question, с. 224.

⁴⁶ Архив полковника Хауза. Т. IV, с. 363.

⁴⁷ Черчилль В. Мировой кризис, с. 249.

⁴⁸ Documents on British Foreign Policy. 1919—1939 (DBFP). Ist Series. Vol. IV. L., 1952, № 242, с. 340, 344, 346.

Меморандум Бальфура о Сирии, Палестине и Месопотамии, 11 августа 1919 г.

⁴⁹ Там же, № 192, с. 279.

⁵⁰ Там же, № 314, с. 454. Дерби — Э. Керзону, 10 октября 1919 г.

⁵¹ Там же, Vol. IV, № 334, с. 483. Керзон — Дерби, 18 октября 1919 г.

⁵² Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 273—274.

⁵³ DBFP. Vol. IV, с. 813—815.

⁵⁴ Туркоманы — тюркоязычное население Северной Месопотамии, этнографически отличающееся от турок малоазийских и от иранских и среднеазиатских туркмен. Эти этнонимы часто путают.

⁵⁵ Там же, № 634, с. 969—970.

⁵⁶ Там же, с. 966—967.

⁵⁷ Черчилль В. Мировой кризис, с. 254.

⁵⁸ DBFP. Vol. IV, № 658, с. 1024—1025. Ванситарт — Керзону, 12 января 1920 г.

⁵⁹ Там же, № 665, с. 1041, 1042. Письмо Форбса Адама из Парижа Пиппсу (помощнику секретаря МИД), 19 января 1920 г.

⁶⁰ Там же. Vol. VII. 1920. L., 1958, № 6, с. 43.

⁶¹ Там же, № 12, с. 103.

⁶² Там же, с. 106, 108.

⁶³ Там же, № 29, с. 256—258.

Такой страны в природе не существовало, а были разбросанные по северному Ирану христианские (униатские) общины халдеев (халдейцев).

⁶⁴ Утверждение Дж. Дарвина о том, что на этой Лондонской конференции было решено создать независимые государства не только в Армении, но и в Курдистане (Darvin G. Britain, Egypt and the Middle East, с. 178), не соответствует действительности.

⁶⁵ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 413.

⁶⁶ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 190, л. 121. Керзон — де Робекку, 6 марта 1920 г.

⁶⁷ DBFP. Ist Series. Vol. VIII. L., 1958, № 4, с. 32.

⁶⁸ Предлог «или» здесь явно неуместен, ибо несториане и халдеи — разные конфессиональные группы, хотя последние этнически в основном также ассирийцы.

⁶⁹ Заменивший в январе 1920 г. Клемансо после провала последнего на президентских выборах, чему способствовало, как справедливо заметил Ллойд Джордж, недовольство им французских банковских кругов из-за уступки Мосула с его нефтью (Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 274).

⁷⁰ DBFP. Vol. VIII, № 5, с. 43—44. Записи британского секретаря с заседания Верховного совета Антанты 19 апреля 1920 г.

⁷¹ Там же, с. 44—45.

⁷² Там же, № 8, с. 77.

⁷³ Там же, № 13, с. 133.

⁷⁴ Там же, с. 141—142.

⁷⁵ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. II, с. 447.

- ⁷⁶ Цит. по: Бюллетень Н. К. И. Д., 30.04.1920, № 8, с. 22.
⁷⁷ Там же, 13.05.1920, с. 1.
⁷⁸ Там же, 17.05.1920, № 12, с. 3.
⁷⁹ Там же, 10.07.1920, № 22, с. 28.
⁸⁰ Там же, с. 28.
⁸¹ Там же, 30.07.1920, № 26, с. 29.
⁸² *Summing Henry H. Franco-British Rivalry in the Postwar Near East. L., 1938, с. 71.*
⁸³ О дипломатической подготовке Севра см. превосходную работу А. Ф. Миллера «Дипломатическая подготовка Севрского договора (К сорокалетию со дня подписания)» (Проблемы востоковедения. 1960, № 5).
⁸⁴ *Гурко-Кряжин В. Предисловие.— Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. I, с. LII.*
⁸⁵ Цит. по: Вестник НКВД. 1920, № 3, 27.02. с. 10.
⁸⁶ Цит. по: Бюллетень Н. К. И. Д. 2.04.1920, № 4(90), с. 14.
⁸⁷ Там же, с. 7.
⁸⁸ То есть исламистская карта, часто используемая Лондоном на Востоке, может в Курдистане и не сыграть, а сами курды могут присоединиться к движениям христианских меньшинств.
⁸⁹ Видимо, в данном случае имелся в виду только Южный Курдистан.
⁹⁰ DBFR. Vol. IV, № 451, с. 678—680.
⁹¹ Там же, № 464, с. 693—696. Письмо Хохлера сэру Дж. Тиллею (помощнику секретаря в МИДе) от 21 июля 1919 г.
⁹² Там же, № 469, с. 704—705.
⁹³ Там же, № 472, с. 714. Кальторп — Керзону, 1 августа 1919 г.
⁹⁴ В таком обнаженном виде это предложение в источниках и литературе нами не обнаружено.
⁹⁵ Там же, № 492, с. 735—736. Веб — Керзону, 19 июля 1919 г.
⁹⁶ Там же, № 498, с. 743. Письмо Хохлера Керру от 27 августа 1919 г.
⁹⁷ Бальфур писал Керзону: пока «мы держим Алеппо и Мосул», французское продвижение к Армении через Мардин и Диарбекир не представляется опасным (там же, № 502, с. 746—747. Бальфур — Керзону, 2 сентября 1919 г.).
⁹⁸ Там же, № 523, с. 782. Полковник Мейнертцгейген (Meinertzhagen) — Керзону, 27 сентября 1919 г.; № 543, с. 808. Де Робек — Керзону, 10 октября 1919 г.
⁹⁹ Американцы проявили большой интерес к экспедиции Ноэля. По сведениям офицера разведки при верховном комиссаре США в Турции Р. Данна, Ноэль хотел поднять курдов против турок с целью отодвинуть границу Месопотамии на север. Данн допытывался у Хохлера об истинных причинах поездки Ноэля в Малатю (там же, № 549, с. 822—824. Де Робек — Керзону, 18 октября 1919 г.).
¹⁰⁰ Перед первой мировой войной занимал пост первого секретаря британского посольства в Константинополе.
¹⁰¹ Там же, № 596, с. 894.
¹⁰² Там же, № 609, с. 910. Кидстон — Кроу, 28 ноября 1919 г.
¹⁰³ Там же, № 611, с. 913. Письмо Кроу Кидстону, 1 декабря 1919 г.
¹⁰⁴ Характерный штрих: переговоры с турецким министром иностранных дел вел драгоман, т. е. переводчик. Таков был престиж Порты в глазах британского верховного комиссара!
¹⁰⁵ Там же, № 616, с. 920—924. Де Робек — Керзону, 4 декабря 1919 г.
¹⁰⁶ Там же, № 620, с. 925—927.
¹⁰⁷ По Рамбу, соглашение было подписано 20 декабря. 1919 г. (*Rambout L. Les Kurdes et le droit, с. 24*).
¹⁰⁸ Подлинный текст соглашения не обнаружен.
¹⁰⁹ DBFR. Vol. IV, № 621, с. 928. Керзон — де Робеку, 10 декабря 1919 г.
¹¹⁰ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 160, л. 55. Министр по делам Индии — вице-королю, 7 марта 1920 г.
¹¹¹ DBFR. Vol. XIII, № 6, с. 6. Де Робек — Керзону, 23 февраля 1920 г.
¹¹² Там же, № 23, с. 28—38.
¹¹³ Там же, № 33, с. 49.
¹¹⁴ Там же, № 34, с. 49—50. Де Робек — Керзону, 29 марта 1920 г.

- ¹¹⁵ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 190, л. 185, 188. Де Робек — Керзону, 7 апреля 1920 г.
¹¹⁶ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 184, л. 16. Телеграмма де Робека от 8 апреля 1920 г.
¹¹⁷ Там же, д. 190, л. 37—38. Де Робек — в МИД, № 400, 16 апреля 1920 г.
 По утверждению де Робека, Абдул-Кадыр, обладавший религиозным авторитетом и «чтивший халифат», имел больше последователей среди курдов, чем его главные оппоненты Бадраханы, обвинявшие его в бездельности. Абдул-Кадыр с помощью Англии хотел, по словам де Робека, объединить Курдистан в единое целое в административном отношении, но не обязательно полностью отделить его от Турции, что «в нынешних условиях» нецелесообразно (там же, л. 39. Де Робек — в МИД, № 401, 16 апреля 1920 г.).
¹¹⁸ DBFR. 1919—1939. Vol. XIII, № 56, с. 65—66.
¹¹⁹ В британский верховный комиссариат из «конфиденциального источника» поступило одно известие, согласно которому Порты попыталась выступить с самостоятельной акцией по курдскому вопросу и привлечь к ней даже кемалистов. В ночь на 4 января 1920 г. в султанском дворце собрался совет, в котором участвовали принц Абдул Рахим-эфенди — представитель султана, Дамад Измаил Хакы-паша — начальник штаба дворца, Джевад-паша — начальник генштаба, Бекир Сами-бей и Кара Вассыф-бей — представители кемалистов. При обсуждении курдской проблемы Абдул Рахим высказался за независимый Курдистан, «связанный с Турцией политическими, экономическими и культурными связями». Он сказал, что Курдистан «мог бы стать лучшим коридором между Турцией и мусульманами кавказских и транскавказских стран, чем Армянская республика» (там же. Vol. IV, № 668, с. 1066. Адмирал Вебб — Керзону, № 114, 20 января 1920 г.). О позиции кемалистов источник умалчивает. Видимо, эта инициатива осталась без последствий, ибо решали без хозяина.
¹²⁰ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 124, л. 202. От младшего секретаря министерства по делам Индии, 8 октября 1919 г. (без адресата, копия).
¹²¹ Там же, д. 256, л. 15.
¹²² Там же, л. 15—16. Телеграмма от 25 марта 1920 г., № 3746.
¹²³ Там же, л. 17. Телеграмма от 25 марта 1920 г., № 3759.
¹²⁴ Известную роль играла и плохая осведомленность (даже такого сведущего в восточных делах министра, как Керзон) о курдах в Курдистане, о характере и особенностях курдского национального движения.
¹²⁵ *Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East, с. 193—194.*
¹²⁶ Там же, с. 194—195.
¹²⁷ Там же, с. 195.
¹²⁸ DBFR. Ser. I Vol. IV, № 825, 845, с. 1214, 1286. Керзон — послу Великобритании в Париже Дерби, 25 октября 1919 г.; посланнику в Тегеране П. Коксу, 13 ноября 1919 г.
¹²⁹ Там же, № 849, с. 1236. Персидский министр иностранных дел — Керзону, 17 ноября 1919 г.
¹³⁰ Там же, № 852, с. 1248. П. Кокс — Керзону, 21 ноября 1919 г.
¹³¹ Там же, № 877, с. 1272. Керзон — П. Коксу, 30 ноября 1919 г.
¹³² Там же, Vol. XIII, № 419, с. 475—476. Лорд Дерби — Керзону, 7 мая 1920 г.
¹³³ Там же, № 421, с. 477. Керзон — Дерби, 8 мая 1920 г.
¹³⁴ Там же, № 436, с. 490. Дерби — Керзону, 20 мая 1920 г.
¹³⁵ Там же, № 103, с. 108. Де Робек — Керзону, 28 июля 1920 г.

Глава V

- ¹ См.: Миллер А. Ф. Дипломатическая подготовка Севрского договора. — Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории, с. 189—190.
² Сперанский А. Ф. Турецкий вопрос на международных конференциях после мировой войны. — Новый Восток. М., 1922, № 2, с. 129.
³ Миллер А. Ф. Дипломатическая подготовка Севрского договора, с. 190—

203; *Ключников Ю. В.* Севр и Лозанна. К дипломатической истории договоров.— Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927, с. XVII—XVIII; *Howard H.* The Partition of Turkey, с. 244.

⁴ Последний из-за отказа англо-французов создать независимое арабское государство (как это они обещали по соглашению Сайкс—Пико) не принял участия в работе Севрской конференции и не подписал договор. О судьбе других аравийских княжеств, номинально входивших в Османскую империю (Неджада, Асира, Йемена), в Севрском договоре вообще не упоминалось — явный (и не единственный) нонсенс с международно-правовой точки зрения.

Публикацию в русском переводе см.: Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Подробный анализ содержания см.: *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 97—99; он же. Дипломатическая подготовка Севрского договора, с. 203—207.

⁵ Дипломатический словарь. Т. II. М., 1950. Ст. 604.

⁶ С мрачным пафосом живописует сэр Уинстон тогдашнюю ближневосточную реальность: «Угрюмый караван фактов упрямо шествовал по каменным дорогам через труднопроходимые скалистые горы, по обожженным солнцем пустыням» (*Черчилль В.* Мировой кризис, с. 257—258).

⁷ *Нитти Франческо.* Вырождение Европы, М.—Пг., 1923, с. 102.

⁸ *Мун Паркер Томас.* Империализм и мировая политика. М.—Л., 1928, с. 163.

⁹ Севрский мирный договор, с. 41, 44.

¹⁰ Там же, с. 24, 25.

¹¹ *Hurewitz J. C.* Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956. Vol. II. Princeton. New Jersey, 1956, с. 87—89. Первая публикация на русском языке см.: Вестник НКВД. 1920, № 9—10, 15.12, с. 77—81.

¹² Севрский мирный договор, с. 31.

¹³ *Черчилль В.* Мировой кризис, с. 256.

¹⁴ A History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI, с. 31.

¹⁵ Там же, с. 91.

¹⁶ *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 450.

¹⁷ Там же, с. 454.

¹⁸ *André N. Mandelstam.* La protection internationale des minorités. Premier partie. La protection des minorités en droit international positif. P., 1931, с. 132.

¹⁹ *Hesse F.* Die Mosulfrage. Berlin, 1925, с. 14.

²⁰ *Howard H. N.* The Partition of Turkey, с. 298.

²¹ Daily Chronicle. 24.06.1920. Цит. по: Бюллетень НКВД. 30.07.1920, № 26, с. 29.

²² *Гофман Карл.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 91.

²³ Там же, с. 96.

²⁴ *Longrigg St. H.* Iraq, с. 126.

²⁵ Иранского Курдистана Севрский договор не касался.

²⁶ *Павлович Мих.* Лозаннская конференция.— Новый Восток. 1923, № 3, с. 7.

²⁷ *Gavan S. S.* Kurdistan, с. 7.

²⁸ *Ментешавили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 99—101.

²⁹ *Slugglett Peter.* Britain in Iraq. 1914—1932. L., 1976, с. 48—49.

³⁰ АВПР, ф. НАИ, сер. С, д. 199, л. 29, 18.

³¹ Там же, л. 39, 28.

³² Там же, л. 40—41, 29—30.

³³ Там же, л. 70—72, 59—60.

³⁴ Там же, л. 80, 89.

Черчилль считал, что арабская армия с курдским контингентом не должна превышать 15 тыс. человек (в то время — 3 тыс.), в том числе леви — до 8 тыс. (там же, л. 120, 90. Помета Черчилля на отчете Комитета по месопотамским финансам, 2 апреля 1921 г.; л. 73, 62. Извлечение из отчета 6-го заседания смешанного Политического и Военного комитета, 19 марта 1921 г.).

³⁵ Там же, л. 67, 56.

³⁶ Там же, л. 16, 5

³⁷ Конференция завершилась в Иерусалиме.

³⁸ *Брукс Майкл.* Нефть и внешняя политика, с. 110.

³⁹ *Longrigg St. H.* Iraq, с. 130.

⁴⁰ Там же, с. 130—131.

⁴¹ Там же, с. 130—131; *Edmonds C. Y.* Kurds, Turks and Arabs, с. 119.

⁴² На самом деле англичане активно вмешивались в дела Иракского Курдистана и значительно позже, вплоть до революционного переворота 1958 г. (*Edmonds C. J.* Kurds, с. 119—120).

⁴³ *Брукс Майкл.* Нефть и внешняя политика, с. 110.

⁴⁴ *Edmonds C. J.* Kurds, с. 118.

⁴⁵ *Longrigg St. H.* Iraq, с. 127, 128.

⁴⁶ *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 93—95; *Longrigg St. H.* Iraq, с. 133.

⁴⁷ У курдов предводителями племен бывали и женщины — нередко (как Адела-ханум) вдовы прославленных вождей.

⁴⁸ *Edmonds C. J.* Kurds, Turks and Arabs, с. 122—123.

⁴⁹ Впоследствии журнал выходил под названиями «Near East and India» и «Grate Britain and the East».

⁵⁰ The Near East. October 1921, № 543, с. 402.

⁵¹ *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 96—97.

⁵² Там же, с. 97—98; The Times. 02.01.1922; The Near East. 1923, № 645, September 20, с. 299—300.

⁵³ *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 98—99; *Ментешавили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 199—200.

⁵⁴ *Edmonds C. J.* Kurds, с. 230.

⁵⁵ *Longrigg St. H.* Iraq, с. 145.

⁵⁶ *Edmonds C. J.* Kurds, с. 230.

⁵⁷ Там же, с. 312.

⁵⁸ В тексте заявления, воспроизведенном в книге М. А. Камала (*Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 108), дважды вместо «курдское правительство» значится «курдское государство», что неверно (в английском тексте — government).

⁵⁹ Там же, с. 108; *Ментешавили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 204.

⁶⁰ *Edmonds C. J.* Kurds, с. 314.

⁶¹ Там же, с. 313.

⁶² Там же, с. 314.

⁶³ Daily News. 08.09.1922; The Evening Standart. 07.09.1922; The Times. 8—9.09.1922 (Oriente moderno. № 4, 15 settembre 1922, с. 235—236); Morning Post. 15.01.1923 (Oriente moderno. № 9, 15 febbraio 1923, с. 541).

⁶⁴ The Times. 11.11.1922 (Oriente moderno. № 7, 15 Dicembre 1922).

⁶⁵ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 215, л. 10. Изложение телеграммы П. Кокса У. Черчиллю от 5 мая 1922 г.

⁶⁶ *Edmonds C. J.* Kurds, с. 246, 247.

⁶⁷ Bosphore. 27.03.1922 (Oriente moderno. № 4, 15 Settembre 1922, с. 244).

⁶⁸ *Курд Оглу.* Курды и империализм.— Бюллетень прессы Среднего Востока. 1932, № 13/14, с. 116.

⁶⁹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 257, л. 10. Телеграмма № 9637.

⁷⁰ Там же, л. 12. Телеграмма политического офицера в Эрбиле А. Вильсону, № 3457, от 19 сентября 1920 г.

⁷¹ Там же, л. 12. Телеграмма А. Вильсона политическому офицеру в Эрбиле от 20 сентября 1920 г., № 11428.

⁷² Там же, л. 13—15. Меморандумы политического офицера в Мосуле майора Хэя А. Вильсону, № 338 и 339 от 21 сентября 1920 г.

⁷³ Там же, л. 19—20. Меморандум политического офицера в Эрбиле А. Вильсону, 25 сентября 1920 г.

⁷⁴ Там же, л. 62. Телеграмма министра по делам Индии вице-королю, № 3613, 26 ноября 1920 г.

⁷⁵ Там же, л. 68. Телеграмма Верховного комиссара в Месопотамии Перси Кокса секретарю по иностранным делам правительства Индии от 1 декабря 1920 г.

- ⁷⁶ Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата, с. 203; Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 109—110; Edmonds C. J. Kurds, с. 123—124.
- ⁷⁷ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 113—114; Edmonds C. J. Kurds, с. 313.
- ⁷⁸ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 117—118.
- ⁷⁹ Edmonds C. J. Kurds, с. 315.
- ⁸⁰ Там же, с. 318—326; Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 120—122; Ментешавили А. М. Ирак в годы английского мандата, с. 205—206.
- ⁸¹ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 122—124.
- ⁸² Edmonds C. J. Kurds, с. 328. Эдмондс был за компромиссное решение: должен быть установлен полуавтономный режим, связанный и с мандатарием, и с багдадским правительством (Edmonds C. J. Kurds, с. 32, 330).
- ⁸³ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 125.
- ⁸⁴ The Letters of Gertrude Bell. Vol. II, с. 543—544.
- ⁸⁵ Edmonds C. J. Kurds, с. 337—339.
- ⁸⁶ Камаль М. А. Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 126.
- ⁸⁷ Edmonds C. J. Kurds, с. 365.
- ⁸⁸ Цит. по: Бюллетень Н. К. И. Д. 20.09.1921, с. 90.
- ⁸⁹ Rawlinson A. Adventures in the Near East. 1918—1922. L.—N. Y., 1923, с. 200—201.
- ⁹⁰ Об этом распространялся Черчилль в своем выступлении в Палате общин по поводу воцарения Фейсала на иракском троне (Kedourie E. England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire. 1914—1921. L., 1956, с. 209).
- ⁹¹ Ирандуст. Борьба за Мосул.—Международная жизнь. 1924, № 4—5, с. 100.
- ⁹² DBFP. Vol. XIII, № 616. Меморандум Дж. Черчилля от 20 декабря 1920 г.
- ⁹³ Кроме азербайджанцев почти все национальные меньшинства страны имели тогда (и частично сохранили до сих пор) племенную социальную структуру.
- ⁹⁴ Toynbee A. J. The Islamic World since the Peace Settlement, с. 538—539; Arfa H. The Kurds, с. 58—62; Eagleton William Jr. The Kurdish Republic of 1946. L., 1963, с. 11.
- ⁹⁵ Осетров В. Зигзаги английской политики в Персии.—Международная жизнь. 1922, № 16(134), с. 19—20; Лахути. Курдистан и курды, с. 68, 72.
- ⁹⁶ Перлин Л. Очерки Западной Персии (Письмо из Керманшаха).—Новый Восток. 1923, № 3, с. 442.
- ⁹⁷ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 204, л. 44. Британский военный атташе в Тегеране — начальнику военной разведки (в Лондон), 10 июня 1921 г.
- ⁹⁸ Там же, донесение от 24 августа 1921 г.
- ⁹⁹ Международная жизнь. 1922, № 2(120), с. 44.
- ¹⁰⁰ The Near East. January 12, 1922, с. 39.
- ¹⁰¹ Иванова М. Н. Национально-освободительное движение в Иране в 1918—1922 гг. М., 1961, с. 148—150.
- ¹⁰² См. Бюллетень НКВД, 1922, № 112, 30 января, с. 41.
- ¹⁰³ См.: Осетров В. Зигзаги английской политики в Персии, с. 19; Лахути. Курдистан и курды, с. 72.
- ¹⁰⁴ Собственно, речь шла не о локальных «королевствах» или «государствах», а об едином образовании, включающем в себя весь Курдистан. Как бы подразумевалось, что провозглашенное в Восточном или Южном Курдистане государство является национальным очагом этого единого курдского государства.
- ¹⁰⁵ Осетров В. Зигзаги английской политики в Персии, с. 19.
- ¹⁰⁶ Oriente moderno. 1922, № 8, 9, 10, 12 (15 Febraio, 15 Marzo, 15 Gen-naio, 15 Maggio); № 3 (15 Luglio 1922), с. 115.

- ¹⁰⁷ Oriente moderno. № 12, 15 Maggio 1922, с. 754.
- ¹⁰⁸ Arfa Hassan general. Under Five Shahs. L., 1964, с. 118—120, 125, 136; Eagleton W. The Kurdish Republic, с. 11.
- ¹⁰⁹ Симко, по словам английского журнала «Нир Ист», был «очень крепкий орешек», «белым на глазу» для иранских властей. Они нарочно распустили тогда слухи о его гибели, которым поверил и такой серьезный историк, как Арнольд Тойнби (The Near East. № 588, August 17, 1922, с. 202; № 592, September 14, 1922, с. 339; Toynbee A. The Islamic World since the Peace Settlement, с. 538—539; Oriente moderno. № 7, 15 Decembre 1922, с. 425).
- ¹¹⁰ Oriente moderno. № 2, 15 Luglio 1922, с. 115; № 3, 15 Agosto 1922, с. 175; № 4, 15 Settembre 1922, с. 243—244; The Near East. № 585, July 27, 1922, с. 102; № 587, August 10, 1922, с. 173—174; № 588, с. 202; № 589, August 24, 1922, с. 234; № 591, September 7, 1922, с. 307; № 592, с. 339.
- ¹¹¹ См.: Алексеев П. Туркмено-курдское восстание. Изд. 2-е, переработанное. Таш., 1935, с. 18—22; Атаев Х. Национально-освободительное движение в Хорасане в 20-х годах XX века. Аш., 1962, с. 39, 82—86, 112—123; Иванова М. И. Национально-освободительное движение в Иране, гл. V.
- ¹¹² Перлин Л. Очерки Западной Персии, с. 442—443.
- ¹¹³ Гурко-Кряжсин В. «Четыре конфликта», с. 66—67.
- ¹¹⁴ Виноградова А. Кочевые племена Персии и их политическая роль, с. 15.
- ¹¹⁵ Виноградова А. Национально-освободительное движение в Персии, с. 18.
- ¹¹⁶ Осетров В. Зигзаги английской политики в Персии, с. 19, 22.
- ¹¹⁷ См.: Агаев С. Л. Советское ирановедение 20-х годов. М., 1977.
- ¹¹⁸ Бюллетень НКВД. 19.10.1921, № 97, с. 34—35.
- ¹¹⁹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 209, л. 76.
- ¹²⁰ Там же, л. 81, Сводка разведанных № 7. Тегеран, 18 февраля 1923 г.
- ¹²¹ Осетров В. Зигзаги английской политики в Персии, с. 22.
- ¹²² Там же, с. 20.
- ¹²³ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 175, л. 1—3. Телеграмма Лорена из Тегерана № 429 и 430 от 29 ноября 1922 г.
- ¹²⁴ Там же, л. 11. Телеграмма Лорена в МИД от 30 декабря 1922 г., № 468, л. 18—19. Лорен — Каваму ос-Салтане, 15 декабря 1922 г.; л. 24. Кавам ос-Салтане — Лорену, 3 января 1923 г.; л. 25. Кавам ос-Салтане — Лорену, 4 января 1923 г.; л. 26—28. Лорен — Каваму ос-Салтане, 8 января 1923 г.; л. 31. Лорен — Каваму ос-Салтане, 15 января 1923 г.
- ¹²⁵ Там же, л. 12—13. Телеграмма Лорена в МИД, 6 января 1923 г., № 6.
- ¹²⁶ Там же, л. 36—37, 43. Телеграмма Лорена в МИД от 3 февраля и 22 марта 1923 г.
- ¹²⁷ Там же, д. 209, л. 161, 197, 201, 231. Сводки разведанных, № 17, 23, 27, 32 от 28 апреля, 1 июля, 8 июля и 11 августа 1923 г.
- ¹²⁸ Там же, л. 51—53.
- ¹²⁹ Мельник А. Греко-турецкие разногласия.—Международная жизнь. 1929, № 8, с. 56—57.
- ¹³⁰ Там же, с. 62.
- ¹³¹ Цит. по: Бюллетень НКВД. 1920, № 45, 26.11, с. 36.
- ¹³² Toynbee Arnold J. Angora and the British Empire in the East.—The Contemporary Review. 1923, № 690, June, с. 686.
- ¹³³ Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. 1922—1923. М., 1960, с. 109.
- ¹³⁴ Там же, с. 107—108.
- ¹³⁵ Там же, с. 212.
- ¹³⁶ Лахути. Курдистан и курды, с. 58.
- ¹³⁷ Там же; Oriente moderno. № 5, 15 Ottobre 1921, с. 284, 286; The Near East. № 645, September 20, 1923, с. 299—300.
- ¹³⁸ Кротков В. Ближневосточная проблема.—Международная жизнь. 1922, № 12 (132), с. 3.
- ¹³⁹ Field H. and Glubb J. B. The Jezidies, Sulubba and others Tribes of Iraq and Adjacent Regions.—General Series in Anthropology. № 10, Menasha, Wisconsin, 1943, с. 6.
- ¹⁴⁰ The Near East. № 645, September 20, 1923, с. 299.

¹⁴¹ The Letters of Gertrude Bell. Vol. II, c. 543—544; The Near East. № 617, March 8, 1923, c. 240.

¹⁴² The Near East. № 562, February 23, 1922, c. 253.

¹⁴³ Там же, № 536, August 18, 1921, c. 222.

¹⁴⁴ Там же, № 645, September 20, 1923, c. 299—300.

¹⁴⁵ Там же, № 631, September 20, 1923, c. 609—610.

¹⁴⁶ Джарджис Хасан Абдулла. Курды в общественно-политической жизни Сирии в 1918—1962 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1977, с. 5.

¹⁴⁷ Там же, с. 8—9; Oriente moderno. № 4, 15 Settembre 1923, c. 220.

¹⁴⁸ Oriente moderno. № 4, 15 Settembre 1923, c. 220—221.

¹⁴⁹ К «своим» и к проживавшим в арабских странах курдам кемалисты относились по-разному не только в политическом, но и в религиозном аспекте. Проводя у себя «дома» секуляристский (лаицистский) курс, за рубежом они поддерживали курдских клерикалов. В университете «Аль-Азхар» (Каир) была создана курдская группа. Ее настоятель шайх Саид, именовавшийся также Бади аз-Заман аль-Курди, имел связи со Стамбулом и Анкарой и собирал свою паству в медресе Аз-Захра. В турецких газетах обсуждалось предложение построить такое же медресе близ оз. Ван (там же, № 5, 15 Ottobre 1923, c. 326).

¹⁵⁰ Там же, № 3, 15 Marzo 1924, c. 192—193.

¹⁵¹ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 209, л. 55—56. Сводки разведанных № 4 за неделю, кончающуюся 27 января 1923 г. от британского военного атташе в Тегеране, 28 января 1923 г.

¹⁵² Там же, л. 111, 231. Сводки разведанных № 11 от 18 марта 1923 г. и № 32 от 11 августа 1923 г.

¹⁵³ Парижская «Матэн» утверждала, что после поражения дашнаков кемалистское командование постановило перебросить войска Карабекира против греков, а «надзор» за армянскими землями поручить тем курдским племенам, которым Анкара доверяла, и под контролем турецких офицеров (Matin. 15.11.1920. Бюллетень НКВД. 1920, № 50, 15.12, с. 28).

¹⁵⁴ Васильев К. Причины и движущие силы курдских восстаний.—Аграрные проблемы. 1931, кн. 9—10, с. 105; Гранкур К. Г. Тактика на Ближнем Востоке. М.—Л., 1928, с. 29, 35.

¹⁵⁵ Астахов Г. От султаната к демократической Турции. М.—Л., 1926, с. 34.

¹⁵⁶ Gentizon Paul. Mustapha Kemal au l'Orient en marche. P., 1929, c. 69.

¹⁵⁷ Астахов Г. От султаната к демократической Турции, с. 35.

¹⁵⁸ Фрунзе М. В. Поездка в Ангору.—Собрание сочинений, Т. 1. 1905—1923 гг. М.—Л., 1929, с. 300.

¹⁵⁹ Там же, с. 302.

¹⁶⁰ Гранкур К. Тактика на Ближнем Востоке, с. 29.

¹⁶¹ Юст К. Анатолийская печать. Тифлис, 1822, с. 177.

¹⁶² Там же, с. 135, 141.

¹⁶³ Там же, с. 142.

¹⁶⁴ В Стамбуле оставался только сейид Абдул-Кадыр, считавшийся сторонником кемалистов, вероятно, только на том основании, что он враждовал со своим племянником сейидом Таха, который с кемалистами был на ножах.

¹⁶⁵ Лахути. Курдистан и курды, с. 67.

¹⁶⁶ Там же, с. 64.

¹⁶⁷ Подробнее см.: Гисаров М. А. Курдский вопрос в Турции, с. 55—57; Джабар Гафур Абдель Кадер. Курдское национальное движение в Турции между двумя мировыми войнами. Дис. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. М., 1977, с. 63—64.

¹⁶⁸ Гисаров М. А. Курдский вопрос в Турции, с. 58—63; Джабар А. Курдское национальное движение, с. 65—68.

¹⁶⁹ Фрунзе М. В. Поездка в Ангору, с. 278, 345.

¹⁷⁰ Гисаров М. А. Курдский вопрос в Турции, с. 59.

¹⁷¹ Васильев К. Причины и движущие силы курдских восстаний, с. 105. В то же время, будучи одним из лидеров правой оппозиции Кемало, он не прочь был использовать курдскую верхушку, в том числе Симко, в своих политических целях.

¹⁷² Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. IV. Победа новой Турции. 1921—1927. М., 1934, с. 49, 383—384.

¹⁷³ Турецкие власти, в том числе правонастроенный премьер-министр Рауф-паша, пытаясь, по словам Аралова, «создать атмосферу ссоры», обвинили в подстрекательстве битлисских курдов советского консула в Битлисе Ю. В. Мальцева, не имея на то никаких фактических данных (Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата, с. 162).

¹⁷⁴ Oriente moderno. № 2, 15 Juglio 1921, c. 153, 156.

¹⁷⁵ The Near East. № 551, December, c. 695.

¹⁷⁶ См., например: Pernot M. Question turque, c. 74—75.

¹⁷⁷ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. III, с. 434—435.

¹⁷⁸ Bischoff Norbert de. La Turquie dans le monde. L'empire ottoman.—La république turque. P., 1938, c. 174.

Глава VI

¹ Бюллетень прессы Среднего Востока. 1928, № 1, с. 8—9.

² Toynbee A. J. The Islamic World since the peace settlement, c. 465.

³ Бюллетень НКВД. 1921, № 61, 12.03, с. 35.

⁴ Гофман К. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 360.

⁵ Черчилль В. Мировой кризис, с. 271.

⁶ См.: Ключников Ю. проф. Севр и Лозанна. К истории дипломатических переговоров.—Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. XIX; Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 101—102; Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции, с. 231—235.

⁷ DBFP. Vol. XV. International Conferences and Conversations 1921, № 20 c. 175.

⁸ Там же, № 24, с. 194, 197, 198.

⁹ Там же, № 26, с. 213, 214.

¹⁰ При этом позиция формально существовавшего правительства «Высокой Порты» никак не просматривалась, ибо ее не существовало; делегация Стамбула полностью растворилась в общей турецкой делегации.

¹¹ DBFP. Vol. XVII. Greece and Turkey. January I, 1921—September 2, 1922. L., 1970, № 41, с. 62.

¹² A. History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI, c. 91; Toynbee A. J. The Western Question in Greece and Turkey. A Study in the Contact of Civilisation. L., 1922, c. 95.

¹³ Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции, с. 238—239.

¹⁴ Там же, с. 239.

¹⁵ Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. XX.

¹⁶ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. IV, с. 140.

¹⁷ DBFP. Vol. XV, № 65, с. 441.

¹⁸ Там же. Vol. XVII, № 288, с. 301. И. о. британского верховного комиссара в Стамбуле Раттиган — Керзону, 6 июля 1921 г.

¹⁹ Там же, № 422, с. 451. Рамболд — Керзону, 25 октября 1921 г.

²⁰ Там же, № 496, с. 535, 542. Керзон — Гардингу, 30 декабря 1921 г.

²¹ Там же, № 472, с. 512. Рамболд — Керзону, 6 декабря 1921 г.

²² Там же, № 526, с. 619. Меморандум об эвакуации Малой Азии греческими войсками от 9 февраля 1922 г.

²³ Hurewitz J. C. Diplomacy in the Near and Middle East. Vol. II, c. 98—100.

²⁴ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 217, л. 17. Меморандум от 26 октября 1921 г.

²⁵ Там же, л. 26. Керзон — графу Сен-Олеру, 5 ноября 1921 г.

²⁶ Там же, л. 49. Де Монтиль — Керзону, 17 ноября 1921 г.

²⁷ Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. XXII—XXIV; см. также: Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 116—117.

²⁸ Гофман Карл. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 122.

²⁹ Pernot Maurice. La Question Turque. P., 1923, c. 253.

³⁰ Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. XXIII.

- ³¹ Бюллетень НКВД. 1922, № 116, 27 февраля, с. 17.
³² Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. XXIV.
³³ DBFP. Vol. XVII, № 560, с. 676.
³⁴ Там же, № 561, с. 704.
³⁵ См.: Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время, с. 113—115.
³⁶ DBFP. Vol. XVII, № 563, с. 704.
³⁷ Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. XXIV—XXVI.
³⁸ Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East, с. 209.
³⁹ См.: Миллер А. Ф. Чанакский кризис и вопрос о Проливах.— Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории.
⁴⁰ DBFP. Vol. XVIII. Greece and Turkey. September 3, 1922 — July 24, 1923. L., 1972, № 81, с. 122. Керзон — Рамболду, № 455 и 456, 1 октября 1922 г.
⁴¹ Там же, с. 985, 986. Прил. II.
⁴² Там же, № 193, с. 274. Керзон — послу в Риме Рональду Грэхему, 14 ноября 1922 г.
⁴³ Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. XXV.
⁴⁴ DBFP. Vol. XVIII, № 196, с. 277, 278. Посол в Париже лорд Гардинг — Керзону, 15 ноября 1922 г.
⁴⁵ Британский дипломат и историк Гарольд Никольсон писал: «Доктрина самоопределения стала применяться не только к подчиненным расам Европы, на нее ссылались в защиту арабской, армянской, даже курдской независимости. На основе этой доктрины британское господство оспаривалось в Ирландии, Индии, Египте, даже в новоосвобожденной Месопотамии» (Curzon H. N. The Last Phase 1919—1925. A Study in Post-War Diplomacy. L., 1937, с. 143).
⁴⁶ Мун Т. П. Империализм и мировая политика, с. 166.
⁴⁷ DBFP. Vol. XVIII. № 228, с. 338. Керзон — Э. Кроу, 27 ноября 1922 г.
⁴⁸ Там же, № 257, с. 370—371. Керзон — Кроу, 6 декабря 1922 г.
⁴⁹ Там же, № 265, с. 380—381. Кроу — Керзону, 8 декабря 1922 г.
⁵⁰ Там же, № 273, с. 386, Керзон — Кроу, 12 декабря 1922 г.
⁵¹ Там же, № 340, с. 463—465. Керзон — Линдсею (сотруднику МИД), 23 января 1923 г.
⁵² Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. XXXIX—XI, Адамов Е. А. Турецкие и великие державы.— Международная жизнь. 1923, № 1, с. 13.
⁵³ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 218, л. 17—22.
⁵⁴ Лазарев М. С. Курдский вопрос, с. 215—217.
⁵⁵ АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 26, л. 86—93.
⁵⁶ Там же, л. 104—108.
⁵⁷ Там же, л. 109.

Воспроизведем в суммарном виде аргументы, систематизированные Лодером и наглядно характеризующие подходы конфронтировавших сторон как к мосульской проблеме, так и к курдскому вопросу вообще.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА МОСУЛЬСКОГО ВИЛАЙЕТА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Английские данные

Район	Курды	Турки	Арабы	Христиане	Евреи	Всего
Мосул . . .	179 820 (плюс 30 тыс. езидов)	14 895	170 663	57 425	9 665	432 468
Эрбиль . . .	77 000	15 000	5 100	4 100	4 800	106 000
Киркук . . .	45 000	35 000	10 000	600	1 400	92 000
Сулеймания . .	152 900	1 000	—	100	1 000	155 000
Всего . . .	454 720	65 895	185 763	62 225	16 865	785 468

Турецкие данные

Район	Курды	Турки	Арабы	Немусульмане	Всего
Сулеймания . .	62 830	32 960	7 210	—	103 000
Киркук . . .	97 000	79 000	8 000	—	184 000
Мосул . . .	122 000 (плюс 18 тыс. езидов)	35 000	28 000	31 000	216 000
Всего . . .	281 830	146 920	43 210	31 000	503 000

(Loder Y. de V. The Truth about Mesopotamia, Palestine and Syria. L., 1923, с. 214).

АНГЛИЙСКИЕ И ТУРЕЦКИЕ АРГУМЕНТЫ

А. Расовые

АНГЛИЙСКИЕ АРГУМЕНТЫ

1. Вышеприведенная статистика включает кочевников, кочующих в пределах Мосульского вилайета.
2. Турецкие цифры старые и неполные. Статистика дефектная, основанная на данных военного ведомства.
3. Арабы составляют $\frac{2}{3}$ жителей г. Мосула. Районы к западу от Тигра — чисто арабские. Между Тигром и районом Эрбиля — Киркука — Кифри подавляющее большинство населения — арабы. Только северо-восточные районы — не арабские, но здесь живут христиане (ассирийцы), которые бежали от турок и не хотят возвращаться в Турцию. Турки составляют $\frac{1}{12}$ населения. Они принадлежат к различным ветвям Оттоманской расы. Курды по языку принадлежат к иранцам, резко отличаясь от турок.

ТУРЕЦКИЕ АРГУМЕНТЫ

1. 170 тыс. кочевников не включены, так как кочуют в других районах.
2. Турки владеют страной давно и хорошо осведомлены о численности населения. Английские цифры обусловлены защитой арабских интересов.
3. Турецко-курдское большинство — 85%. Многие говорящие по-арабски — в действительности турки, потерявшие свой язык, или двуязычны. Местные турки родственны анатолийским. Турки и курды также родственны. Британская энциклопедия считает курдов и турок туранского, а не иранского происхождения.

Б. Политические

1. Курды всегда были настроены против Константинополя. Турки никогда эффективно не контролировали Южный Курдистан. Во время войны курды больше помогали англичанам, чем туркам. В районе Киркука курды голосовали за Фейсала.

1. Курды хотят воссоединиться с Турцией. Они не желают отделения или автономии, тем более включения в страну, которая является колонией европейской державы. Для курдов турецкое правительство — не иностранное. Они представлены в турецком парламенте и «были бы счастливы иметь права турецкого гражданства». Восстания против турок были местного значения и инспирировались иностранными державами. Курды враждебны англичанам и арабам.
2. Нет доказательств, что арабы Мосула хотят быть в составе Ирака. Англичане угнетают страну и непопулярны (восстание 1920 г.)

2. Английские войска размещены в Мосуле. Население желает быть в составе Ирака. Восстание 1920 г. — результат турецкой пропаганды. Сейчас Ирак переживает переходный период. Население хочет устойчивой администрации. Арабы не хотят турок.

3. Союзники обещали Мосул арабам. Принцип мандата, одобренный Лигой Наций, не может быть нарушен в одной стране без подрыва его целиком. Турция безоговорочно признала мандатную систему (договор Франклен—Буйона). Англичане заключили соглашение с Фейсалом, по которому страна не может быть расчленена.

4. К моменту подписания перемирия союзники были в нескольких милях от Мосула. Одна из статей перемирия позволяет захватить территории из соображений безопасности. Позиции, занятые армиями к моменту окончания военных действий, не имеют ничего общего с границами по мирному договору. Анкара же отказывается признать Мудросское перемирие.

В. Исторические

1. Турецкие аргументы приложимы и к Багдаду, который турки не требуют. В административном отношении Мосул может быть сделан отдельным вилайетом. Ведь исторические и этнические связи Греции с Анатолией не причина для отдачи последней Греции.

Г. Географические и экономические

1. Мосул географически и экономически неотделим от Ирака.

2. Мосул с Анатолией слабо связаны. Торговые пути идут через Сирию и севернее. Южный Курдистан тяготеет к Багдаду, но не к Анатолии.

3. Союзники не имеют международных обязательств, которые препятствовали бы возвращению Мосула Турции. Союзники обещали арабам не захватывать Мосул. Соглашение в Сан-Ремо, отдающее Мосул Англии, не может быть более устойчивым, чем межсоюзнические соглашения военного времени, которые признаны не отвечающими современным обстоятельствам. Мандатная система не имеет законных оснований, поэтому союзники не могут иметь обязательств перед Лигой Наций.

4. Мосул захвачен англичанами после Мудросского перемирия и вопреки ему. Право завоевания — не аргумент, поскольку не считается с мнением населения.

1. Мосул управлялся Турцией 11 веков. Он был под тюркскими и сельджукскими султанами еще до возникновения Османской империи и в эпоху арабских халифов. В Мосуле преобладают турецкие этнические названия.

1. Географически и климатически Анатолия и Ирак делятся линией Джебель-Хамрин — Джебель-Фухуль-Вади и Татар—Джебель-Синджар. К северу от этой линии финиковая пальма уже не растет.

2. Мосул лежит на торговых путях между Анатолией и Сирией и Персией. Он — выход для Южной Анатолии. Мосул в основном торгует транзитными анатолийскими товарами. К моменту установления железнодорожного сообщения со Средиземным морем Мосул свяжется кратчайшим путем с Европой.

Д. Военные

1. Турецкая армия в Мосуле будет угрожать Багдаду.

2. Джебель-Хамрин — не горы, а холмы. Турки легко смогут захватить Багдад, житницу Ирака, и торговые пути, ведущие к Ирану. Турецкая граница в Европе находится в 80 милях от Константинополя. Турки говорят,

1. Турция не имеет агрессивных намерений.

2. Предполагаемая граница не ближе к Багдаду, чем персидская. Если 70 миль не хватает, то что сказать о Константинополе, проливах, Адрианополе и Фракии?

что этого недостаточно для его безопасности. Но 60 миль от Багдада они считают достаточными. Безопасность Константинополя гарантируется конвенцией о проливах.

(Loder Y. de V. The Truth about Mesopotamia, с. 215—218).

⁵⁸ Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании и Версаль до Локарно, с. 339.

⁵⁹ По словам Мустафы Кемалю, Керзон был акционером «Тэркиш ойл», точнее — «Тэркиш петролеум» (Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата, с. 168). В других источниках этот факт не подтверждается.

⁶⁰ Гофман К. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 121—123.

⁶¹ Nikolson H. Curzon, с. 333, 336; Foster Henry A. The Making of Modern Iraq. A Product of World Forces. Norman, 1935, с. 145.

⁶² Earl of Ronaldshay. The Life of Lord Curzon. Being of Authorized Biography of George Nataniel Marquess Curzon of Kedleston. Vol. III, с. 336.

⁶³ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. IV, с. 140.

⁶⁴ DBFP. Vol. XVIII. № 290, с. 408. Меморандум Форбс-Адамса от 24 декабря 1922 г.

⁶⁵ Павлович Мих. Лозаннская конференция, с. 29.

⁶⁶ Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. XII—XIII.

⁶⁷ Oriente moderno. № 8, 15 gennaio 1923, с. 483—484.

⁶⁸ Ее еще летом 1922 г. проектировали создать в Ванском вилайете, на границе с Ираном и Ираком, со столицей в Амадии [Oriente moderno. № 4, 15 Settembre 1922, с. 719—720].

⁶⁹ Там же, № 10, 15 Marzo 1923, с. 609; Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время, с. 117—118.

⁷⁰ В октябре 1920 г. курды племен барзан и зибари разбили ассирийский отряд численностью 4 тыс. под командованием Ага Путруса [Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. III, с. 414].

⁷¹ Кротков В. Права национальных меньшинств на Лозаннской конференции. — Международная жизнь. 1923, № 1, с. 66.

⁷² Там же, с. 67.

⁷³ Там же, с. 70.

⁷⁴ Nikolson H. Curzon, с. 339.

⁷⁵ Ключников Ю. Севр и Лозанна, с. X.

⁷⁶ DBFP. Vol. XVIII, № 370, с. 505. Керзон — Линдсею, 5 февраля 1923 г.

⁷⁷ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 135.

⁷⁸ DBFP. Vol. XVIII, № 606, 632, с. 859, 891. Керзон — Рамболду, 13 июня 1923 г.; Рамболд — Керзону, 23 июня 1923 г.

⁷⁹ Nikolson H. Curzon, с. 135—136.

⁸⁰ DBFP. Vol. XVIII, № 289, с. 405. Керзон — Пиппсу в Париж и Грэхему в Рим, 24 декабря 1922 г.

⁸¹ The Near East. № 615, February 22, 1923, с. 188.

⁸² FR. 1920. Vol. III, с. 792, 795—804.

⁸³ Киреев Н. Г. Провал концессии Честера (Из истории проникновения американского империализма в Турцию). — Советское востоковедение. 1958, № 3, с. 122.

⁸⁴ Гофман К. Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 148.

⁸⁵ Киреев Н. Г. К истории отношений между Турцией и США (1922—1923). — КСИИАН. XXX. Иран. Турция. М., 1961, с. 154—156.

⁸⁶ Киреев Н. Г. Провал концессии Честера, с. 123—124; его же. К истории отношений между Турцией и США, с. 152.

⁸⁷ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 140.

⁸⁸ Денни Л. Борьба за нефтяную монополию, с. 113.

⁸⁹ См.: Киреев Н. Г. Провал концессии Честера, с. 124—125; его же. К истории отношений между Турцией и США, с. 159—160.

⁹⁰ ДВП. Т. 4. М., 1960, с. 406.

⁹¹ Этот договор, подписанный в Лондоне 16 марта 1921 г. и означавший признание Англией Советской России де-факто, содержал, в частности, обоюд-

ное обязательство воздерживаться от враждебных действий и пропаганды: Англии — в бывших колониях Российской империи, РСФСР — в первую очередь в Индии, Афганистане и, по смыслу соглашения, видимо, в Ираке.

⁹² ДВП, № 255, с. 403.

⁹³ В то же время советская сторона использовала дипломатические средства, чтобы пойти навстречу приграничному курдскому населению Турции. Карсский договор предусматривал облегчение перехода границы для пользования зимними и летними пастбищами (ст. 7 и 8). — Там же, № 264, с. 423.

⁹⁴ Там же. Т. VI. М., 1962, с. 78—79.

⁹⁵ Там же, № 60, с. 127, 131—132.

⁹⁶ Там же, № 73, с. 154—155. Нота Российско-Украинско-Грузинской делегации Председателю конференции от 13 января 1923 г.

⁹⁷ *Safrastian A.* Kurds and Kurdistan, с. 78.

⁹⁸ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. 145.

⁹⁹ Там же, с. 152.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, с. 152—154.

¹⁰² *Чичерин Г.* Лозаннская конференция и мировое положение. — Международная жизнь. 1923, № 2, с. 5.

¹⁰³ *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 171—172.

¹⁰⁴ Там же, с. 360.

¹⁰⁵ *Toynbee A.* Angora and the British Empire in the East. с. 687.

¹⁰⁶ *Toynbee A.* The Islamic World since the peace Settlement, с. 492—493.

¹⁰⁷ *Graves Philip P.* Briton and Turk. London — Melbourne. 1941, с. 207—208.

¹⁰⁸ Там же, с. 221—222.

¹⁰⁹ *Kimche Jon.* Seven Fallen Pillars. The Middle East, 1915—1950. L., 1950, с. 121.

¹¹⁰ *Oriente moderno.* № 9, 15 Febbraio 1923, с. 544.

¹¹¹ *Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата, с. 168.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР, ф. НАИ	— Архив внешней политики России, фонд «Национальный архив Индии»
ДВП	— Документы внешней политики СССР
КСИБ	— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР
УЗИВ	— Ученые записки Института востоковедения АН СССР
DBFP	— Documents on the British Foreign Policy
FR	— Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers
PRFR	— Papers Relating to the Foreign Relations of the United States

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас I 221
Аббас-ага 202
Абдаллах ибн Хусейн аль-Хашими 195
Абдул-Кадыр 67, 69, 99, 100, 103—105, 108, 112, 165, 166, 170, 171, 173—175, 238, 299, 304
Абдул Керим 205, 214
Абдул Керим Алака 64
Абдулла Джевет 67
Абдулла Тахмасб 221
Абдул Меджид 256
Абдул Рахим-эфенди 299
Абдул Хамид II 132
Абдуррахман-ага 232
Абдуррахман-бей 127
Абдуррахман-паша 212
Абдуррезак-бей 20
Авни-паша 166
Ага-Путрус (Бутрос-ага) 254, 265, 309
Адела-ханум 74, 202, 301
Азнз Бабан-бей 142
Азизолла-хан Сердар Моаззез 222
Али Галиб-бей 113, 116, 118
Али ибн Абу Талиб, халиф 284
Али Ихсан-паша 31, 67
Али Мирдан-хан
Али Риза-паша 113, 125, 150, 170
Аманолла Мирза Джахабани 218
Аманулла-хан 221
Амир Аршад 221
Аралов С. И. 229, 230, 305
Армстронг Г. К. 294
Асквит Г. Г. 164
Астахов Г. 236
Ахароньян (Агаронян) А. 135
Ахмед Абук-паша 166
Ахмед Тевфик-паша 174

Бабакр-ага (Бабакр Али) 73, 75, 90, 202, 203, 210, 232
Бабан-заде Хикмет 143
Бабан Хамди-паша 88, 90, 91, 108
Бадрхан Амин Али 67, 100, 109
Бадрхан-бек 20
Бадрхан Джеладет 100, 116, 117
Бадрханиды 20, 85, 86, 99, 103, 112, 118, 119, 127, 165, 169

Бадрхан Камуран Али 99, 100, 116, 117, 191
Бадрхан Сурейя 20, 98, 99, 103
Бадрхан Экрем 116
Бальфур А. Дж. 130, 139, 148, 149, 287, 297, 298
Барази Ахмед-ага 233
Барази Наджиб 233
Баранов Х. К. 288
Барзанджи Кадир 63, 203, 206
Барзанджи Махмуд 23, 32, 34, 36—39, 59, 62—65, 69, 78, 85, 201, 202—207, 210—214, 220, 221, 224—227, 229, 232, 277, 284, 288, 290
Барзани Ахмед 62, 73, 78
Барзани Мустафа 73
Бекир Сами-бей 244—249, 299
Белл, полковник 118
Белл Г. 42, 69, 105, 106, 118, 194, 196, 197, 285
Бенъямин Мар-Шимун 18, 93
Берар В. 163
Бертело 151, 153—155, 157—159
Берти Ф. Л. 48
Бил 82, 86
Бишоф Н. 240
Бомпар 260
Бриан А. 248, 253, 254
Брукс М. 46, 199, 200

Ванситарт Р. 153
Веб Р. 167, 171
Венизелос Э. 186
Вестерманн 142
Виграм У. 80
Вильсон А. Т. 33—36, 39, 64, 65, 69, 70, 72—78, 84—86, 91, 104, 105, 109, 152, 167, 175, 176—179, 194, 208, 285, 288
Вильсон В. 22, 50, 51, 54, 56, 57, 98, 130—132, 137, 140, 141, 143, 144, 146, 147, 156, 187, 268, 269
Вильчевский О. Л. 291
Виноградова А. 223
Восуг од-Доуле 21, 180
Врангель П. Н. 156, 162, 183, 192
Вули 113, 292
Вуль 229

аль-Гайлани Абд ар-Рахман 199, 201
Галиб Али-бей 103, 169
Гардинг 250
Гарингтон Ч. 257
Гасратян (Гисаров) М. А. 11, 294
Говен О. 253
Гофман К. 46, 47, 189, 242, 252, 263, 275
Грейвс Ф. 276, 277
Гувер Г. 146
Гурко-Кряжин В. А. 75, 164, 223
Гуро 265
Гэвен С. С. 84, 295

Дамад Измаил Хахкы-паша 299
Дамад Ферид-паша 108, 110, 112, 113, 115, 118, 119, 123, 125, 138, 139, 163, 167, 169, 174, 175, 180, 182, 229, 240, 293
Данн Р. 298
Дарвин Дж. 177, 178, 256, 297
Денни Л. 270
Денстервиль Л. 17, 23
Джавид-бей 208
Джалиле Д. Д. 6
Джами-бей 245
Джамиль-паша Заде 99, 100
Джафар-паша 198
Джевад-паша 239, 299
Джевет 126
Джемиль Чато-бей 115
Доббс Г. 213
Дюбуа 265

Жантизон П. 236
Жигалина О. И. 291
Жорж-Голи Б. 294
Жорж-Пико Ф. 149

Зейд ибн Хусейн аль-Хашими 231
Зеки-бей 245
Зеки-паша 125

Ибрагим-паша 105
Ибрахим Ханану 233
Ибрахим Хильми 227
Ильяс-бей 118
Исмет-паша Инёню 256, 258, 260—263, 266, 273
Ихсан-паша 207

Йеил 143

Кавам ос-Салтане (Ахмед Кавам) 222, 225, 226
Кадр-бей 99
Кака Ахмед 90
Кальторп 151, 165—167
Камаль М. А. 11, 282, 301
Камбон П. 155

Қара Вассыф-бей 299
Қасым-хан 44
Кемаль-Хамид-бей 250
Кеннеди К. 270
Керборан Ж. Г. де 265
Керзон Дж. Н. 21, 48, 51, 86, 87, 131, 150, 152—156, 159, 165—167, 170—173, 175, 177—180, 241, 243, 245, 246, 250, 252, 254, 257—263, 266, 267, 277, 286, 289, 298, 299, 309
Керр Ф. Х. (лорд Лотинан) 48, 286
Кидстон 168, 169
Кимхе И. 277
Кинг Г. 142—144, 146, 148
Клемансо Ж. 54, 55, 134, 140, 148, 149, 163, 297
Кокс П. 19, 21, 22, 33, 66, 71, 178—180, 190, 194, 196—198, 210, 276
Корнуоллис Г. 149
Котлов Л. Н. 11, 289
Крейн Ч. 142—144, 146, 148
Кроу Э. 150, 151, 168, 169
Кязым Карабекир-паша 187, 239, 294, 295, 304

Лахути Абулькасим 99, 220, 230, 238
Ленин В. И. 61
Либиер А. 143, 144
Личмэн Т. 37, 82
Ллойд Джордж Д. 9, 48, 50, 51, 53, 87, 130—132, 134, 136, 140, 149, 154—156, 159, 160, 164, 171, 177, 178, 184, 188, 243—245, 249, 256, 286, 297
Лодер Дж. 306
Лонгриг С. Х. 72, 200, 288
Лорен П. 223, 225, 226
Лоти П. 163
Лоуренс Т. Э. 166, 194, 197
Люк 173, 174

Макдональд 38
Макдоуэлл 269
Мак-Кой 168
Маллесон У. 45
Мальцев Ю. В. 305
Мандельштам А. Н. 189
Маршалл У. 30
Матвеев (Бар-Маттай) К. П. 289
Маунселл Ф. Р. 107
Махмуд 126
Махмуд-бей 105, 113, 292
Махмуд Исмаил 127
Махмуд-хан Дизли 201
Мевлян-заде Рафаат-бей 166
Мемдух Селим-бей 99
Ментешавили А. М. 11
Мехмед Вехиб-паша 14
Мехмед VI Вахидеддин 110
Миллер А. Ф. 184, 228, 298

Миллер Б. В. 288
 Миллер Д. 133
 Милнер А. 136
 Мильеран А. 157
 Миллюков П. Н. 162
 Мокаррам оль-Мольк 94
 Момтаз оль-Мамалек 221
 Монтгомери Дж. 143
 Монтегю Э. С. 84, 85, 88, 89, 148, 151, 153, 176, 178
 Мохаммед Таги-хан 222
 Мошавер оль-Мамалек 99
 Мошир од-Доуле 221
 Мун П. Т. 184, 258
 Мустафа Бабан-заде 108
 Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк) 9, 98, 111, 113—120, 123, 125, 126, 165, 170, 180, 181, 207, 209, 228—230, 237, 239, 240, 246, 249, 252, 257, 263, 264, 291, 294, 295, 304, 309
 Мустафа-паша 99
 Мустафа-паша Нимруд 220
 Мухаммад, пророк 284
 Мухтар-бей 286
 Неджмуддин-бей 142
 Никольсон Г. 200, 247, 306
 Нитти Ф. 184
 Нихад-паша 240
 Ноэль Э. 34, 36, 39, 41, 66, 70, 77, 78, 81—85, 96, 103, 106, 108, 109, 111, 113, 114, 117—119, 125, 166, 168, 169, 175, 194, 196, 197, 203, 210, 218, 229, 292, 293, 298
 Нуреддин-паша 238, 240
 Обейдулла, вождь сурчи
 Обейдулла Нехри, шейх 64, 234
 Обрей Г. 48
 Оганджаниян 171
 Оздемир (Али Шефик-бей) 202, 206, 207, 211
 Омар-бей 99
 Орландо В. 133
 Осборн 247
 Осетров В. П. (Ирандуст) 215, 220, 223
 Осман Топал-ага 239
 Остин 80
 Павлович М. (Вельтман М. Л.) 191
 Пароди Х. 48
 Перлин Л. 222
 Перно М. 252
 Погос Пубар-паша 98, 171
 Пуанкаре Р. 9, 253, 254, 258
 Райен 169, 170
 Рамболд Г. 250
 Рамбу Л. 298

Рамзи-бей 202
 Раулинсон А. 215
 Рауф-паша 305
 Реза-хан 216, 217, 221, 225, 226
 Решид-паша 169
 Риза-бей 212
 Риза Нур-бей 259, 265
 Риза-эфенди 143
 Робек де 150, 169—175, 180, 299
 Росс Э. Дж. 95, 96
 ас-Саадун Абд аль-Мухсин 213
 Саид (Бади аз-Заман аль-Курди) 304
 Саид Молла 125
 Саид Пирани, шейх 295
 Сайкс М. 286
 Салех Зеки-бей 64
 Сафрастьян А. 274
 Селяхеддин 115, 116
 ас-Сенуси Сиди Ахмед аш-Шериф 231
 Сенусиды 231
 Сердар Аманулла-хан 220, 221
 Сердар Рашид 226
 Сефа-бей 172
 Симко (Смитко) Измаил-ага Авдон 18, 64, 67, 70—72, 91, 93—95, 180, 208—212, 215, 218—227, 236, 288, 303, 304
 Смэтс Я. Х. 131—133, 286
 Сон Э. Б. 22, 36, 39, 72, 87, 88, 285, 290
 Сулейман Назиф 67, 103
 Та (Таха) 18, 32, 36, 64, 69—74, 78, 82, 94, 95, 105, 108, 203, 207—211, 213, 215, 219, 223, 225, 226, 234, 283, 288, 304
 Тардые А. 55
 Теймур-хан 219
 Темперлей Г. 139, 247
 Тойнби А. Дж. 229, 275, 276, 295, 303
 Уилли 38
 Фатемиды Н. С. 294
 Фатима, дочь пророка 284
 Фатъма-ханум 236
 Федченко А. Ф. 11
 Фейсал ибн Хусейн аль-Хашими (Фейсал I) 136, 194, 198, 201, 207, 231, 240, 252, 260, 302, 307, 308
 Феттик 229
 Филиппов 94
 Фируз Мирза Насред од-Доуле (принц Фируз) 179, 180
 Франклен-Буйон А. 251—253, 256, 274, 276, 308
 Фрезер Т. 64
 Фрунзе М. В. 236, 237, 239, 255
 Фрю 125

Хаджи Муса-бей 115
 Хадж Мустафа-паша 64
 Хазаль 219
 Хайдар-бей 291
 Хайдар-эфенди 166
 Халид-бей 127, 238
 Халил Бахур 127
 Халил-паша 95, 170
 Халил Рами-бей 118, 295
 Халфин Н. А. 6
 Харборд Дж. 144—146, 168
 Хауз Э. 9, 56, 57, 134, 143, 148
 Хашимиты 272
 Хессе Ф. 189
 Хирцель А. 86, 107
 Ховард Г. Н. 53, 54, 132, 134, 137, 142, 189, 284
 Ходоу (Ходаверды)-хан 222
 Хохлер 166, 168, 170, 171, 298
 Хусейн ибн Али аль-Хашими 52, 136, 194, 260, 291
 Хусейн-бей 142
 Хэй У. 65, 209
 Хюсейн Рауф-бей 229
 Хюсрев-бей 245
 Чайлд У. 269
 Челмсфорд 88
 Черчилль Дж. П. 215
 Черчилль У. 9, 50, 73, 148, 164, 184,

188, 194, 196—198, 214, 232, 243, 252, 300, 302
 Честер А. 270
 Честер К., адмирал 55, 56, 269, 271
 Чирол В. 232
 Чичерин Г. В. 271—273, 275
 Шакир-паша 113
 Шанцер 254
 Шаумян С. Г. 25
 Шериф-паша 21, 32, 36, 98—101, 103—105, 137, 142, 150, 156, 167, 172, 173, 174, 176, 177, 207, 245, 283
 Шпилькова В. И. 296
 Эдмондс С. 200, 202, 203, 205, 206, 210, 212, 214, 302
 Экрем-бей 99, 100
 Эльфинстон У. Дж. 292
 Эмин Али-бей 166
 Эмин-бей 166
 Эмир Али-бей 99, 166
 Энвер-паша 170, 209, 240, 294
 Юнус Нади-бей 237, 245
 Юст К. 237
 Юсуф Кемаль-бей 271, 272
 Юсуф Кямил-бей 20
 Янг 194, 196, 197

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австрия 147
 Австро-Венгрия 4, 51, 57, 59
 Адана 245
 Андрианоуполь (Эдирне) 308
 Азербайджан 27, 50, 123, 153, 154, 180, 209
 Азербайджан Южный (Иранский) 13, 17, 18, 26, 40, 44, 92—94, 98, 129, 220, 222, 224, 227, 234
 Азия 29, 138, 142, 190, 227, 258, 286
 Айдын 245
 Айн-аль-Араб 232
 Айнтеб (Газинтеп) 106, 117, 236
 Акра 73, 74, 78, 80, 83, 85, 124, 202, 210
 Александретта (Искендерун) 55, 126, 136, 233, 251, 270, 277
 Алеппо, см. Халеб
 Алтын-Кёprü 22, 78, 85, 246, 259
 Амадия 73, 85, 197, 210, 257, 259, 309
 Амасья 245
 Анатолия 82, 94, 97, 102, 113, 117, 118, 125, 126, 129, 134, 142—144, 149, 160, 161, 167, 182, 184—186, 188, 227, 236, 248, 255, 256, 263, 275, 295, 308
 Анатолия (Турция) Восточная 4, 12, 14, 67, 68, 77, 81, 83, 96, 100, 104—106, 108—111, 113—117, 120, 123, 124, 135, 144, 146, 160, 164, 168, 172—174, 222, 227, 236, 239, 250, 253, 264, 269—271, 291, 294
 Анатолия (Турция) Юго-Восточная, 40, 68, 70, 76, 78, 81, 97, 105, 106, 113, 123, 129, 149, 153, 159, 166, 184, 207, 209, 233, 243, 248, 251, 258, 308
 Анкара (Ангора) 111, 126, 213, 233, 236, 244, 245, 250, 255, 256, 260, 270, 304
 Анталья 252
 Антиохия (Антакья) 57, 126
 Арабский Восток 5, 19, 136, 164, 183, 190, 193—195, 242, 278
 Аравийское море 138
 Аравия (Аравийский п-ов) 42, 48, 51, 52, 57, 131—133, 231, 286, 287
 Арапир 137

Арабат 137
 Ардаган 15, 27
 Ардалан 92
 Армения 25, 40, 48, 50, 51, 53, 55, 57, 58, 68, 76, 81, 97, 115, 116, 123, 125, 129—135, 138, 141—147, 149, 154—156, 159, 160, 162, 163, 167, 170, 172—174, 179, 180, 183, 184—188, 192, 193, 210, 230, 236, 244, 249, 253, 268, 269, 271, 274, 286, 293, 297—299
 Армения Восточная 27, 68, 153, 168
 Армения Западная (Турецкая) 14—16, 25, 26, 47, 68, 144, 153
 Армянская ССР 25
 Асир 51, 300
 Афганистан 5, 51, 79, 248, 286, 287, 289, 310
 Афины 252
 Африка 133
 Африка Северная 278
 Африка Южная 133, 197
 Баакуба 79, 80, 157, 176
 Багдад 17, 44, 69, 78, 80, 83, 86, 88—90, 95, 104—106, 108, 109, 128, 150, 166, 168, 169, 173, 175, 177—179, 190, 191, 200, 205—207, 231, 243, 257, 259—261, 285, 308, 309
 Багдад, вилайет 31, 37, 42, 81, 89
 Базнан 64
 Байбурт 14
 Балканы (Балканский п-ов) 45, 54, 61
 Барадост 234
 Барзан 62
 Баку 13, 17, 18, 282
 Басра 270
 Басра, вилайет 31, 42, 81, 89, 285
 Батум (Батуми) 15, 27, 162
 Бахдинан 73
 Бахтиярия 19, 226
 Башкале 70, 137
 Баязид (Догубаязит) 142, 167, 208, 270
 Беершеба 54
 Бейрут 97
 Берлин 13
 Биреджик 40, 80

Битлис 56, 80, 81, 114, 142, 153, 239, 268, 305
 Битлис, вилайет 40, 81, 120, 135, 137, 145, 147, 164, 165, 174, 187, 188, 284
 Болджурдское ханство 222
 Болгария 59, 147
 Большой Заб, р. 35, 43, 76, 86, 268
 Босфор 168, 169, 242
 Бохтан 86
 Брест-Литовск (Брест) 14, 25, 26
 Британская империя 33, 44, 75, 162, 242
 Буланьк 127
 Ван 56, 80, 81, 86, 142, 234, 270, 291
 Ван, вилайет 40, 81, 120, 135, 137, 145, 147, 152, 164, 165, 174, 187, 188, 246, 268, 269, 284, 309
 Ван, оз. 76, 107, 132, 153, 265, 304
 Варто 127
 Варшава 183
 Везне 207
 Венгрия 59, 147
 Вираншехир 113, 127
 Гарзан 115, 239
 Геваре 71
 Германия 4, 16, 23, 25, 27, 46, 51, 56, 130, 131, 133, 141, 147, 165
 Гилян, ист. обл. 44, 224
 Голландия (Нидерланды) 162
 Греция 51, 183—186, 308
 Грузия 17, 27, 50, 153, 162, 183, 192, 282
 Дальний Восток 192
 Дамаск 95, 198
 Дана 54
 Дейр-эз-Зор 43, 76, 126
 Дели 9, 21, 33, 76, 96, 106, 179
 Дерсим (Тунджели) 14, 117—120, 124, 127, 174, 237—240, 246, 269, 292
 Джазира, географ. обл. 86, 207, 231, 232
 Джазира-ибн-Омар (Джизре) 20, 40, 77, 80, 85, 124, 159, 252
 Джаник 120
 Джебель-аль-Акрад 232
 Джебель-Синджар, горы, географ. обл. 23, 43, 137, 231, 242, 285, 308
 Джебель-Фухуль-Вади 308
 Джебель-Хамрин, горы 308
 Джераблус 126
 Диарбекир (Диярбакыр) 55, 66, 67, 77, 78, 80, 83, 99—101, 104—106, 108, 109, 114, 116, 123, 125, 129, 136, 142, 144, 168, 174, 207, 239, 270, 291, 298
 Диарбекир, вилайет 81, 120, 135, 137, 139, 145, 152, 164, 174, 246, 284

Дивриги 137
 Дие 70
 Дияла, р. 35, 79
 Додеканес, о-ва 184
 Домлу-Пынар 236
 Дохук 80, 85
 Европа 10, 20, 81, 97, 147, 258, 306, 308
 Евфрат, р. 21, 40, 105, 125, 139, 143, 158, 250
 Египет 5, 46, 47, 54, 149, 178, 186, 194, 306
 Ереван (Эривань) 25, 169
 Женева 25, 265
 Забайкалье 192
 Закавказье 13—17, 19—22, 25—27, 44, 47, 51, 98, 107, 139, 141, 144, 145, 156, 160, 170, 183, 210, 229, 230, 279, 280
 Закаспий 45
 Захо 62, 85, 86, 124, 127
 Иерусалим 300
 Измир (Смирна) 82, 83, 85, 104, 184, 185, 245
 Индия 21, 34, 46, 47, 64, 79, 148, 152, 165, 178, 200, 209, 241, 271, 287, 289, 306, 310
 Инёню 192, 243, 250
 Ирак (Месопотамия) Северный и Северо-Восточный 4, 12, 30, 36, 42, 43, 46, 67, 70, 76, 166, 169, 202, 204—207, 210, 213, 222, 227, 230—232, 253, 258, 270, 271, 297
 Ирак Южный 19
 Иран Западный 4, 12, 13, 17, 18, 20, 26, 93, 215, 217, 222, 226, 234
 Иран Северный и Северо-Западный 13, 16, 17, 36, 51, 180
 Иран Северо-Восточный 221
 Иран Юго-Западный 19, 217, 219, 220, 226
 Ирландия 306
 Исфахан 44
 Италия 4, 22, 28, 48, 52, 101, 140, 141, 145, 154, 158, 159, 162, 183, 186, 192, 193, 231, 241—244, 248, 249, 251, 254, 256, 267, 296
 Йемен 51, 195, 300
 Кавказ 25, 50, 57, 132, 150, 169, 229, 244
 Кавказ Северный 18, 27
 Кагызман 116
 Каир 47, 97, 98, 168, 191, 194, 195, 198, 199, 304
 Калькутта 47, 191

- Канада 80, 162
 Каракилисе 167
 Карлюова 127
 Карс 15, 27, 255
 Каспийское море 17
 Касре-Ширин 17
 Катма 126
 Керманшах (Бахтаран) 19—21, 44, 92, 129, 219, 224, 226
 Киликия 52, 54, 55, 85, 97, 107, 124, 134, 135, 142, 143, 145, 147, 149, 153, 154, 157, 159, 163, 168, 169, 248, 251
 Кипр 186
 Киркук 22, 23, 36, 55, 64, 78, 85, 86, 126, 137, 142, 197, 198, 200, 201, 205, 206, 213, 219, 259, 275, 306, 307
 Киркук, округ, лива 34, 38
 Кифри 22, 23, 36, 74, 78, 85, 86, 259, 275, 307
 Кой-Санджак 38, 80, 124, 200, 259
 Котур 226
 Кочкири 238—240
 Курдистан Восточный (Иранский) 8, 9, 11—13, 16—21, 26, 33, 36, 40, 44, 47, 58, 61, 64, 66, 71—73, 78—81, 91, 92, 94, 96, 97, 127, 135, 142, 151, 157, 161, 173, 180, 207, 209, 211, 218—225, 227, 230, 231, 233, 234, 241, 243, 283
 Курдистан Северный и Западный (Турецкий) 12, 14—16, 21, 24, 26, 33, 40, 47, 53, 55, 76, 78, 81, 83, 96, 97, 100, 103, 105, 106, 108, 109—112, 117, 119, 123—127, 137, 144—146, 155, 157, 161, 172, 179, 180, 190, 208, 209, 222, 226, 227, 230—235, 238—241, 251, 254, 270
 Курдистан Юго-Восточный 23, 36, 63, 71, 72, 172
 Курдистан Юго-Западный (Сирийский) 5, 10, 22, 41, 54, 61, 67, 77, 80, 82, 83, 97, 117, 136, 149, 152, 166, 179, 195, 227, 231—234, 242, 248, 251, 253, 267, 268, 290
 Курдистан Южный (Иракский) 5, 8, 10, 19, 21—24, 29—36, 38—44, 53—55, 59—63, 65—67, 69—75, 77, 81—86, 88—91, 96, 97, 124, 126, 127, 136, 142, 145, 149—153, 155—157, 159, 161, 164—166, 173, 176—179, 190, 193, 195, 196, 197—200, 202—207, 209—215, 226, 230—234, 236, 243, 251, 253, 259, 267, 268, 270, 276, 298, 300, 307, 308
 Курдистан Центральный 70, 72, 74, 79, 86, 164, 210
 Кучанское ханство 222
 Кызыл-Рибат 74, 259
 Левант, ист. обл. 253
 Ливан 42, 54, 133, 142, 157, 185, 265
 Ливия 186
 Лозанна 213, 241, 250, 256, 265, 267, 269, 272—275, 277
 Лондон 8, 9, 19, 21, 33, 44, 76, 78, 96, 104, 106, 128, 141, 148, 168, 169, 172—175, 177, 178, 180, 190, 218, 243, 244, 248, 249, 252, 261, 309
 Лурестан 19, 44, 92, 219, 222
 Мазендеран 44
 Македония 61
 Макинское ханство 219
 Маку 234
 Малазгирт 127
 Малатья 106, 113, 117—120, 124, 125, 144, 169, 240, 298
 Малая Азия 13, 15, 19, 26, 27, 48, 55, 57, 120, 139, 149, 160, 162, 184, 185, 250, 287, 294
 Малый Заб, р. 86
 Мандали 74
 Мараш 124, 135, 236
 Мардин 66, 67, 80, 106, 144, 236, 291, 298
 Марокко 186
 Марсель 283
 Мекка 52, 136, 190, 260, 291
 Мераре 218
 Мерв (Мары) 139
 Миандоаб 218
 Москва 8, 212, 216, 248
 Мосул 21—23, 30, 55, 78, 82, 104, 126, 127, 179, 209, 212, 219, 231, 243, 259, 270
 Мосул, вилайет, лива 31, 33, 36—38, 42, 43, 46, 47, 53, 71, 76, 77, 79, 81, 85, 86, 89, 101, 129, 130, 132, 134, 137, 139, 142—144, 148—150, 152, 155—159, 163, 164, 176, 184, 189—191, 195, 197, 198, 200, 201, 204, 213, 225, 226, 229, 230, 246, 249—251, 257—263, 265, 267, 268—270, 272, 273, 275—277, 284, 285, 295, 297, 298, 306—308
 Мохаммера (Хорремшехр) 219
 Муданья 255, 257
 Муш 153, 174, 268
 Нахичевань 116
 Неджд 195, 300
 Нефтахане 74
 Нери (Нехри) 70, 71, 78
 Норвегия 162
 Нусайбин 40, 66, 77, 80, 106, 233, 251, 252
 Нью-Йорк 269
 Океания 133
 Орамар 71
 Османская империя 13, 14, 23, 24, 28, 30, 42, 50, 57, 58, 120, 129, 179, 182, 183, 187, 308
 Пакистан 289
 Палестина 5, 42, 47, 51, 53—55, 57, 131—133, 137, 141, 142, 144, 154, 161, 163, 185, 188, 194, 241, 286, 287, 297
 Париж 54, 58, 59, 76, 77, 97, 98—100, 128, 130, 137, 139—142, 147, 150, 163, 162, 163, 160, 180, 182, 193, 233, 242, 244, 254, 248, 265
 Персидский залив 19, 42, 85, 89, 142, 157, 178, 191, 218
 Пишдер 202
 Пиш-е Кух 92
 Польша 51, 227
 Пошт-е Кух 92
 Пролиты черноморские (Босфор и Дарданеллы) 46, 129, 145, 149, 182, 185, 187, 255, 257, 271
 Равандуз (Ревандуз) 46, 66, 70, 71, 74, 78, 82, 86, 137, 200, 202, 206, 210, 212, 213, 225, 231, 232, 234, 259
 Рания 38, 78, 80, 202, 206, 210, 213
 Рас-эль-Айн 40, 80
 Риф 152
 Родезия 197
 Российская империя (Россия) 12—14, 16, 19, 20, 22, 24, 25, 26, 28, 41, 46, 65, 68, 72, 92, 98, 130, 133, 141, 187, 217, 279, 283, 284, 310
 РСФСР (Советская Россия) 14, 16, 26, 27, 52, 72, 100, 112, 163, 183, 184, 191—193, 210, 212, 216, 219, 222, 228, 230, 241, 248, 249, 255, 271, 272, 276, 279, 309, 310
 Румелия, ист. обл. 117, 125
 Сакарья, р. 250
 Салмас 94, 223, 234
 Самсун 239, 270
 Сан-Ремо 90, 147, 156, 163, 165, 175, 178, 182, 184, 188, 189, 308
 Сарыкамыш 239
 Севр 91, 163, 164, 182, 188, 193
 Сенне (Сенендедж) 18, 137
 Сивас 55, 56, 113, 117, 122, 240, 270, 293, 294
 Сивас, вилайет 113, 120, 135, 145, 284
 Сиверек 127, 246
 Сириг 67, 127, 239, 267
 Сирия Восточная 76
 Сирия Северная 135, 263
 Соединенные Штаты Америки 2, 10, 22, 45, 50, 52, 55, 56, 58, 59, 68, 81, 98, 101, 109, 110, 131, 134, 140, 141—149, 154, 159, 160, 167, 168, 188, 193, 262, 268—271, 275, 287, 294, 296, 298
 Сомай 234
 Соуджбулак (Межабад) 18, 21, 36, 218, 220
 Союз Советских Социалистических Республик 5, 25, 68, 99, 282
 Средиземное море 46, 47, 57, 68, 69, 138, 142, 173, 308
 Средиземноморье Восточное 45, 47, 171, 270, 278
 Средняя Азия 141, 156, 279, 280
 Стамбул (Константинополь) 35, 46, 55, 59, 80, 82, 87, 97, 100, 102—105, 108—110, 112, 114, 116, 121, 124, 125, 127—129, 134, 139, 142, 143, 145, 149, 150, 158, 165—170, 175, 177, 182, 185, 187, 213, 237, 241, 250, 257, 280, 291, 295, 298, 304, 307—309
 Судан 186
 Сулеймания 23, 24, 36, 38, 39, 55, 62—66, 70, 72, 75, 77—80, 83—86, 88, 89, 95, 99, 124, 126, 137, 142, 159, 176, 196, 197, 200, 201, 203, 206, 210—214, 226, 227, 229, 234, 259, 270, 288, 290, 306, 307
 Тавр, хр. 51, 125, 138
 Тасулуджа 64
 Татар 308
 Тебриз 19, 211, 219, 220, 234
 Тегеран 21, 24, 44, 59, 71, 128, 139, 151, 179, 217—221, 223, 225, 267—268, 273, 280
 Тель-Афар 137
 Тель-Калах 233
 Темза, р. 169
 Тергевер 209
 Тигр, р. 143, 150, 159, 276, 307
 Трапезунд (Трабзон) 14, 245, 270
 Трапезунд, вилайет 81, 120, 164, 165, 167, 187, 188
 Транснордания (Иордания) 5, 136, 194, 195
 Туз (Туз-Хурматли) 22, 23, 246
 Тунис 186
 Туркестан 45, 192
 Турция Азиатская 22, 57, 109
 Украинская ССР 255
 Урмия 19, 86, 94, 180, 209, 210, 223, 234
 Урмия, оз. 17, 79, 207
 Урмия, округ 71, 79, 86, 92, 94—96, 129, 130
 Урфа 77, 80, 101, 105, 117, 118, 124, 127, 168
 Фарс 92
 Фейш-Хабур 85
 Фракия Восточная 129, 145, 185, 186, 237, 250, 277, 287, 308

Хабур, р. 150
 Хакяри 67, 135, 138, 268
 Халабджа 34, 202, 213
 Халеп (Алеппо) 108, 118, 233, 298
 Хамадан 19, 219
 Ханекин 74, 78, 84, 85, 259
 Харпут (Элязыг) 55, 80, 114, 116—
 120, 123, 125, 142, 144, 174, 270, 293
 Харпутский (Мамурет-уль-Азизский)
 вилайет 40, 81, 113, 120, 135, 145,
 164, 174, 245, 246, 284, 293
 Хива 139
 Хиджаз (Геджас) 42, 51, 183, 185,
 186, 194, 195
 Хой 94, 180, 223, 234
 Хорасан 45, 92, 221, 222
 Хузестан 219
 Хыныс 127
 Чёлемерик 71
 Чемчемаль 34, 202, 213
 Черное море 47, 68, 107, 135, 153,
 271
 Чехрик 94
 Чобанбей 251, 152

Шатт-эль-Араб, р. 218
 Шахпур 94
 Шахризур 201
 Швейцария 213
 Шемдинан 71, 209
 Ширванское ханство 222
 Ширнак (Шернах) 62, 124, 232, 287
 Широ 295

Эгейское море 142, 186
 Энзели 17
 Эрбиль 22, 62, 74, 78, 80, 85, 86, 89,
 124, 137, 200—202, 205, 208, 209,
 210, 212, 246, 259, 306, 307
 Эрзерум (Эрзурум) 122, 123, 137, 238,
 270, 293
 Эрзерум, вилайет 81, 120, 135, 137,
 145, 153, 164, 165, 167, 187, 188,
 284
 Эрзинджан

Южно-Африканский Союз 197
 Юмурталык 55

Япония 28, 52, 154, 244, 296

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ, ПЛЕМЕННЫХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ

авдон 93
 авроман 64, 201
 азербайджанцы 92, 169, 171, 219, 302
 албанцы 173
 али-илахи (ахле хакк, алеви, кызыл-
 баши) 144, 237, 285, 292, 293
 арабы 29, 36, 43, 63, 65, 73, 75, 77,
 84, 88, 123, 136, 148—150, 155, 176,
 185—187, 198, 200, 217—219, 231,
 259, 260, 262, 264, 266, 295, 306—
 308
 армяне 13, 14, 16, 17, 20, 26, 27, 55,
 57, 68—71, 77, 81, 87, 106, 107, 115,
 131, 132, 136—138, 143, 146, 148,
 149, 152, 155, 164, 166, 167, 171—
 173, 185—189, 208, 219, 220, 227,
 243, 254, 264—266, 292, 293
 ассирийцы (айсоры) 17, 18, 37, 42, 43,
 71, 73, 76, 77, 79, 86, 92, 93, 138,
 144, 152, 157, 172, 176, 186, 206,
 210, 213, 219, 220, 227, 234, 241,
 257, 259, 261, 264, 265, 268, 288,
 289, 297, 307, 309
 афганцы 152
 афшар 218
 бане 218
 барзан 73, 309
 бахтиары 93, 217, 219, 221
 бекзаде 209
 бильбас 92
 говрик 218
 тоян 62, 73
 треки (малоазиатские) 185—187
 дебокри 218, 219
 джаф 63, 64, 93, 202
 джибран 127
 джилу 80, 289
 дило 75
 друзья 149
 заза 116
 зарза 218
 зафаранлу 92, 221, 222
 зибари 73, 309
 евреи (ближневосточные) 149, 306
 езиды 23, 43, 231, 242, 283, 285, 306,
 307
 кадерхан 218
 казаки (донские и северокавказские)
 50
 кака 23
 кашкайцы 285
 кельхор 19, 93, 219
 куляи 93
 кухгилуйе 93
 кызылбаши см. али-илахи
 лазы 186, 239
 луры 93, 218, 221, 285
 мамасани 93
 мамаш 218
 мангур 218, 219
 марокканцы 152
 марониты 149
 милли 105, 113, 127, 292
 мотки 115
 мукри 21, 36, 92
 несториане 58, 77, 144, 156, 157, 176,
 289, 297
 орамар 75
 патаны (пуштуны) 79
 пиран 218
 пишдер 64, 73, 75
 поштдар 218
 рамазана 67
 рзшьян 289
 салахие 67
 сангао 75
 сенджаби 20, 44, 93, 219, 220, 285
 сирийцы 144, 150, 155
 сиро-халден (ассиро-халден, халден,
 халдейцы) 77, 144, 156, 158, 189,
 241, 266, 268, 297
 соран 73

сурчи 73, 75, 202

тайи 289

турки 166, 233, 262, 264—266, 268, 307

туркмены иракские (туркоманы) 152, 176, 297

туркмены иранские и среднеазиатские 221, 297

фейзоллахбек 218

хайдераан 209

хакарийские курды 209

халдейцы см. сиро-халден

хамавенд 23, 64, 202, 213

харки 67, 209

черкесы (малоазиатские) 189, 237, 246, 264

шаделлу 92, 221, 222

шаммары 289

шахрезуры 285

шахсевены 221

шеккак 93, 209

шернакли 67

SUMMARY

Mikhail Lazarev has written a number of works on the history of South-West Asia in the late 19th and early 20th centuries. In his writings he also deals with international relations and the nationalities question. *Imperialism and the Kurds' Issue* (1917-1923) continues the earlier study entitled the *Kurds' Issue* (1891-1917).

The book deals with the new division of Kurdistan, which triggered new conflicts and intensified the Kurds' issue which have not abated even now. The unique documents from the National Archives of India, publications of diplomatic documents, newspaper articles of that time, memoirs and other literature have been used.

The study focuses on the problem of „independent Kurdistan” first proposed by the Entente diplomats. However, it was not motivated by concern about the interests of the Kurds. The United Kingdom strongly insisted on this virtually colonial variant of Kurdish “independence”, because it wanted to establish undivided rule in Turkey, Iran and the Arab East. But as this policy failed, as a result of the rise in the national-literation movement in the Middle East after the October Revolution in Russia, Britain and the other Entente nations put down the idea of independent (or “autonomous”) Kurdistan. That step was welcomed by the nationalists (Kemalists) in Turkey and in other countries, as suggested by the Lausanne Peace Treaty. However, the idea of the Kurds' national self-determination, first recognized by the international community in the Sévres Treaty of 1920, was not forgotten. A struggle began in the entire Kurdistan in the post-war years. It was waged both on the local scale and on that of the entire Kurdistan. But it started in various regions at a different time and was different in intensity and political goals.

In Southern Kurdistan (Iraq) the struggle was most intensive. It was clearly anti-imperialist and this undoubtedly made it progressive despite its feudal leadership. British colonial authorities in Iraq, on the one hand, used repressions against Kurdish rebels, and on the other, pursued the “divide and rule” policy setting Kurds and Arabs against each other. That policy, however, only was partially successful. Neither then, nor later, were the British able to increase their hold in the Iraqi Kurdistan.

The situation in the Northern and Western (Turkish) and

Eastern (Iranian) Kurdistan was more complicated. Anti-imperialist trends were particularly strong there, as suggested by the Kurds' movement in Western Iran, controlled by the British, and in South-East Anatolia, occupied by British and French troops. But the main opponents to the Kurds' national movement in Turkey and Iran were the nationalists whose attitude to the Kurds was overtly jingoist. The budding Kurdish nationalism did not sustain confrontation with the ascending Turkish nationalism, which had gained an historic victory over the Entente, and the intensifying Persian nationalism.

Failure was primarily explained by socio-economic, cultural and political backwardness of the Kurds. There was no regular contact between the Kurdish leaders, ideologues and commanders. The rebellions of the Kurds were localized, spontaneous and uncoordinated. For this reason it was easy to suppress them.

Western powers, primarily Britain, wanted to play down the contradictions between the Kurdish nationalism, on the one hand, and the Turkish or Persian nationalism, on the other. But imperialist involvement in the Kurdish nationalist movement in Turkey and Iran was not very effective and did not sidetrack the movement from progressive historical orientation.

The post-war peaceful settlement did not meet the hopes of the Kurds, as it did not give them independence or freedom or at least regional autonomy. Moreover, ethnic division of the Kurds increased. Now they lived not in two, as before the war, but in four countries, two of which, Iraq and Syria, were controlled by Britain and France.

However, the actual situation around Kurdistan improved in that period. Owing to their northern neighbour, the Soviet Russia, whose policy was cardinally different from that of the former tsarist Russia and other imperialist nations, the Kurds elevated their movement to a new level and got a historical perspective they had not have before.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Курдистан на пороге новейшего времени	12
Турецкая оккупация Северного и Восточного Курдистана	12
Курдская политика Англии в конце первой мировой войны	19
«Российский фактор»	23
Глава II. Подготовка к новому разделу Курдистана	28
Планы и приготовления Англии в Южном Курдистане	29
На дипломатическом фронте	45
Глава III. Курдское движение в 1918—1920 гг.	59
Первое восстание шейха Махмуда Барзанджи	59
Другие выступления в Южном Курдистане	65
Английские проекты	75
Симко	91
Курдский национализм в Турции и политика Англии	96
Курдское движение и кемалисты	111
Глава IV. Путь к Севру	129
Курдский вопрос на Парижской мирной конференции	130
Позиция США	140
Англо-французские переговоры	147
Конференция в Сан-Ремо	156
Курдская политика Англии накануне Севра	164
Глава V. Севр и его последствия	182
Севр	182
На Каирской конференции	193
Ситуация в Иракском Курдистане	199
Курдские движения в Иране	215
Брожение в Турецком и Сирийском Курдистане	227
Глава VI. Лозанна	241
Лондонская конференция (февраль — март 1921 г.)	241
На подступах к Лозанне	250
Мосульский и курдский вопросы на Лозаннской конференции	255
Заключение	279
Примечания	282
Список сокращений	311
Указатель имен	312
Указатель географических названий	316
Указатель этнических, племенных и конфессиональных терминов	321
Summary	323

Научное издание

Лазарев Михаил Семенович

ИМПЕРИАЛИЗМ И КУРДСКИЙ ВОПРОС
(1917—1923)

Редактор Т. К. Гарушянц
Младший редактор Л. А. Добродегва
Художник Н. П. Ларский
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор В. П. Стуковнина
Корректоры Л. М. Кольцина и В. М. Кочеткова
ИБ № 16140

Сдано в набор 14.10.88. Подписано к печати 05.04.89. А-03259. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 20,5+0,5 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 21,25. Уч.-изд. л. 24,29. Тираж 2600 экз. Изд. № 6659. Зак. № 751. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Книги Главной редакции восточной литературы
издательства «Наука»
можно предварительно заказать в магазинах
Центральной конторы «Академкнига»,
в местных магазинах книготоргов
или потребительской кооперации

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

- 117393 Москва, ул. Пилюгина, 14, кор. 2, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Книга — почтой»;
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинградский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;

- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Кни-
га — почтой»);
142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»;
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — поч-
той»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 («Книга — почтой»).

